

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна

СЕРЫЯ III

ГІСТОРЫЯ

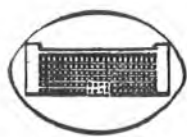
ФІЛАСОФІЯ

НАВУКОВЫ
КАМУНІЗМ

ЭКАНОМІКА

ПРАВА

2
1984

ВЕСНІК

*Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна*

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ III

ГІСТОРЫЯ

ФІЛАСОФІЯ

НАВУКОВЫ
КАМУНІЗМ

ЭКАНОМІКА

№ 2
ЛІПЕНЬ

ПРАВА

Галоўны рэдактар М. Д. ЦІВО
Нам. галоўнага рэдактара В. Р. РУДЗЬ
Адказны сакратар П. М. БАРАНОЎСКІ

Рэдакцыйная калегія серыі:

І. І. ЖБАНКОВА (адказны рэдактар),
М. І. БАЗЫЛЕЎ (адказны сакратар), П. І. БРЫГАДЗІН,
Г. П. ДАВІДЗЮК, П. П. ДРОНЬ (нам. адказнага рэдактара),
М. І. ЖУКАЎ, А. С. КЛЯУЧЭНЯ, У. К. КОРШУК, (нам. ад-
казнага рэдактара), М. І. КРУКОЎСКІ, Т. І. ПРЫТЫЦКАЯ,
М. В. РОЖЫН, В. С. СЦЕПІН, І. О. ЦАРУК, В. Г. ЦІХІНЯ,
В. Ф. ЧЫГІР, С. Я. ЯНЧАНКА

ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ЛЕНИНА
Серия III, № 2, 1984

Издательство «Университетское»
220048, Минск, проспект Машерова, 11. Дом книги.

Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок, тел. 20-65-42.
На русском и белорусском языках

Рэдактар А. А. Сычоў
Малодшы рэдактар Г. М. Добыш
Мастацкі рэдактар С. В. Балянук
Тэхнічны рэдактар і карэктар Г. І. Хмарун

Здадзена ў набор 27.04.84. Падпісана да друку 11.07.84. АТ 08551.
Фармат 70×108¹/₁₆. Папера друк. № 1. Друк высокі. Ум. друк. арк. 7,0.
Ум. фарб.-адб. 7,44. Ул.-выд. арк. 8,02. Тыраж 895 экз. Заказ 935.
Цана 80 кап.

Адрас рэдакцыі: 220080, Мінск, Універсітэцкі гарадок, тэл. 20-65-42.
Выдавецтва «Універсітэцкае». 220048, Мінск, праспект Машэрава, 11.
Дом кнігі.
Ордэна Працоўнага Чырвонага Сцяга друкарня выдавецтва ЦК КП
Беларусі, 220041, Мінск, Ленінскі праспект, 79.

© Веснік БДУ імя У. І. Леніна, 1984

Да 40-годдзя вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў

И. В. МАРЧЕНКО

ОПЕРАЦИЯ «БАГРАТИОН»

Одной из крупнейших стратегических операций 1944 года и Великой Отечественной войны стала Белорусская наступательная операция (условное название «Багратион»). В ней приняли участие войска 1-го Прибалтийского (командующий — генерал И. Х. Баграмян), 3-го Белорусского (генерал И. Д. Черняховский), 2-го Белорусского (генерал Г. Ф. Захаров) и 1-го Белорусского (генерал, с 29.06.1944 г. — маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский) фронтов, созданная на Советской территории 1-я армия Войска Польского, авиация дальнего действия, войска ПВО страны, Днепровская военная флотилия, значительные силы партизан и подпольщиков.

К началу боевых действий линия фронта в Белоруссии проходила восточнее Полоцка, Витебска, Орши, Могилева, Бобруйска и далее по р. Припять до Ковеля. Советским войскам здесь противостояли правофланговые соединения 16-й армии группы армий «Север», группа армий «Центр» в составе 3-й танковой, 4, 9 и 2-й полевых армий и левофланговые соединения 4-й танковой армии группы армий «Северная Украина» — всего 63 дивизии и 3 бригады. Они имели 1,2 млн. солдат и офицеров, свыше 9,5 тыс. орудий и минометов, 900 танков и штурмовых орудий, около 1350 самолетов. Войска противника занимали заранее подготовленную, глубоко эшелонированную (250—270 км) оборону, которая опиралась на развитую систему полевых укреплений и естественные рубежи.

С советской стороны к началу наступления привлекалось 2,4 млн. человек, более 36 тыс. орудий и минометов, 5,2 тыс. танков и самоходных орудий, 5,3 тыс. боевых самолетов¹. Целью операции был разгром группы армий «Центр» и освобождение Белоруссии. Ее замысел предусматривал одновременный прорыв обороны врага на шести участках, окружение и уничтожение его фланговых группировок в районах Витебска и Бобруйска, нанесение ударов силами трех белорусских фронтов в общем направлении на Минск. В дальнейшем советские войска должны были выйти к западной границе Советского Союза.

По характеру боевых действий и содержанию выполненных задач Белорусская операция делится на два этапа. На ее первом этапе, с 23 июня по 4 июля 1944 года, были проведены Витебско-Оршанская, Могилевская, Бобруйская и Полоцкая операции и завершено окружение минской группировки врага. Войска 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов, перейдя 23 июня в наступление, к 25 июня окружили западнее Витебска пять немецких дивизий, а к 27 июня полностью ликвидировали их. Войска 3-го Белорусского фронта, успешно развивая наступление, 1 июля освободили г. Борисов. Войска 2-го Белорусского фронта после прорыва обороны противника на реках Проня, Бася и Днепр 28 июня очистили от врага Могилев. Войска правого крыла 1-го Белорусского фронта к 27 июня окружили 40-тысячную группировку противника в районе юго-восточнее Бобруйска и в городе, а 29 июня ликвидировали бобруйский «котел».

Вскоре путем двухстороннего охвата из районов Борисова и Осиповичей на Минск и фронтального преследования были окружены главные силы отступающей на запад 4 немецкой армии, отдельные части 9-й армии

врага и к 3 июля войска Красной Армии вплотную подошли к столице Белоруссии.

Решающий удар по вражескому гарнизону в Минске, состоявшему из трех пехотных и одной танковой дивизий, трех полков СС и разных специальных подразделений, был нанесен на рассвете этого же дня. С востока и северо-востока в город вступил 2-й гвардейский танковый корпус, с севера — части 5-й гвардейской танковой армии и передовые отряды 11-й гвардейской и 31-й армий 3-го Белорусского фронта, в середине дня с юго-востока — 1-й гвардейский танковый корпус 1-го Белорусского фронта. Первыми в Минск ворвались воины 4-й танковой бригады под командованием полковника О. А. Лосика. Во второй половине 3 июля 1944 года Минск был освобожден полностью.

Город лежал в руинах. Вся центральная часть Минска и приокзалный район были разрушены врагом до основания. Из 332 предприятий уцелело только 19. Гитлеровцы превратили в развалины Университетский городок, ими были разрушены здания почти всех высших учебных заведений, 78 школ и техникумов, разграблены библиотеки и музеи столицы Советской Белоруссии². Несколько уцелевших крупных зданий (Дом правительства, здание ЦК КПБ, окружной Дом офицеров и др.) фашисты заминировали и подготовили к взрыву, их удалось спасти благодаря стремительному продвижению советских войск и помощи со стороны подпольщиков, которые указали воинам-саперам места минирования и вместе с ними очистили их от мощных фугасов.

Несмотря на освобождение столицы Белоруссии от гитлеровских оккупантов, бои северо-восточнее, восточнее и юго-восточнее Минска продолжались. Оказавшаяся в «котле» 105-тысячная вражеская группировка продолжала ожесточенно сопротивляться. Но дни ее были сочтены. 11 июля разгром окруженных войск был окончательно завершён. 57 тыс. солдат и офицеров врага оказались в плену советских войск.

На втором этапе Белорусской стратегической наступательной операции с 5 июля по 29 августа фронты, тесно взаимодействуя между собой, успешно осуществили Шяуляйскую, Вильнюсскую, Каунасскую, Белостокскую и Люблин-Брестскую операции.

5 июля советские воины овладели Молодечно, 8 июля — Барановичами, 10 июля — Слонимом, 14 июля — Пинском, 16 июля — Гродно, а 21 июля части 65-й армии перешли государственную границу в районе Беловежской пущи и приступили к освобождению Польши.

28 июля в результате решительного штурма был взят город Брест. Овладением Бреста войска Красной Армии завершили изгнание немецко-фашистских захватчиков с белорусской земли.

Советские войска в ходе операции «Багратион» показали высокое искусство стремительного фронтального и параллельного преследования отходящего противника, которое велось высокими темпами и на большую глубину. В летописи борьбы за освобождение Белоруссии много примеров героических подвигов советских воинов. Свыше 1600 из них были удостоены звания Героя Советского Союза, только в июле-августе боевыми орденами и медалями было награждено более 402 тыс. воинов³.

Коммунисты и комсомольцы первыми поднимались в атаки и форсировали реки, с железным упорством оттаивали плацдармы, увлекая на подвиги остальных воинов. Десятки тысяч бойцов выражали желание идти в бой коммунистами. Только в июле из состава четырех фронтов, освобождавших Белоруссию, в ряды Коммунистической партии было принято около 40 тыс. человек⁴.

Белорусская наступательная операция блестяще продемонстрировала боевое мастерство командиров, ратную доблесть, мужество и героизм воинов, партизан. 600 воинских частей и соединений, отличавшихся при освобождении Белоруссии, получили почетные наименования городов республики.

В ходе Белорусской операции была разгромлена одна из наиболее сильных вражеских группировок, уничтожено около 2 тыс. самолетов противника, разгромлено 67 дивизий и 3 бригады врага, из них 17 дивизий были уничтожены полностью. Были созданы благоприятные условия для нанесения новых мощных ударов по врагу на территории Прибалтики, Восточной Пруссии, Польши.

Большую помощь советским войскам оказывали белорусские партизаны и подпольщики. Они днем и ночью наносили удары по тылам группы

армий «Центр», дезорганизовывали работу транспорта, связи, оттягивали на себя большое количество сил врага для охраны военных объектов, сколачивали оперативные резервы врага, поставляли Красной Армии ценные разведывательные данные. С учетом специальных полицейских формирований, не входивших в состав 9 охранных дивизий, общая численность вражеских войск, участвовавших в борьбе против белорусских партизан, летом 1944 года составляла 18 дивизий⁵.

Бессмертные подвиги воинов Красной Армии, партизан, подпольщиков, антифашистов будут вечно жить в сердцах советских людей, всегда будут вдохновляющим примером для новых и новых поколений в их борьбе за укрепление экономической и оборонной мощи нашей Родины, за мир на земле.

¹ См.: Самсонов А. М. Крах фашистской агрессии 1939—1945.— М., 1982, с. 495.

² См.: Шаги великой победы.— М., 1978, с. 275.

³ См.: История Белорусской ССР.— Минск, 1977, с. 426.

⁴ См.: Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история.— М., 1979, с. 361.

⁵ См.: Липило П. П. КПБ — организатор и руководитель партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны.— Минск, 1959. с. 197.

А. И. КОЖУШКОВ, М. Ф. ЧУДАЕВ

ЗА ЧЕСТЬ И НЕЗАВИСИМОСТЬ РОДИНЫ (Участие преподавателей и студентов БГУ в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны)

Нападение гитлеровских захватчиков на нашу Родину прервало мирную работу университета. Профессора, преподаватели, служащие и студенты единодушно выражали готовность отдать все силы, а если понадобится, и жизнь делу защиты Отечества. В партийное бюро, комитет комсомола беспрерывно шли коммунисты, комсомольцы, беспартийные с заявлениями о добровольном вступлении в ряды Красной Армии. Уже в первые дни войны 450 студентов и преподавателей ушли на фронт¹.

Быстротечный характер боевых действий не позволил эвакуировать университет. 28 июня 1941 года фашисты ворвались в Минск. Большая часть преподавателей, сотрудников и студентов оказалась в оккупированном городе.

Здание биологического факультета фашисты отвели для своего госпиталя и начали выбрасывать на улицу экспонаты зоологического музея. Преподаватели биофака доцент Е. М. Зубкович, ассистент А. В. Вязович, аспирантка З. Завистович, препаратор А. К. Титок, руками которого было изготовлено большинство экспонатов музея, с риском для жизни перенесли их на Витебскую улицу и спрятали. Сюда же через некоторое время были перенесены часть химикатов химического факультета, некоторые пособия географического факультета и уцелевшие от фашистского грабежа книги университетской библиотеки.

Группа Е. М. Зубковича установила связи с Минским подпольным центром, собирала и передавала в Москву сведения о фашистских войсках. В конце июня 1944 года, за несколько дней до освобождения Минска, Е. М. Зубкович, А. А. Вязович и З. Завистович были схвачены фашистами и расстреляны. В подпольную комсомольскую организацию «Андрюша» входил студент университета В. Михневич. Впоследствии он возглавил группу «Виктор», которая активно действовала на Минском заводе имени К. Е. Ворошилова. Студентка географического факультета Н. А. Абрамович создала подпольную группу, члены которой, устроившись работать на нефтебазу, собирали важные сведения и передавали их партизанам и подпольщикам. Жизнь этой славной патриотки оборвалась в лагере смерти Освенцим.

Студент химического факультета Г. Фалевич руководил подпольной группой комсомольцев, которая снабжала Минский подпольный обком КП(б)Б медикаментами, шрифтами и сведениями о фашистах. В мае 1942 года члены группы Г. Фалевича были схвачены фашистами и казнены. В состав подпольной комсомольской организации Минска входили студенты университета С. Гуляев и А. Сума. Они погибли как герои. Одним из руководителей комсомольского подполья в Витебской области

был студент истфака В. Н. Позняк. Он принимал активное участие в партизанском движении, в создании, расширении и укреплении комсомольского подполья.

Не успел эвакуироваться из Минска старейший профессор исторического факультета, член-корреспондент АН СССР Н. М. Никольский. Партизанам вскоре стало известно о бедственном положении ученого в оккупированном городе и они вывели его в расположение партизанского отряда имени С. Лазо бригады «За Советскую Белоруссию». В партизанском лагере ученому были созданы условия для продолжения научной работы. Не успели уйти из Минска член-корреспондент АН СССР Н. А. Прилежаев и профессор И. А. Ветохин. Они активно участвовали в подпольной работе, были членами группы профессора Е. В. Клумова. Когда над патриотами нависла угроза ареста, партизаны помогли им выйти из города, а затем переправили в советский тыл.

Профессор И. Г. Некрашевич в июле 1941 года стал членом подпольной коммунистической группы, которой руководила М. Б. Осипова. И. Г. Некрашевич выполнял задания по разведке военных объектов, дислокации и перемещению гитлеровских войск, по изысканию боеприпасов, медикаментов и радиодеталей для партизанских отрядов. С 1943 года до освобождения Минска ученый был в партизанском отряде. Активной и бесстрашной связной Минского партийного подполья была преподаватель биофака А. А. Езубчик. Большое количество советских патриотов с ее помощью были переправлены в партизанские отряды. Студентка филфака Л. Костецкая состояла в подпольной организации Полоцка. В октябре 1942 года она была расстреляна. Мужество и стойкость проявил профессор А. Н. Столяров. Он отказался от фашистских посулов и после нечеловеческих пыток был казнен. В составе Минского подполья мужественно боролись студенты исторического факультета З. Коренькова, в Копыльском районе — С. Александрович, в Слуцком — студент физико-математического факультета Ф. Китунович.

Многие из тех, кто не успел эвакуироваться или вступить в ряды Красной Армии, стали активными участниками партизанского движения. Выпускник физико-математического факультета В. А. Парахневич возглавлял диверсионную группу; при его личном участии подрывники пустили под откос 20 вражеских эшелонов, уничтожили много живой силы и техники врага. Указом Президиума Верховного Совета СССР 15 марта 1944 года Владимиру Алексеевичу Парахневичу было присвоено звание Героя Советского Союза ².

В первые дни войны в Березино студенты истфака супруги Ф. Глинский и В. Витковская создали подпольную группу, деятельность которой началась с приема сводок Совинформбюро и распространения рукописных листовок, сообщавших населению правду о борьбе советского народа против захватчиков. В конце 1941 года при активном участии Ф. Глинского был создан партизанский отряд. В апреле 1942 года по доносу предателя Ф. Глинский был схвачен гитлеровцами. Для его казни фашисты соорудили специальную виселицу. Перед смертью отважный патриот крикнул: «Всех не перевешаете! Нас много, за нами правда, победа!». В. Витковская продолжала дело своего мужа. В 1944 году за несколько дней до прихода Красной Армии она была схвачена гестаповцами и расстреляна ³.

Отважным подрывником в партизанском отряде проявил себя студент истфака А. П. Вашкевич. Студентка географического факультета Н. Лисовец в годы войны возглавила женский партизанский отряд «Родина», действовавший на территории Франции. Заместителем командира партизанской бригады был воспитанник химфака, ныне доктор химических наук С. В. Маркевич, награжденный многими боевыми орденами. Орденами Ленина, Красного Знамени и медалями награжден выпускник университета, профессор И. В. Гуторов. В годы войны он заведовал отделом агитации и пропаганды в штабе объединенных партизанских отрядов Орловской области. Выпускница физмата Н. Л. Федоркович (Правильщикова) окончила курсы разведчиков и была заброшена на оккупированную территорию Белоруссии. Отважная разведчица выполнила все порученные ей задания, спасла от фашистской неволи многих советских людей, за что награждена орденами Отечественной войны и Красной Звезды. Активное участие в партизанской борьбе против фашистов принимали Н. А. Поляк (химфак), Р. В. Плащинская (физфак), В. Ф. Жданович, Н. В. Метельский (мехмат), А. В. Царюк (истфак) и др.

Значительная часть питомцев и сотрудников университета защищали свободу и независимость нашей Родины на фронтах Великой Отечественной войны. Михаил Павлович Котловец после окончания университета был направлен на работу директором школы в Смолевичи, а в 1938 году призван в Красную Армию. Он участвовал в Сталинградской битве, в освобождении Украины и Молдавии, Румынии и Болгарии. Отвагу и мужество проявил в боях под Кировоградом, подбив семь фашистских танков. В начале октября 1944 года на румынско-венгерской границе после гибели командира танкового батальона он принял командование и продолжал выполнять боевую задачу. Батальон уничтожил много живой силы и техники врага, но капитан М. П. Котловец погиб. Посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза⁴. Именем мужественного защитника Родины названы улицы в его родной деревне Лешня и в городе Мозыре. В Лешнянской школе Мозырского района создан музей в честь отважного воина.

И. Н. Лущицкий — воспитанник, а впоследствии профессор университета, был старшим инструктором политотдела дивизии, затем корпуса, лектором политотдела армии. За мужество и героизм, проявленные в боях с немецкими захватчиками, награжден орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды и медалями. Выпускник истфака, а затем его доцент и декан П. З. Савочкин воевал на фронте в должности офицера разведки дивизии, затем корпуса. Его ратные подвиги отмечены орденами Отечественной войны и Красной Звезды. Студент истфака, а затем его доцент и декан А. И. Сидоренко воевал под Ленинградом, будучи заместителем командира танкового батальона по политической части, был тяжело ранен. Боевые подвиги Сидоренко отмечены орденами Отечественной войны и Красной Звезды. Политработником в действующей армии был воспитанник истфака, а ныне профессор К. К. Герман, награжденный орденами Отечественной войны и Красной Звезды. Офицером дивизионной, затем корпусной разведки стал аспирант, а ныне профессор университета Г. М. Трухнов, кавалер орденов Отечественной войны и Красной Звезды. Активно боролись с врагом в составе действующей армии ныне академик АН БССР Н. И. Мицкевич, член-корреспондент АН БССР И. Г. Тищенко, профессор И. А. Прусов, доценты В. Ф. Беляев, А. А. Будкевич, А. И. Чирко, А. А. Лабуда, А. И. Левко, И. В. Марченко и многие другие. Воевал на фронте бывший ректор университета В. С. Бобровницкий.

Многие не дожили до дня Победы, пав смертью храбрых в боях с врагом. В их числе студент географического факультета К. Некрашевич, выпускник химического факультета П. Н. Чугунов, доцент геофака В. Е. Зудилин, аспирант геофака Т. С. Столярова, преподаватель истфака И. Ф. Лочмель, преподаватель физмата В. Л. Нисневич, студенты истфака супруги Г. Млотин и Т. Залуцкая. Студент истфака А. Фердер, коммунист, секретарь комсомольской организации, героически погиб, защищая Москву. Студенты истфака Н. Бобчинский и А. Наливайко, добровольцы-десантники погибли при освобождении Белоруссии. Жизнь студента истфака Л. Сокола оборвалась во время отражения атаки врага под Можайском. Под Ленинградом пали смертью храбрых студенты Н. Кукареко, Б. Довгулевич, И. Капелевич. Секретарь комсомольской организации, студент истфака И. Рыбаков ушел на фронт в первый день войны добровольцем. Разведчик Иван Рыбаков действовал на территории Белоруссии. Он погиб 14 сентября 1943 года⁵.

Мужество, преданность и любовь к социалистической Родине, проявленные студентами, преподавателями и сотрудниками университета в боях с врагами, не забыты. Студенты 70-х годов воздвигли на территории университетского городка обелиск, посвященный «Светлой памяти тех, кто из родного университета пошел на священную битву с фашизмом, и смертью полегли в сражениях, чтобы вечно светило над нашей Родиной солнце свободы». Ректорат и партийный комитет БГУ имени В. И. Ленина приняли решение о создании мемориала в честь тех, кто не возвратился с полей сражений.

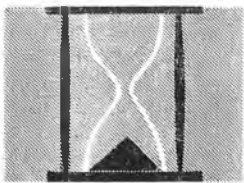
¹ См.: Белорусский государственный университет имени В. И. Ленина. — Минск, 1971, с. 33.

² См.: Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны, инв. № 10987, 14022.

³ См.: Архив музея истории БГУ им. В. И. Ленина, инв. № 3.

⁴ См.: Беларускі ўніверсітэт, 1982, 18 лютага.

⁵ См.: Беларускі ўніверсітэт, 1964, 6 чэрвеня; 6 ліпеня.

А. И. ТРЕТЬЯКОВА

РОСТ И УЛУЧШЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СОСТАВА КП(б)Б В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА (1926 — 1929)

Решив основные задачи восстановления народного хозяйства, Коммунистическая партия осуществила поворот к социалистической индустриализации, который означал начало нового периода в жизни страны и партии. В новых условиях во много раз усложнились стоящие перед Коммунистической партией задачи. От нее требовалась величайшая стойкость, монолитность ее рядов, чтобы противостоять мелкобуржуазной стихии, ясное понимание перспектив социалистического строительства и ближайших задач по удовлетворению насущных нужд рабочих и крестьян, повышению их материального благополучия и культурного уровня.

XIV съезд ВКП(б) указал, что нельзя добиться укрепления партии, повышения ее руководящей роли в строительстве социализма без правильного регулирования партийных рядов, улучшения качественного состава всех организаций. Съезд признал необходимым всемерно вовлекать в партию рабочих, повышать удельный вес в ней пролетарского ядра, строго придерживаться установленных мер ограничения приема в ВКП(б) полу-пролетарских элементов¹.

Претворяя в жизнь решения XIV съезда ВКП(б), Компартия Белоруссии проводила большую работу по улучшению социального состава своих рядов, вела настойчивую борьбу за расширение в них прослойки рабочих. В резолюции X съезда КП(б)Б по отчету ЦК КП(б)Б отмечалось, что «одним из важнейших вопросов партстроительства съезд считает дальнейшее улучшение качественного состава организации путем все большего вовлечения рабочих в партию, установления более тщательного и строгого отбора при приеме в КП(б)Б служащих, повышения удельного веса пролетарского партийного ядра в составе КП(б)Б — не только членов, но и кандидатов, а также путем усиления внимания всей КП(б)Б к этим вопросам»². За период с января 1926 по декабрь 1927 года удельный вес рабочих в числе принятых в партию увеличился с 29,3 до 67,4 %, а служащих сократился с 47,3 до 16,3 %. Общая численность членов партии за это же время возросла с 9458 до 19.333. Молодые коммунисты принимали активное участие в работе партийных организаций, в решении производственных вопросов, в коммунистическом воспитании трудящихся. Благоприятно сказалось на количественном росте и качественном улучшении состава КП(б)Б второе укрупнение территории республики в декабре 1926 года. Включение Гомельского и Речицкого уездов в состав БССР пополнило ряды КП(б)Б на 4487 коммунистов. Рабочая прослойка среди них составляла 68,6 %³. Компартия Белоруссии, проводя большую работу по улучшению качественного состава своих рядов, не форсировала их рост. Например, число принятых в кандидаты партии за 1926 год уменьшилось по сравнению с 1925 годом в 1,2 раза и составило около 700 человек, зато 37,2 % из них были рабочими (в 1925 году — только 29,3 %) ⁴.

В целях разработки действенных мер по улучшению социального состава партии в первой половине 1927 года была проведена Всесоюзная партийная перепись. Она сыграла большую роль в идейно-организационном укреплении партии, регулировании ее роста и социального состава.

В постановлении ЦК ВКП(б) от 13 октября 1927 года «О регулировании роста партии в связи с итогами переписи» был дан глубокий анализ работы партийных организаций по улучшению их социального состава. Была поставлена задача добиться такого положения, чтобы в течение двух лет рабочие составляли не менее 50 % членов ВКП(б)⁵.

Укрепление рабочего ядра Коммунистической партии — одно из важных условий возрастания ее руководящей роли в жизни советского общества, в строительстве социализма, в идейно-политическом воспитании трудящихся. По данным партпереписи 1927 года в КП(б)Б членов партии, рабочих, было 64,9 %, крестьян — 12,4 %, представители других социальных групп составляли 22,7 %⁶. Компартия Белоруссии проводила большую работу по улучшению качества партийных рядов. В 1928 году ЦК КП(б)Б было проведено глубокое и всестороннее изучение состояния дел в 169 партийных организациях учреждений и 20 парторганизациях учебных заведений. В ходе проверки был сделан анализ социального состава кандидатов в члены партии. Оказалось, что среди них в парторганизациях учреждений служащие составляли 48,7 %, рабочие — 29,6, крестьяне — 18,4 и другие — 3,3 %. В парторганизациях учебных заведений среди кандидатов в члены партии было рабочих 26,7 %, крестьян — 42,9 и служащих — 30,4 %⁷. Материалы проверки партийных организаций учреждений и учебных заведений показали, что рабочая прослойка в них была недостаточная.

Огромное значение для дальнейшего роста и улучшения социального состава Компартии имел октябрьский, 1927 года, призыв в партию. В ноябре ЦК ВКП(б) одобрил инициативу ряда местных парторганизаций и принял постановление «О широком вовлечении в партию рабочих и рабочих в связи с десятой годовщиной Октябрьской революции». Октябрьский призыв нашел горячий отклик у рабочего класса Белоруссии. Уже в первой половине ноября в Гомельскую парторганизацию поступило 596 заявлений рабочих, 140 заявлений — в Борисовскую, 111 — в Мозырскую, 80 — в Полоцкую, 67 — в Витебскую и другие парторганизации. Всего на 15 ноября 1927 года было подано 1144, а на 21 ноября — 2185 заявлений рабочих о приеме в партию. Октябрьский призыв продолжался и в первые месяцы 1928 года. Парторганизации республики приняли тогда в свои ряды 3873 человека, в том числе 3173 фабрично-заводских рабочих. Большинство принятых в партию имели большой производственный стаж: от 5 до 10 лет — 27,3, свыше 10 лет — 31,6 %. В результате удельный вес коммунистов среди рабочих крупнейших промышленных предприятий Белоруссии повысился с 11,2 в 1927 году до 17,2 % в феврале 1928 года. Октябрьский призыв в партию благотворно сказался на укреплении пролетарского ядра республиканской парторганизации. На 1 октября 1927 года рабочие составляли 53,1, а на 1 февраля 1928 года — 59 %. Удельный вес служащих и остальных категорий сократился с 21,5 до 18,4 %⁸.

Социалистическая реконструкция народного хозяйства требовала не только укрепления производственных партийных организаций и повышения их роли в руководстве массами, но и улучшения деятельности сельских ячеек. Они были еще недостаточно крепкими в организационном отношении и малочисленными. На начало 1926 года в КП(б)Б имелась 401 деревенская ячейка. В среднем на ячейку приходилось 9 коммунистов. Значительная часть сельских ячеек состояла из служащих, не связанных непосредственно с сельским хозяйством. Процент батраков и сельскохозяйственных рабочих в них составлял 1,7, крестьян — 11,4 %⁹. Поэтому улучшение социального состава сельских ячеек являлось основной задачей партийных организаций. Весной 1926 года ЦК КП(б)Б провел смотр сельских ячеек. В ходе смотра были выявлены причины слабого роста парторганизаций за счет приема беднейших крестьян и колхозников. Рассмотрев вопрос о росте сельских партийных ячеек и расширении их сети, ЦК КП(б)Б направил внимание местных партийных организаций на активный отбор в партию пролетарских и полупролетарских элементов деревни. На основе решений ЦК КП(б)Б местные парторганизации шире развертывали деятельность по объединению вокруг партиячеек крестьянства и вовлечению его в партию. К июлю 1928 года в КП(б)Б уже насчитывалось 689 деревенских партиячеек, объединявших около 8 тысяч коммунистов. Вступление в КП(б)Б крестьян явилось важным фактором улучшения ее качественного состава. Однако рост партии за счет крестьян происходил слабо.

За 1928 год среди принятых в партию крестьяне составляли только 18,5 %¹⁰.

В соответствии с новыми задачами периода социалистической реконструкции XII съезд КП(б)Б подчеркнул необходимость усиления работы по вовлечению рабочих и батраков в партию. Намечалось к концу 1930 года иметь в составе КП(б)Б не менее 50 % рабочих. В деревенских ячейках батраки и сельскохозяйственные рабочие должны были составлять не менее 50 % среди принятых в партию¹¹.

Важным средством регулирования состава партии в те годы были чистки и проверки партийных организаций. По решению ноябрьского (1928) Пленума ЦК ВКП(б) и XVI партконференции была проведена вторая чистка партии. Основная задача чистки состояла в том, чтобы освободить партию от чуждых, антипартийных элементов, троцкистов и правых оппортунистов, улучшить качественный состав и еще сильнее укрепить единство ее рядов. Это способствовало повышению авангардной роли коммунистов в осуществлении политики индустриализации страны и в подготовке массового колхозного движения.

В Белорусской парторганизации чистка началась в мае 1929 года. Она проводилась в виде открытых партийных собраний с широким участием беспартийных. В Россонском районе, например, на партсобраниях по чистке присутствовало 613 беспартийных крестьян. Многие из них в своих выступлениях отмечали: «Очень хорошо, что... выгонят вон всяких подрывников, которые позорят партию и власть»¹². В ходе чистки из КП(б)Б было исключено 3717 человек, или 10,1 % ее состава. Но это не привело к уменьшению ее численности. Ряды КП(б)Б одновременно пополнялись за счет передовых рабочих, лучшей части трудового крестьянства и советской интеллигенции. В результате численный состав КП(б)Б к январю 1930 года даже возрос почти на 3 тыс. человек. Она стала еще более идейно закаленной и организационно сплоченной. Рабочая прослойка партийной организации Белоруссии составляла на 1 апреля 1930 года 66,9 по сравнению с 59,5 % на февраль 1929 года¹³.

Большая работа по росту партийных рядов, проведенная местными парторганизациями, способствовала систематическому пополнению КП(б)Б новыми силами, значительному увеличению численности первичных организаций. Если в начале 1926 года в КП(б)Б было 816 партячеек, объединявших 16.723 коммуниста, то в 1930 году—1668 и насчитывалось в них 36.308 коммунистов. Возрастание общей численности коммунистов на предприятиях промышленности, транспорта, колхозов и совхозов сопровождалось увеличением их числа в партячейках. Если в 1926 году в среднем на одну партячейку промышленного предприятия приходился 31 коммунист, то на 1 января 1930 года—43 коммуниста; соответственно в партячейках транспорта—55 и 64, в партячейках совхозов, колхозов и коммун—9 и 10¹⁴.

Рост числа коммунистов и сети партийных ячеек содействовал расширению связи партии с широкими массами трудящихся, повышению ее авторитета, усилению идейно-политического воспитания трудящихся, привлечению их к активному участию в строительстве социализма. Увеличение пролетарского ядра укрепляло идейное и организационное единство, упрощало и повышало руководящую роль Коммунистической партии в жизни советского общества.

¹ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.— М., 1970, т. 3, с. 251.

² Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК.— Минск, 1973, с. 246.

³ См.: Коммунистическая партия Белоруссии в цифрах (1918—1978).— Минск, 1978, с. 34, 52; ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 3, д. 20, л. 756.

⁴ См.: Коммунистическая партия Белоруссии в цифрах (1918—1978), с. 50, 52.

⁵ См.: КПСС в резолюциях и решениях..., т. 3, с. 500—502.

⁶ См.: Всесоюзная партийная перепись 1927 г. Основные итоги.— М., 1927, с. 12.

⁷ См.: Деятельность ЦК КП(б)Б. К отчету на XII съезде КП(б)Белоруссии.— Минск, 1929, с. 173, 179.

⁸ См.: Звезда, 1927, 18, 22 ноября; 1928, 21 марта; ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 3, д. 22, л. 663.

⁹ См.: Коммунистическая партия Белоруссии в цифрах (1918—1978), с. 172, 177; ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 3, д. 20, л. 739.

¹⁰ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 5, д. 786, л. 9; Коммунистическая партия Белоруссии в цифрах (1918—1978), с. 52.

¹¹ См.: Стэнаграфічная справаздача XII з'езду КП(б)Б (5—14 лютага 1929 г.).— Мінск, 1929, с. 538, 559.

¹² См.: Бальшавік Беларусі, 1929, № 5, с. 57.

¹³ См.: XIII з'езд Камуністычнай партыі (бальшавікоў) Беларусі. Стэнаграфічная справаздача.— Мінск, 1931, с. 486, 720.

¹⁴ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 5, д. 319, л. 32; д. 1238, л. 56.

Н. М. ТИМОХОВЦЕВ

ВОВЛЕЧЕНИЕ БАТРАЧЕСТВА БЕЛОРУССИИ В РЯДЫ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ И ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

Одной из значительных социальных групп белорусской деревни в до-октябрьский период являлись батраки или сельскохозяйственные пролетарии. В. И. Ленин выделял такие отличительные черты сельскохозяйственного пролетариата: «Сюда входит неимущее крестьянство, в том числе и совершенно безземельное, но типичнейшим представителем русского сельского пролетариата является батрак, поденщик, чернорабочий, строительный или иной рабочий с наделом. Ничтожный размер хозяйства на клочке земли и притом хозяйства, находящегося в полном упадке... невозможность существовать без продажи рабочей силы... в высшей степени низкий жизненный уровень— даже уступающий, вероятно, жизненному уровню рабочего без надела...»¹ К батрачеству В. И. Ленин относил также всех беспосевных и безлошадных крестьян.

Великая Октябрьская социалистическая революция привела к коренному изменению положения батрачества в обществе. Претворение в жизнь Декрета о земле, экономические и политические мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства способствовали сокращению пролетарских групп крестьянства. В республике резко сократилось количество как беспосевных, так и крупнопосевных крестьянских хозяйств. Значительное количество батраков превратилось в самостоятельных хозяев, а большая часть бедняцких хозяйств перешла в группу середняков.

Однако батрачество осталось. Национализация и передел земли не устранили капиталистических производственных отношений в сельском хозяйстве и дальнейшего расслоения в деревне. Не имея орудий сельскохозяйственного производства, семян, рабочего скота, сельскохозяйственные пролетарии уходили в город на заработки. Подавляющая масса вынуждена была батрачить или сдавать часть земли в аренду. Еще в июне 1917 года Ленин подчеркивал, что «отмена частной собственности на землю... наемного труда не устраняет. Земли есть нельзя. На земле хозяйничать без скота, орудий, семян, без запаса продуктов, без денег нельзя»². Окончательно избавить батрачество от кулацкой эксплуатации, от необходимости работать по найму стало возможным только в результате социалистического переустройства сельского хозяйства.

Задачи коллективизации сельского хозяйства, обострение классовой борьбы в деревне требовали роста и укрепления рядов партии, улучшения социального состава ее организаций. Этого можно было добиться путем повышения удельного веса сельхозпролетариев в партийных организациях деревни. Особо важное значение приобретала работа по вовлечению батраков в партию в условиях Белоруссии, где промышленного пролетариата было мало. Вопрос о вовлечении батрачества в ряды Коммунистической партии неоднократно обсуждался на съездах и пленумах ЦК, конференциях. XIII съезд РКП(б) дал специальные указания пополнять деревенские партийные ячейки в первую очередь за счет активистов из батраков. XIV съезд ВКП(б) установил для батраков самый короткий кандидатский стаж сроком в 6 месяцев, т. е. такой же, как и для рабочих. В то время как для крестьян устанавливался годичный, а для служащих— двухгодичный стаж.

Для вовлечения батрачества в ряды партии использовались существовавшие в деревне кружки политграмоты и курсы партийного просвещения. Деревенские партактеи стали чаще привлекать сельхозпролетариев на открытые партийные собрания, проводили индивидуальную работу с беспартийными батраками. В результате усилий парторганизаций наметился некоторый рост рядов КП(б)Б за счет сельских пролетариев. Если в 1926 году кандидатами и членами КП(б)Б было 32 батрака³, то к весне 1927 года число их увеличилось до 195 человек⁴.

Рост рядов партии за счет этого социального слоя деревни затруднялся рядом факторов и прежде всего своеобразием условий труда и быта батраков. Разбросанность по индивидуальным крестьянским хозяйствам и мелким селениям, разобщенность сельхозпролетариев, сильная экономическая зависимость от своих хозяев, недостаточно развитая классовая сознательность, частая смена жительства, неграмотность и малограмотность создавали серьезные трудности для вовлечения батрачества в партию и другие общественные организации.

XV съезд партии, исходя из задач социалистической перестройки сельского хозяйства, потребовал от партийных организаций улучшить работу по повышению общеобразовательного и политического уровня сельхозпролетариев, вовлекая наиболее активных в свои ряды. Вопросы улучшения социального состава сельских партийных организаций и вовлечения батрачества в партийные ряды обсуждались и на ноябрьском (1928) Пленуме ЦК ВКП(б), который потребовал от всех парторганизаций «добиться решительного и скорейшего сдвига в деле приема в партию сельскохозяйственных рабочих и батраков». При этом указывалось на необходимость «коренного и скорейшего улучшения, обновления состава деревенских организаций»⁵.

Исходя из решений ЦК ВКП(б), секретариат Центрального Комитета КП(б)Б обязал все сельские парторганизации республики обеспечить прием не менее 50 % батраков и сельскохозяйственных рабочих от числа всех принимаемых в партию. ЦК рекомендовал привлекать батрачек на партийные собрания, регулярно проводить конференции и собрания батрацкого актива, а в населенных пунктах, где было много сельхозпролетариев, выдвигать парторганизаторов из среды самого батрачества. ЦК КП(б) предлагал организовать в районах кратковременные курсы по подготовке наиболее активных батраков в партию⁶. Вскоре во многих районах республики открылись такие курсы. Так, Могилевский райком КП(б)Б в июне 1930 года организовал десятидневные курсы для 21 человека. На этих курсах батраки знакомились с программой и уставом партии, с некоторыми вопросами теории классовой борьбы. По окончании учебы все подали заявления о приеме в члены партии⁷. По инициативе Бегомльского райкома партии в январе 1929 года открылись двухнедельные курсы для 46 человек. По окончании 36 из них были приняты в партию, а 6 — в комсомол⁸. На двухнедельных курсах, которые организовал Самохваловичский райком партии, обучалось 34 батрака. После окончания курсов 19 батраков вступили в партию, остальные — в комсомол⁹.

Активное участие в организации курсов, в подборе кандидатур для них, в оказании денежной помощи батракам-курсантам принимал союз сельхозлесрабочих республики. Так, президиум Мозырского окружного союза СХЛР в январе 1930 года принял решение организовать в Турове курсы по подготовке 30 батраков для приема в члены партии (по 10 батраков с Лельчицкого, Туровского и Житковичского районов). Витебский окружной союз выделил 150 рублей для оказания помощи 32 батракам, обучавшимся на курсах в Лепельском районе¹⁰.

Действенной формой вовлечения батрачества в ряды КП(б)Б являлись окружные и районные батрацкие конференции, проводимые союзом СХЛР. Так, на проходивших осенью 1929 года районных батрацких конференциях Минского округа 78 батраков подали заявления о приеме в партию и 20 — в ЛКСМБ¹¹. На состоявшейся в феврале 1930 года батрацкой конференции Борисовщины из 260 делегатов-батраков 92 также подали заявления о вступлении в члены партии¹².

Особенно возросли ряды партии за счет батраков и сельхозрабочих в период подготовки и проведения массовой коллективизации сельского хозяйства. В 1929 году было принято в партию 836 батраков и сельхозрабочих¹³, а на 1 апреля 1930 года в партийной организации республики насчитывалось 18.132 рабочих-коммуниста, из них 1538 батраков и сельхозрабочих или 8,5 %¹⁴.

Активным помощником партии в работе по организации батрацкой молодежи и ее классовому и политическому воспитанию был ленинский комсомол республики. Комсомольские организации республики вели активную работу по приему в свои ряды молодых батраков и батрачек. В начале 1926 года из 23.513 сельских комсомольцев республики батраков насчитывалось 3462 человека или 7,1 % всех комсомольцев Белоруссии¹⁵. Однако в следующем году прием батраков в комсомол республики замет-

но снизился. Такое положение объяснялось рядом причин и прежде всего тем, что наниматели-кулаки всеми средствами, в том числе угрозой увольнения, противодействовали вступлению батраков в комсомол. Существенной причиной слабого роста ячеек комсомола за счет батрачества было и то, что в ряде комсомольских организаций работа с молодыми батраками находилась на низком уровне.

XI съезд КП(б)Б (ноябрь 1927 года), указал на необходимость «сосредоточить главное внимание на регулировании состава комсомола с точки зрения усиления в нем батрацко-бедняцкого ядра, на воспитание новых кадров комсомольского актива из батрацко-бедняцкой среды»¹⁶. Решения съезда активизировали работу комсомола с батрацкой молодежью, что привело к изменению количественного и качественного состава ЛКСМБ. Из принятых в комсомол республики в 1928 году батраки составили 17,3 % и 26,5 % — бедняки¹⁷. В составе секретарей комсомольских ячеек процент батраков увеличился до 8,5¹⁸. В апреле 1930 года республиканская комсомольская организация насчитывала в своих рядах 85.152 человека, 10 % комсомольцев были батраками¹⁹. Коммунистическая партия, комсомольские и профсоюзные организации республики в период подготовки и проведения массовой коллективизации сельского хозяйства проделали большую работу по сплочению наиболее сознательных сельхозпролетариев вокруг партии и комсомола. Вовлечение батрачества в ряды партии и комсомола способствовало увеличению численности и улучшению качественного состава партийных и комсомольских организаций белорусской деревни, повышало их боеспособность, улучшало связь низовых партийных и комсомольских ячеек с батрацкими массами, поднимало авторитет и усиливало влияние партии среди широких крестьянских масс, повышало эффективность мероприятий партии и правительства на селе.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 170.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 379.

³ ЦГАОР БССР, ф. 500, оп. 1, д. 245, л. 30.

⁴ См.: Резолюции пленума ЦК КП(б)Б (март, 1927 год). — Минск, 1927, с. 20.

⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — М., 1970, т. 4, с. 147—149.

⁶ См.: Зборнік важнейшых пастановаў ЦК КП(б)Б па пытаннях арганізацыйна-партыйнай работы. — Менск, 1929, с. 49, 72—73.

⁷ См.: Сельскагаспадарчы рабочы Беларусі, 1930, 17 августа.

⁸ См.: Беларускі батрак, 1930, 9 февраля.

⁹ См.: Там же, 19 января.

¹⁰ ЦГАОР БССР, ф. 500, оп. 1, д. 491, л. 176; д. 482, л. 496.

¹¹ Там же, л. 266, 273; д. 484, л. 3.

¹² См.: Беларускі батрак, 1930, 23 февраля.

¹³ См.: Бальшавік Беларусі, 1931, № 4, с. 44.

¹⁴ См.: XIII з'езд КП(б)Б: Стэнаграфічная справаздача. — Менск, 1930, с. 244; Состав ВКП(б) к XIV съезду. — М. — Л., 1930, с. 27, 29.

¹⁵ ЦГАОР СССР, ф. 5466, оп. 2, д. 168, л. 74; Да XIII з'езда КП(б)Б: Матэрыялы да справаздачы Цэнтральнага Камітэта КП(б)Б. — Менск, 1930, с. 140.

¹⁶ XI з'езд Камуністычнай партыі (бальшавікоў) Беларусі (22—29 лістапада, 1927): Стэнаграфічная справаздача. — Менск, 1927, с. 461.

¹⁷ См.: Филимонов А. А. Укрепление союза рабочего класса и трудящегося крестьянства в период развернутого строительства социализма (1929—1936 гг.): На материалах БССР. — Минск, 1968, с. 83.

¹⁸ См.: XII з'езд КП(б)Б. Матэрыялы для справаздачы Цэнтральнага Камітэта КП(б)Б. — Менск, 1929, с. 167.

¹⁹ См.: Палітычная і арганізацыйная справаздача ЦК XIII з'езду КП(б)Б. — Менск, 1930, с. 128.

А. А. ЦОБКАЛО

УЧАСТИЕ СЕЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В АГИТАЦИОННО-МАССОВОЙ РАБОТЕ (1938—1941)

С победой социализма изменились природа, место и роль интеллигенции в жизни советского общества. Вместо старой, буржуазной возникла новая, подлинно народная интеллигенция. Основное назначение интеллигенции В. И. Ленин видел в ее органической связи с общественными классами, с их политическими партиями, в ее борьбе за классовые идеалы. «...Интеллигенция, — писал он, — потому и называется интеллигенцией, что

всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе»¹. В связи с этим В. И. Ленин предлагал использовать интеллигенцию не только в качестве специалистов различных отраслей народного хозяйства в строительстве социалистического общества, но и активно приобщать лучшую ее часть к политическому просвещению трудящихся, к идеологической деятельности партии.

Агитационно-массовая работа является одним из средств идейно-политического воспитания трудящихся, ее значение в жизни деревни особенно возросло в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму, когда перед страной встали задачи закрепления успехов в строительстве нового общества, укрепления его материально-технической базы. Повышение роли агитационно-массовой работы обуславливалось также и тем, что борьба трудящихся за завершение строительства социализма протекала в напряженной международной обстановке.

Партийные организации республики стремились придать политической агитации боевой, наступательный характер. Для ее проведения подбирались агитаторы из сельской интеллигенции, колхозно-совхозного актива. Уже в начале 1938 года непосредственно в колхозах к проведению агитационной работы было привлечено более 10 тыс. человек.

Искусство пропаганды и агитации в определенной мере зависит от уровня подготовленности всех, кто несет идеи партии в массы. ЦК КП(б)Б, партийные комитеты придавали большое значение обучению агитаторов, повышению их идейно-теоретического уровня. С этой целью организовывались курсы агитаторов с отрывом и без отрыва от производства, проводились совещания по обмену опытом работы, семинары. В июне—июле 1939 года на десятидневных республиканских курсах занимались 1130 агитаторов из сельской местности. В это же время при райкомах партии, сельсоветах, предприятиях Минской области курсы агитаторов закончили 1450 человек с отрывом от производства и около 4 тыс. — без отрыва от производства. Добрушский райком КП(б)Б организовал десятидневные курсы, на которых обучалось 24 сельских интеллигента. Программа курсов включала такие вопросы, как международное положение, внутренняя и внешняя политика СССР, укрепление руководящей роли партии, задачи агитационной пропаганды, методы и формы агитационно-массовой работы².

При партийных организациях были созданы агитколлективы, которые сыграли большую роль в повышении эффективности работы агитаторов. К осени 1938 года в республике насчитывалось более 1,5 тыс. агитколлективов. В Могилевской области работало 12.239 агитаторов, которые объединялись в 424 агитколлектива³. В Житковичском районе Полесской области действовало 325 агитаторов, объединенных в 17 агитколлективов⁴.

Большим событием в жизни республики, определившим размах и ход агитационно-массовой работы в 1938 году, оказалась избирательная кампания по выборам в Верховный Совет Белорусской ССР. В марте состоялся пленум ЦК КП(б)Б, который обсудил вопрос «О политических задачах партийных организаций КП(б) Белоруссии в связи с выборами в Верховный Совет БССР» и указал на необходимость сочетать всю предвыборную агитацию и пропаганду с конкретной борьбой за успешное решение хозяйственно-политических задач⁵.

В период избирательной кампании в сельской местности работало 22 тыс. агитаторов⁶. Тысячи представителей сельской интеллигенции были агитаторами, членами участковых избирательных комиссий, доверенными лицами. Они проводили коллективные и индивидуальные беседы, громкие читки газет и журналов, выступали с лекциями и докладами. В период избирательной кампании действовало 35 тыс. кружков по изучению текущей политики партии, положения о выборах в Верховный Совет БССР, Конституции СССР и Конституции БССР⁷.

В период избирательной кампании широкий размах приобрело стахановское движение, наблюдался прилив крестьян-единоличников в колхозы. Например, в Лоевском районе было создано 183 стахановские бригады и 219 стахановских звеньев, которые развернули борьбу за высокий урожай, в колхозы вступило 106 хозяйств. В Лельчицком районе в колхозы вступило 225 хозяйств, в Туровском — 170⁸.

Выборы в местные Советы депутатов трудящихся, проведенные в де-

кабре 1939 года, как и выборы в Верховный Совет БССР, прошли также в обстановке огромного политического подъема, при высокой активности трудящихся. Вопросы о подготовке к этим выборам обсуждались на бюро обкомов, пленумах райкомов и горкомов КП(б)Б, на районных собраниях партийного актива, собраниях первичных партийных организаций. В период избирательной кампании в агитационно-пропагандистской работе среди населения участвовало 77.865 агитаторов, которые объединялись в 2268 агитколлективах. Было организовано 55.340 кружков, которые охватили более полутора миллиона трудящихся⁹.

Примером активного участия сельской интеллигенции в агитационно-массовой работе в этот период может служить деятельность агитколлектива при Новосельском сельсовете Богусhevского района, которым руководила учительница Павленко. В агитколлективе насчитывалось 82 агитатора, руководивших работой 50 кружков, в которых занималось почти две тысячи избирателей. Регулярно проводились семинары и консультации агитаторов, тщательно составлялась тематика занятий, лекций, бесед. Наиболее подготовленные агитаторы выступали с лекциями «Конституция СССР и Конституция БССР», «О международном положении», «О трудовой дисциплине в колхозах» и другим актуальным темам. Агитколлектив эффективно использовал в работе с избирателями общие собрания, беседы, групповые и индивидуальные консультации. В результате все избиратели сельсовета приняли участие в голосовании¹⁰.

Постоянно совершенствовалась политическую агитацию партийная организация колхоза имени М. И. Калинина Волянецкого сельсовета Дриссенского района. В состав агитколлектива входило 16 представителей сельской интеллигенции. Все агитаторы были закреплены за определенными участками: бригадами, звеньями, где ежедневно проводились беседы. В колхозе регулярно выпускалась стенгазета, боевые листки, было организовано коллективное слушание радио. Примером агитаторам служил руководитель агитколлектива агроном Огнев. В 1938 году он прочитал 89 лекций, в 1939—102. По его инициативе при сельсовете была организована школа для стахановцев сельскохозяйственного производства, в ней занималось 48 человек¹¹.

Выборы в Верховный Совет БССР еще более сблизили трудящихся республики с Коммунистической партией, которая выступила на выборах в блоке с миллионами беспартийных избирателей. За кандидатов блока коммунистов и беспартийных голосовало более 3 млн. человек или 99,19 % избирателей, принявших участие в выборах¹². Выборы в местные Советы свидетельствовали также о последовательном и неуклонном развитии белорусской государственности, расцвете ее демократизма, о возрастающей роли Советов—полномочных органов власти народа в социалистическом строительстве. Итоги выборов в Верховный Совет БССР и местные Советы депутатов трудящихся убедительно показали морально-политическое единство белорусского народа.

Большое влияние на размах массово-политической работы оказали решения XVIII съезда ВКП(б), состоявшегося в марте 1939 года. В его решениях подчеркивалось, что советская интеллигенция стала подлинно народной, она заслуживает полного доверия и постоянной заботы. Выполняя решения съезда, партийные организации усиливали политическую агитацию в деревне, шире стали привлекать сельскую интеллигенцию к агитационно-массовой работе. Вопросы идейно-политического воспитания стали чаще обсуждаться на заседаниях партийных комитетов. Бюро ЦК КП(б)Б в 1939 году заслушало отчеты о состоянии массово-политической работы Могилевского, Минского, Полесского, Витебского обкомов, Бобруйского райкома партии. Оно обязало партийные комитеты повысить качество политической агитации, приблизить ее к практическим делам трудовых коллективов.

В результате усиления партийного руководства в большинстве районов агитационно-массовая работа стала более содержательной, целеустремленной, повсеместно было организовано изучение материалов XVIII съезда ВКП(б). В городах и селах проводились митинги и собрания, на которых трудящиеся брали обязательства по осуществлению планов партии. На высоком идейно-теоретическом уровне велась агитационная работа в Комаринском районе. Райком партии в апреле 1939 года провел совещание представителей интеллигенции района по итогам съезда, а также совещание директоров школ и учителей, на котором был рассмотрен вопрос

об усилении коммунистического воспитания школьников и задачах учителей района по выполнению решений XVIII съезда ВКП(б). 14—15 мая 1939 года районное совещание медработников рассмотрело вопрос «О ходе социалистического соревнования между медработниками Комаринского района Гомельской области и Шапеличского района Киевской области» и задачи медработников по реализации решений XVIII съезда партии. В районе действовало 228 кружков по изучению материалов XVIII съезда.

В Жлобинском районе для разъяснения материалов XVIII съезда ВКП(б) было создано 32 агитколлектива, объединявших 489 агитаторов; работало 250 кружков по изучению материалов XVIII съезда партии, в которых занималось 4580 человек. Большой популярностью пользовались выступления агитбригад. Руководили кружками партийные активисты, представители интеллигенции города и села. Политическая агитация положительно сказалась на производственной деятельности колхозных коллективов. Все хозяйства района успешно выполнили план сдачи государству сельскохозяйственной продукции¹³.

Постоянно совершенствовалась политическая агитация партийная организация Слободского сельского совета Мозырского района. В бригадах, звеньях, на фермах агитаторы проводили беседы, разъясняя решения майского (1939) Пленума ЦК ВКП(б) об охране общественных земель от разбазаривания, читали лекции об итогах XVIII съезда партии и задачах по выполнению его решений, о международном положении. Руководитель агитколлектива Морохов в декабре 1939 года участвовал в работе совещания по обмену опытом одиннадцати лучших агитаторов и руководителей агитколлективов республики. Хорошо была поставлена политическая агитация в Ветковском, Журовичском и других районах.

Таким образом, активное участие сельской интеллигенции в агитационно-массовой работе способствовало не только идейно-политическому росту труженников села, но и повышению его трудовой активности. Вся агитационно-массовая работа сельской интеллигенции была подчинена пропаганде программных документов развития советского общества и имела большое воспитательное значение. Она помогала формированию у советских людей чувств гражданской причастности к решению общенародных задач, ответственности за судьбы страны, за строительство социализма.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 343.

² ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 27, д. 61, л. 16—17; д. 65, л. 133, д. 61, л. 46.

³ Там же, ф. 4, оп. 19, д. 142, л. 28; оп. 27, д. 61, л. 18.

⁴ См.: *Большэвік Беларусі*, 1938, № 4, с. 52.

⁵ См.: *Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии*, ч. II.—Минск, 1967, с. 51.

⁶ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 19, д. 142, л. 28.

⁷ См.: *Большэвік Беларусі*, 1939, № 8, с. 22.

⁸ См.: *Большэвік Беларусі*, 1938, № 5, с. 74; № 4, с. 53.

⁹ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 27, д. 119, л. 72—73; *Большэвік Беларусі*, 1940, № 1, с. 83.

¹⁰ Там же, ф. 4, оп. 27, д. 119, л. 73—74; д. 65, л. 39.

¹¹ Там же, д. 65, л. 43—44; *Большэвік Беларусі*, 1939, № 1, с. 84.

¹² См.: *Большэвік Беларусі*, № 6—7, 1938, с. 11.

¹³ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 27, д. 38, л. 58; д. 30, л. 169.

В. И. ЗАВАРИН

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СТИЛЯ РАБОТЫ СЕЛЬСКИХ РАЙКОМОВ КОМПАРИИ БЕЛОРУССИИ (1965—1970)

В годы восьмой пятилетки партия придавала первостепенное значение развитию и укреплению ленинского стиля партийного руководства. XXIII съезд КПСС призвал сохранять и развивать утвердившиеся в деятельности ЦК «научный подход, коллективность и деловитость в руководстве коммунистическим строительством, в проведении внутренней и внешней политики»¹ и потребовал добиваться, чтобы эти черты стали присущими работе каждого партийного органа.

Одной из важнейших черт ленинского стиля партийной работы является научный подход. Он означает всесторонний, глубокий анализ и тщательный учет объективных процессов, явлений общественно-экономической

жизни в их взаимосвязи, реалистическую оценку имеющихся возможностей, умение видеть тенденции, перспективы и закономерности происходящих процессов, находить главное звено в работе, своевременно обобщать и использовать передовой опыт.

Существенной стороной перестройки деятельности районных комитетов партии в свете указаний XXIII съезда КПСС явилось совершенствование планирования. Стремясь совершенствовать свою деятельность на научной основе, придать ей целеустремленность и глубину, многие партийные комитеты наряду с текущим планированием все шире стали практиковать разработку перспективных планов. Составление перспективного плана помогло сосредоточить внимание и усилия партийных организаций на решении узловых проблем развития производства и воспитания масс с учетом обстановки, своеобразия условий и накопленного опыта.

Планы составлялись коллективно, с участием широкого актива, на основе решений районных партконференций, с учетом замечаний членов райкомов, специалистов сельского хозяйства, рядовых коммунистов. В них находили отражение основные направления практического осуществления политики партии: партийный контроль за хозяйственной деятельностью руководства колхозов и совхозов, коммунистическое воспитание трудящихся, повышение боеспособности первичных партийных организаций, работа с кадрами, проверка исполнения решений. Предусматривалось регулярное проведение пленумов, заседаний бюро, собраний партийного актива, совещаний пропагандистов, агитаторов, политинформаторов. Такой подход к делу повышал роль районных комитетов партии как органов политического руководства на селе.

Много внимания внедрению перспективного планирования в практику партийной работы уделял Миорский райком КПБ. Начал он ее с детального изучения положения дел в первичных парторганизациях. Оказалось, что некоторые из них занимались в основном текущими, нередко второстепенными вопросами, работали без перспективы, что снижало уровень организационно-партийной и идейно-воспитательной работы. Учитывая это, райком вынес на обсуждение пленума вопрос «О работе партийных организаций района по внедрению научного подхода в практику своей деятельности». Пленум подчеркнул, что осуществление перспективного планирования — это объективная потребность жизни, веление времени и утвердил план работы района на 1970 год. Впоследствии в Миорском районе перспективные планы стали составлять на весь период деятельности выборного партийного актива². Райком добился внедрения перспективного планирования во всех первичных парторганизациях. Перспективные планы разработали также профсоюзные и комсомольские организации, правления колхозов, руководители совхозов, предприятий и учреждений.

К концу 1970 года по перспективным планам работало большинство райкомов КП Белоруссии, а в Витебской области — все райкомы и многие первичные парторганизации. Опыт работы партийных комитетов, строивших свою работу на основе перспективного планирования, наглядно подтвердил его преимущества. Например, в колхозе «Молодая гвардия» Брестского района работало семь специалистов. Однако с внедрением в производство достижений науки и передового опыта, увеличением продукции сельского хозяйства дело обстояло плохо. Зная положение дел в хозяйстве, райком партии запланировал рассмотрение этого вопроса на одном из заседаний бюро. Партийная организация колхоза, готовясь к отчету в райкоме, провела партийное собрание. На нем коммунисты наметили меры по повышению роли специалистов в сельскохозяйственном производстве. Группа по подготовке вопроса на бюро райкома не только разобралась в причинах недостатков, но и помогла их устранить. Таким образом, заблаговременно запланированный вопрос позволил значительно улучшить работу специалистов колхоза.

Важным элементом научного подхода в партийной работе является партийная информация. Компетентность, обоснованность и своевременность принимаемых решений находится в прямой зависимости от того, насколько хорошо партийные комитеты, их аппарат информированы по тому или иному вопросу. В 1965 году ЦК КПБ изучил состояние, формы и методы партийной информации и рекомендовал ввести в практику регулярные выступления всех членов выборных партийных органов перед нижестоящими организациями. Цель таких выступлений заключалась не только в том, чтобы информировать коммунистов о деятельности партийного

органа и конкретизировать задачи партийной организации. Встречи на местах позволяли работникам райкомов глубже вникать в проблемы первичных организаций, учитывать замечания и предложения коммунистов и оперативно корректировать работу.

Так, члены Речичского райкома, выступая с информацией в первичных организациях в 1966 году, пришли к выводу о необходимости улучшения обучения сельского партактива по вопросам организационно-партийной и массово-политической работы. Вскоре соответствующие темы были изучены на семинаре секретарей, организовано проведение партийных собраний по вопросам внутрипартийной демократии, повышения ответственности коммунистов за выполнение требований Устава КПСС, улучшения идеологической работы³.

Об усилении партийной информации после 1965 года можно судить на примере Гомельской области. Если в 1965 году с отчетами о своей деятельности в 62 партийных организациях выступили 13 райкомов, то за 1969 год информационные доклады сделали все (21) райкомы КПБ⁴.

Совершенствовалось получение информации снизу, которая поступала в райкомы в виде периодических отчетов, материалов проверок партийных организаций, отчетов и выступлений коммунистов на собраниях, бюро, пленумах, конференциях. Важным источником информации являлись также материалы партийных собраний, письма, замечания, предложения и вопросы, поступающие от коммунистов, результаты социологических исследований, личные наблюдения партийных работников. Для сбора и оценки информационных материалов в райкомах партии были созданы группы по отбору, анализу и обработке информации, деятельность которых систематически обсуждалась на бюро. Совершенствование партийной информации в годы восьмой пятилетки в значительной мере способствовало взаимодействию всех звеньев аппарата райкомов, принятию ими обоснованных решений и повышению уровня их работы в целом.

Решения XXIII съезда КПСС нацеливали местные партийные организации на дальнейшее укрепление коллективности в партийном руководстве при одновременном повышении чувства ответственности каждого коммуниста за порученный участок работы, за состояние дел в своей организации. Коллективность в работе сельских райкомов партии проявилась прежде всего в регулярном проведении пленумов и заседаний бюро. К подготовке вопросов на пленумы стал привлекаться широкий партийный актив. Так, в подготовке пленума Ивановского райкома КПБ, который в 1966 году обсудил вопрос «О состоянии экономической работы в колхозах и совхозах района и задачах первичных организаций по ее улучшению», участвовали все члены и кандидаты в члены райкома, специалисты сельского хозяйства — всего 70 человек. Специально созданные комиссии по изучению вопроса обследовали каждое хозяйство и свои выводы изложили на открытых партийных собраниях. Причем в процессе работы комиссии помогали специалистам и администрации хозяйств наметить конкретные мероприятия по улучшению экономической работы⁵.

Подготовленный на основе собранных материалов доклад был разослан всем членам и кандидатам в члены райкома. Внесенные ими замечания и дополнения были учтены при окончательной доработке доклада и выработке проекта постановления. Такая подготовка пленума обеспечила высокую активность его участников, содержательность выступлений при обсуждении вопроса, повысила эффективность принятых решений. Подобную практику подготовки пленумов осуществляли Кобринский и Ляховичский райкомы Брестской области, Гомельский и Рогачевский Гомельской области, Щучинский Гродненской области и многие другие райкомы партии.

Развитию принципа коллективности в партийном руководстве способствовала практика дифференцированного использования опыта и знаний каждого члена партийного комитета. Важную роль в этом деле должны были сыграть внештатные постоянные комиссии, создаваемые районными комитетами партии в соответствии с Уставом КПСС. В 1965 году ЦК КПБ, проанализировав работу партийных комитетов республики по развитию общественных начал, рекомендовал создавать лишь такие внештатные комиссии и отделы, которые способствовали бы на деле повышению их роли как органов коллективного руководства, а в состав этих комиссий включать прежде всего избранных в партийные органы коммунистов, наиболее опытных и авторитетных активистов⁶.

Выполняя указания ЦК КПБ, партийные комитеты пересмотрели со-

ставы комиссий, изучили их дееспособность. Изменился порядок формирования комиссий: теперь они утверждались на пленумах, в основном из числа членов и кандидатов в члены партийных комитетов. Председателями комиссий становились только члены комитетов, имеющие опыт партийной работы. В большинстве райкомов КПБ были созданы комиссии по предварительному рассмотрению вопросов приема в партию и персональных дел коммунистов, по организационно-партийной и идеологической работе. Они изучали положение дел в первичных парторганизациях, обобщали и распространяли передовой опыт, помогали партийным комитетам вести организаторскую работу, претворять в жизнь решения пленумов и бюро.

Большой опыт умелого привлечения членов райкома к активному участию в жизни и деятельности первичных организаций накопил Новогрудский райком КПБ. Эта работа строилась с учетом индивидуальных качеств, опыта и знаний каждого члена райкома. С этой целью большинство членов и кандидатов в члены райкома было объединено во внештатные комиссии, некоторые были лекторами и докладчиками. При райкоме действовали три комиссии: по организационно-партийной работе, по идеологической работе и по предварительному рассмотрению вопросов приема и персональных дел коммунистов. Практическую деятельность комиссий направляло бюро, а в повседневной работе — секретари райкома ⁷.

Такое распределение членов райкома позволило бюро Новогрудского райкома КПБ охватить их постоянными поручениями, сосредоточить силы на оказании практической помощи первичным парторганизациям в улучшении организаторской и политической работы. Например, при подготовке вопроса «О работе партийных организаций по подбору, расстановке и воспитанию кадров в сельскохозяйственном производстве» на пленуме райкома, который состоялся в марте 1966 года, член комиссии по организационно-партийной работе П. У. Становский, изучая деятельность партийной организации колхоза «Страна Советов», обнаружил серьезные недостатки в подготовке и расстановке кадров. Вместе с партийными активистами П. У. Становский определил, что следует сделать, и сам помог осуществить намеченное. Было проведено партийное собрание, после которого вместо малоинициативных людей руководителями бригад и ферм были назначены специалисты и хорошие организаторы; четыре коммуниста были направлены работать в животноводство. Вскоре в колхозе заметно улучшилось положение с производством молока и мяса ⁸.

Таким образом, в годы восьмой пятилетки сельские райкомы Компартии Белоруссии настойчиво овладевали ленинским стилем партийной работы.

¹ Материалы XXIII съезда КПСС.— М., 1966, с. 196.

² См.: Возрастание руководящей роли партии в коммунистическом строительстве (на материалах Компартии Белоруссии, 1959—1973 гг.)— Минск, 1974, с. 28.

³ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 47, д. 556, л. 42.

⁴ ПА Гомельского ОК КПБ, ф. 144, оп. 124, д. 37, л. 50.

⁵ ПА Брестского ОК КПБ, ф. 1, оп. 21, д. 19, л. 11.

⁶ См.: Возрастание руководящей роли партии..., с. 74.

⁷ ПА Гродненского ОК КПБ, ф. 1, оп. 56, д. 41, л. 238.

⁸ Там же, л. 243, 244.

Л. А. ЛЕВСКАЯ

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА КПБ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МАТЕРИАЛЬНЫХ И ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ (1966 — 1975)

Стержнем экономической политики в условиях развитого социализма является эффективное использование всех ресурсов. Обращая внимание на важность экономного, рационального использования материальных, финансовых и трудовых ресурсов, Ю. В. Андропов подчеркивал, что «речь здесь как раз идет о соблюдении той необходимой нормы хозяйствования, которую предписывает социалистическая собственность и суть которой — в бережном отношении к общенародному достоянию, в инициативном и энергичном его приумножении. За нарушение этой нормы приходится расплачиваться всему обществу...»¹

Важную роль в обеспечении рационального использования материаль-

ных и трудовых ресурсов в годы восьмой и девятой пятилеток КПБ отводила экономическому обучению трудящихся. Так, в июне 1966 года бюро Гомельского горкома партии утвердило мероприятия по дальнейшему улучшению пропаганды экономических знаний. Ими предусматривалось включение вопросов экономической подготовки в учебные планы школ коммунистического труда, чтение лекций по вопросам политической и конкретной экономики на заводах и фабриках города, создание университета технико-экономических знаний на стеклотраве имени М. В. Ломоносова и т. д.² Для руководителей промышленных предприятий при горкоме и райкомах партии были организованы экономические семинары. В городском университете технико-экономических знаний работали экономический факультет. Многие руководящие работники промышленности учились на двухгодичных экономических курсах. Для руководителей среднего звена, секретарей цеховых партийных и комсомольских организаций, председателей цехкомов профсоюза были созданы 60 семинаров по экономике промышленности, 35 экономических курсов и школ³.

Пленум ЦК КПБ (ноябрь 1970), рассмотрев вопрос «О работе партийных организаций республики по дальнейшему улучшению марксистско-ленинского образования коммунистов и комсомольцев», подчеркнул, что «нельзя успешно развивать экономику, не занимаясь повседневно подготовкой как командиров производства, так и всех работников. Вопросы экономического всеобщего должны в обязательном порядке предусматриваться планами социального развития коллективов, технического и организационного совершенствования производства»⁴.

В годы девятой пятилетки система экономического образования в республике по существу стала школой экономического всеобщего, которая смогла охватить свыше 1 млн. 200 тыс. работников народного хозяйства. Партийным организациям удалось в основном обеспечить оптимальное сочетание изучения вопросов экономической теории и конкретных проблем интенсификации производства, повысить тем самым мировоззренческую и прикладную направленность экономического образования⁵.

Партийные организации оказывали действенную помощь политинформаторам и агитаторам. Например, члены партийного бюро Минского тонко-суконного комбината часто присутствовали на политинформациях и беседах агитаторов, давали советы по методике их проведения. Агитаторы приглашались на совещания по производственным вопросам, их снабжали конкретным материалом о работе трудовых коллективов, неиспользованных резервах производства и т. д.

Вопросы экономики и бережливости, укрепления социалистической дисциплины труда занимали большое место и в лекционной пропаганде. Так, лекторы партийных комитетов и общества «Знание», выполняя Постановление ЦК КПСС от 9 декабря 1966 года «О работе партийных организаций Тульской области по воспитанию социалистической дисциплины труда в коллективах промышленных предприятий истроек», прочитали в 1967—1968 годах на промышленных предприятиях Витебска лекции «В. И. Ленин о социалистической дисциплине труда», «В коллективе не должно быть места пьяницам, лодырям, прогульщикам и стяжателям», «Бережно храните и приумножайте традиции рабочего класса», «Молодежь и труд» и др.

К лекционной пропаганде партийные организации республики стали больше привлекать ученых, специалистов народного хозяйства, новаторов производства. На промышленных предприятиях проводились «дни и месячники науки», «дни экономических знаний». Только в Гомеле в 1971 году было проведено 30 таких «дней». В Бресте была создана специальная лекторская группа из рабочих-новаторов, которые выступали на различных предприятиях⁶.

Компартия Белоруссии в годы восьмой и девятой пятилеток постоянно совершенствовала формы и методы идеологической работы по обеспечению рационального использования материальных и трудовых ресурсов, изучала и внедряла лучший опыт. В августе 1966 года бюро Гомельского ОК КПБ, рассмотрев вопрос о практике проведения «Дня участка, бригады» на станкостроительном заводе имени С. М. Кирова, отметило, что подобного рода мероприятия способствовали воспитанию у рабочих и служащих коммунистического отношения к труду, повышению культуры производства, успешному выполнению производственных заданий. Бюро обязало промышленно-транспортный отдел ГК КПБ обобщить практику проведения

«дней участка, бригады» в целях распространения этого опыта на промышленных предприятиях города⁷.

Интересные формы политико-воспитательной работы использовались Новополоцкой партийной организацией и партийным комитетом Светлогорского завода искусственного волокна. В Новополоцке традиционными стали отчеты коллективов предприятий перед трудящимися города, которые получили название «недели предприятий». Эта форма массово-политической работы родилась в дни подготовки к празднованию 50-летия Советской власти. В последующем «недели предприятий» приурочивались к юбилейным датам. На Светлогорском заводе искусственного волокна ежемесячно проводились идеологические планерки. На них анализировалось состояние учебы рабочих, рассматривались вопросы морального климата в коллективе, трудовой дисциплины, изучалась постановка воспитательной и массово-политической работы в цеховых коллективах. Высокая эффективность этих планерок привела к тому, что по инициативе рабочих они стали проводиться во всех основных цехах завода.

КПБ придавала большое значение повышению боевитости и оперативности наглядной агитации в борьбе за эффективное использование материальных и трудовых ресурсов. На промышленных предприятиях и стройках выпускались сатирические газеты и листки, «молнии», в которых критиковались бесхозяйственность, расточительство, нарушения трудовой дисциплины. В цехах вывешивались лозунги и плакаты, призывавшие экономить материальные ресурсы, бороться за повышение производительности труда, изыскивать дополнительные резервы производства на каждом рабочем месте, творчески относиться к порученному делу. Повсеместно создавались галереи передовиков, Доски почета, стенды «Наши ветераны», «Наши передовики», «Наши трудовые дела».

К борьбе за экономию и бережливость партийные организации республики активно привлекали учреждения культуры и средства массовой информации и пропаганды. Во дворцах, домах культуры и клубах БелАЗа, МТЗ, завода имени Октябрьской революции, Могилевского и Витебского заводов имени С. М. Кирова и других предприятий республики были созданы музеи, комнаты, уголки революционной, боевой и трудовой славы. Их экспозиции использовались для воспитания трудящихся, особенно молодежи, на славных традициях рабочего класса.

Итак, за годы восьмой и девятой пятилеток партийные организации Белоруссии накопили значительный опыт идеологической работы по обеспечению рационального использования материальных и трудовых ресурсов.

¹ Коммунист, 1983, № 3, с. 13.

² ПА Гомельского ОК КПБ, ф. 265, оп. 17, д. 5, л. 115.

³ См.: Советская Белоруссия, 1966, 3 сентября.

⁴ Советская Белоруссия, 1970, 18 ноября.

⁵ См.: Материалы XXVIII съезда Коммунистической партии Белоруссии.— Минск, 1976, с. 53.

⁶ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 47, д. 612, л. 21, 34.

⁷ ПА Гомельского ОК КПБ, ф. 265, оп. 17, д. 6, л. 3.

С. Б. ЖАРКО

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДОСААФ БССР ПО ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ В 1971 — 1975 ГОДАХ

Одним из важнейших условий повышения готовности к защите Родины партия считает улучшение военно-патриотического воспитания. Будучи неотъемлемой составной частью воспитания трудящихся в духе преданности идеалам коммунизма, оно призвано всемерно способствовать формированию у советских людей, особенно молодежи, высоких идейно-политических, боевых и морально-психологических качеств, необходимых для выполнения задач надежной охраны безопасности Отечества, всего социалистического содружества.

Советский патриотизм прочно опирается на революционные и боевые традиции советского народа и нашей партии, ярко воплощается в трудовых свершениях, рождает у советских людей великую созидательную энергию,

направляя ее на осуществление планов коммунистического строительства. основополагающие задачи по защите Отечества, революции были четко сформулированы В. И. Лениным. В одном из своих выступлений перед трудящимися он говорил: «Ту Россию, которая освободилась, которая за два года выстрадала свою советскую революцию, эту Россию мы будем защищать до последней капли крови»¹. В. И. Ленин рассматривал защиту завоеваний Великого Октября как важнейшую составную часть всего мирового революционного процесса. Он считал одной из важных задач внедрение революционных традиций в сознание молодежи, которой «нужен опыт старых борцов... умудренных революционными традициями и широким политическим кругозором»².

Формы и методы патриотического воспитания молодежи весьма разнообразны. Опыт показывает, что пропаганда революционных, боевых и трудовых традиций наиболее эффективна тогда, когда она сочетается с глубоким разъяснением марксистско-ленинской теории, решений КПСС, ее внешней и внутренней политики. Достижению этой цели призваны служить политические занятия, уроки мужества, тематические вечера, встречи с ветеранами партии, войны и труда. Действенным средством активного патриотического воспитания являются походы по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. Они превратились в комплексную форму воспитания юношей и девушек на героических традициях.

Большой вклад в дело военно-патриотического воспитания рабочей молодежи вносит ДОСААФ Белорусской ССР. Основой деятельности оборонного общества республики в девятой пятилетке стали решения XXIV съезда КПСС. В конце 1975 года в Белоруссии насчитывалось 13.699 первичных организаций ДОСААФ, объединявших в своих рядах 3,2 млн. человек. По сравнению с 1967 годом численность общества возросла более чем на 800 тыс. человек³.

В девятой пятилетке широкое распространение в республике получили университеты военно-патриотического воспитания. Так, в 1971/1972 учебном году в 56 таких университетах занималось 15,5 тыс. слушателей призывного возраста⁴.

Значительно активизировалась лекционно-пропагандистская работа по военно-патриотической тематике на промышленных предприятиях. Так, в 1971 году на Минском тракторном заводе состоялось 412 лекций, докладов, встреч молодежи с ветеранами партии, войны и труда. В 1975 году этих мероприятий здесь было проведено уже 1557. За годы пятилетки количество специалистов, подготовленных спортивно-техническими клубами, увеличилось с 5,1 до 7,8 тыс. человек. В 1975 году было проведено соревнований по военно-техническим и прикладным видам спорта в 6 раз больше, чем в 1971⁵.

В республике были созданы школы ДОСААФ, в которых десятки тысяч призывников осваивали сложные военные специальности. Здесь формировалась всесторонняя система военно-патриотического воспитания. В учебных группах на период обучения (4—5 месяцев) создавались комсомольские организации, изучались военная присяга и Гимн Советского Союза, проводились политинформации, встречи с ветеранами и воинами, вечера мужества, литературные диспуты.

Весомый вклад в военно-патриотическое воспитание молодежи республики внесли Республиканский и областные Дома ДОСААФ. В 1971—1975 годах республиканский Дом ДОСААФ организовал для рабочей молодежи около 12.500 лекций, более 1250 оборонно-тематических вечеров, до 20 выездов агитбригад на заводы республики⁶. Дома ДОСААФ систематически обобщали и распространяли опыт работы передовых организаций по военно-патриотическому воспитанию путем издания плакатов, бюллетеней, брошюр, методических рекомендаций. Этапным для республиканской организации ДОСААФ в девятой пятилетке стал 1974 год, когда за победу во Всесоюзном соревновании по военно-патриотической и оборонно-массовой работе она была награждена переходящим Красным Знаменем Министерства обороны СССР.

Главным источником и решающим условием успехов оборонных организаций республики являлось и является партийное руководство. ЦК КПБ, СМ БССР, партийные и советские органы на местах уделяли и уделяют особое внимание вопросам военно-патриотического воспитания трудящихся и, в первую очередь, молодежи. В современной напряженной международной обстановке ЦК КПСС и Советское правительство делают все воз-

можное для сохранения и упрочения мира на планете. Именно поэтому особенно актуальны вопросы военно-патриотического воспитания нашей молодежи, ее высокой готовности обеспечить безопасность социалистических завоеваний.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 182.

² Там же, т. 14, с. 226.

³ См.: Школа мужества и патриотизма.— Минск, 1976, с. 222.

⁴ Там же, с. 224.

⁵ См.: Текущий архив Минского ГК ДОСААФ, 1971, т. 5, с. 24; 1975, т. 5, с. 12.

⁶ См.: Текущий архив республиканского Дома ДОСААФ, 1971, т. 2, с. 14; 1975, т. 2, с. 21.

В. М. СИКОРСКИЙ

РУССКО-БЕЛОРУССКИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СВЯЗИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Уровень развития прогрессивных идей в Белоруссии первой половины XIX века в определенной степени зависел от состояния революционной борьбы и национально-освободительного движения в Западной Европе, России, Польше и на Украине. Однако преобладающее влияние на их развитие оказывала русская прогрессивная мысль. Общая судьба народов России и Белоруссии в составе царской империи ставили перед ними одни и те же задачи, главной из которых была борьба с крепостничеством.

Первая половина XIX века, примерно с 1825 года, по ленинской периодизации освободительного движения в России, относится к дворянскому этапу¹. Признавая политическое насилие реальной формой разрешения внутренних противоречий, дворянские революционеры недоверчиво относились к трудящимся массам. Решающая роль в преобразовании общества и построении государства нового типа отводилась дворянским деятелям, видевшим в капиталистическом способе ведения хозяйства реальный путь искоренения нищеты и бесправия. Немаловажное значение в развитии этих взглядов имели прочные связи уроженцев Белоруссии с прогрессивными деятелями России.

Среди чиновничества Белоруссии значительный процент составляли выпускники учебных заведений Петербурга, Москвы и Харькова. Профессорско-преподавательский состав Виленского университета, в котором обучалось много студентов из Белоруссии, в это время пополнился прогрессивными преподавателями, разделявшими основные идеи будущих участников декабрьского восстания. Распространению идей дворянских революционеров в Белоруссии способствовали связи местных прогрессивных деятелей с революционно-настроенными армейскими офицерами. Сопоставление программных документов декабристов и тайных обществ, созданных на территории Белоруссии и Литвы, дает возможность констатировать, что многие их положения имели одинаковый смысл и общую идейную направленность.

Разгром филематского движения в Белоруссии и Литве не смог повлиять на ход исторических событий. Встретив сочувствие и поддержку декабристов, бывшие филематы повели работу по созданию в городах и военных гарнизонах тайных организаций, которые основными целями борьбы считали свержение самодержавия и уничтожение крепостничества, установление республики и принятие конституции. В 1825 году наблюдается оживление общественно-политической мысли в Вильно, где сохранились нелегальные молодежные кружки. Теплотой и заботой окружили русские прогрессивные деятели филематов, отбывавших наказание в России. Уже в ноябре 1824 года А. Мицкевич, Ф. Малевский и Ю. Ежовский встретились с петербургскими декабристами. К. Рылеев и А. Бестужев познакомили их с состоянием революционных дел в России, оказывали им моральную и материальную поддержку².

Под непосредственным влиянием декабристов в 1825 году в Белоруссии возникает «Общество военных друзей», инициатором создания которого был один из бывших активных членов «Товарищества филематов» белорус М. И. Рукевич. Умелый конспиратор, он избежал суда по делу филематов, доказав свою «непричастность» к тайному обществу. Его выпустили на свободу с обязательством в будущем не принадлежать ни к

какому тайному обществу: Активно участвовали в создании «Общества военных друзей» передовые офицеры Литовского пионерского батальона О. В. Поджио и М. Ф. Митько, К. Г. Игельстром, А. И. Вегелин и др.³

Идеи декабристов способствовали разрушению религиозных и национальных традиций, которые мешали восприятию белорусской шляхтой демократических взглядов. Разгром декабристского движения заставил шляхетских деятелей задуматься над причинами поражения дворянских революционеров. Анализируя ход подготовки и проведения декабрьского восстания, они увидели главные причины неудачного выступления в неподготовленности восставших и оторванности их от народных масс. Наступает период переоценки ценностей, идеология дворянских революционеров подвергается сомнению, ведется поиск путей вовлечения крестьян и ремесленников в национально-освободительную борьбу. Кризис дворянской идеологии ознаменовался выходом на политическую арену разночинцев, безземельного дворянства и интеллигенции, видевших в вооруженном крестьянском восстании реальную возможность ликвидировать нищету и угнетение. Не случайно в периодических изданиях этого времени публикуются статьи о восстаниях Е. Пугачева и С. Разина. Русская революционно-демократическая печать оказывает все большее влияние на становление и утверждение в Белоруссии революционно-демократической идеологии. Материалы белорусских корреспондентов, которые печатались на страницах «Колокола» и «Современника», в газетах и журналах, издаваемых в Белоруссии, широко обсуждались в нелегальных кружках.

Таким образом, русско-белорусские революционные связи способствовали формированию прогрессивной идеологии и созданию революционной ситуации в Белоруссии середины XIX века.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 93.

² См.: Мицкевич А. Собр. соч., 1948, т. 1, с. 30.

³ См.: История Польши.— М., 1956, т. 1, с. 502.

М. А. ХОТЕНЧИК

РОЛЬ КНИГОПЕЧАТАНИЯ В РАЗВИТИИ БЕЛОРУССКО-БОЛГАРСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ В XVI ВЕКЕ

Ф. Энгельс отмечал, что книгопечатание является «наиболее блестящей страницей» в истории великих открытий и изобретений эпохи Возрождения¹. В XVI веке печатная книга получает широкое распространение на белорусской земле. Первые славянские типографии Кракова, Гданьска и другие стремились удовлетворить потребности входящих в состав Великого княжества Литовского белорусских, украинских, русских земель в православной богослужебной литературе. В первой четверти XVI века в краковских типографиях были отпечатаны и книги, написанные белорусскими авторами. Среди них «Эпиталма» Павла из Кросны, «Поэма о внешнем виде и злом нраве зубра и об охоте на него» Николая Гусовского.

Начало восточнославянскому и белорусскому книгопечатанию положил выдающийся белорусский гуманист Франциск Скорина. В течение 1517—1519 годов в Праге он издал «Псалтырь» и 22 книги Ветхого завета на белорусском языке.

В 20-е годы центром книгопечатания на кириллице стал город Вильно. Здесь в 1525 году Франциск Скорина выпустил две книги: «Апостол» и «Малую подорожную книжицу». Никто в этот период, кроме него, не занимался изданием книг на белорусском языке. Виленские издания Скорины редактировались в основном в соответствии со старославянскими лингвистическими традициями и, значит, издатель мог рассчитывать на московский и южнославянский книжный рынок. Белорусские книги Скорины получили широкое распространение в Московском государстве, где еще не было книгопечатания, и в славянских странах, находившихся под османским игом, в частности в Болгарии и Сербии.

Дело Скорины было продолжено большой группой белорусских книгопечатников. Через 40 лет после выпуска книг Франциском Скориной на территории Белоруссии появляются одна за другой типографии: в Бресте (1553), в Несвиже (1562), в Тяпино (1565). В 60-х годах появляются типографии в Заблудове, Куцене, Могилеве, Буйничах, Минске, Лоске, Су-

прасле. Широкий размах книгопечатания был обусловлен следующими причинами: рост городов, развитие ремесел и торговли вызвали расширение культурных потребностей общества, увеличение спроса на кириллические книги. Рукописный способ размножения книг не удовлетворял требований времени. В Великом княжестве Литовском в XVI веке создались материальные предпосылки для организации книгопечатания: в городах действовали различные цехи ремесленников, имелись опытные резчики по дереву и металлу, искусные граверы. Развитию книгопечатания способствовало и реформационное движение. Борющиеся стороны активно использовали печатное слово в своих интересах.

Продукция белорусских типографий предназначалась не только для удовлетворения растущего спроса населения Великого княжества Литовского в богослужебной, учебной, светской литературе, но и потребностей в ней населения Балкан и России. Широкий поток белорусской книги не мог не оставить значительного следа в культуре балканских народов. Исследователи отмечают влияние белорусского языка на литературу и письменность болгар.

Широкою известность получила типография Мамоничей, которую организовал белорус Петр Тимофеевич Мстиславец в 1569—1570 годах. Мамоничи основали свою типографию с целью удовлетворить потребности в книге православного населения Белоруссии, Украины, России и балканских стран. Здесь осуществлялось не только печатание богослужебной, но и светской литературы. Значительную роль сыграла типография в распространении и популяризации на Балканах «Учительного Евангелия», изданного в Заблудове Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем, а затем переизданного в 1595 году Мамоничами в Вильно². Некоторые издания предназначались непосредственно для населения Балкан. Такой, например, является «Псалтырь» издания 1592 года. Если издания 1586 и 1593 годов можно назвать белорусскими, то издание 1592 года было болгарским. Интересно и еще одно направление в деятельности типографии. В Болгарии сохранилась фальсификация «Служебника» Дионисия деелля Векия и его сына Виценти, приписываемая печати Мамоничей³. В этом случае предприимчивые Мамоничи использовали авторитет венецианской печати у сербов и болгар, а также маскировали свою активную православную деятельность перед литовскими иезуитами и униатами.

Деятельность типографии Мамоничей не ограничивалась изданием и распространением богослужебной литературы, в которой так нуждалась сербская и присоединенная к ней болгарская епархия. В 1586 году выходит на белорусском языке светский учебник «Грамматика славянского языка», который предназначался и для славянского населения Балкан. По мнению Г. Я. Голенченко, в «Грамматике» широко используются сочинения древнеболгарского писателя Иоанна Экзарха⁴. После «Грамматики» Мамоничи издают «Букварь» и «Азбуку». В «Азбуке», изданной на белорусском языке, содержится раздел «Сказание, како состави святы Кирил Философ азбуку»⁵.

В XVI веке белорусская печатная книга не только была широко распространена на Балканах и оказала заметное влияние на духовную жизнь южных славян. Она и сама многое заимствовала из культуры и книг славянских стран. Например, Мамоничи занимались не только распространением своих книг, но и интересовались книгами, изданными в других землях. Вполне вероятно, что прежде всего их внимание привлекали книги славянской печати. В Брестской мытной книге за 8 марта 1583 года есть запись, что Иван Мамонич, возвращавшийся из-за границы через Брест, в числе других товаров вез книги. О существовании на территории Белоруссии печатных книг, изданных в других землях, в частности славянской печати, говорят и другие факты: прежде всего подделка книг белорусской типографии под венецианские издания (для сербов), вильнюсские мастера в своих изданиях воспроизводили заставки славянской печати. В «Служебнике» 1583 года, напечатанном у Мамоничей, в орнаменте использованы широкие плетеные заставки с инициалами черногорского воеводы Божидара Вуковича, примененные в сербских изданиях 1519, 1554 годов⁶.

Культурные связи белорусского народа и народов Балкан в XVI веке, в период турецкого господства, продолжали развиваться. Очагами славянской культуры здесь оставались в то время монастыри и церкви, которые получали печатные книги из Белоруссии, России, Украины.

«Начиная с XVI века, — писал Н. С. Державин, — в Болгарию идут из России в большом количестве славянские рукописи и книги, преимущественно культового характера, не давшие угаснуть культурно-национальному сознанию болгарского народа и поддерживавшие его грамотность и просвещение. Этот русский книжный фонд явился богатым вкладом в сокровищницу болгарской национальной культуры»⁷. Можно добавить, что белорусские книги и литература внесли значительный вклад в сокровищницу национальной культуры болгарского народа.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 346.

² См.: Немировский Е. Л. Иван Федоров в Белоруссии. — М., 1979, с. 118.

³ См.: Атанасов П. Яков Крайков книжовник, издатель, график XVI в. — София, 1980, с. 146.

⁴ См.: Голенченко Г. Я. Источники по истории белорусской культуры. — В кн.: Из истории книги в Белоруссии. Минск, 1979, с. 133.

⁵ См.: Мельцер Д. Б. Белоруссия и Болгария: дружба вечная, нерушимая. — Минск, 1981, с. 27.

⁶ Анушкин А. На заре книгопечатания в Литве. — Вильнюс, 1970, с. 62, 69.

⁷ Державин Н. С. История Болгарии. — М.—Л., 1945, т. 1, с. 243.

РУМЕН СЕЧКОВ

РОЛЬ КПСС И КПБ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ СОВЕТСКО-БОЛГАРСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА (1966 — 1970)

Всестороннее сотрудничество и сближение между Советским Союзом и Болгарией могут служить эталоном социалистической интеграции и взаимопомощи между двумя суверенными социалистическими государствами. Это сотрудничество, которое началось сразу после установления народно-демократической власти в Болгарии, непрерывно развивается и совершенствуется.

Политика экономического сотрудничества двух братских стран и партий базируется на нерушимых принципах марксизма-ленинизма и социалистического интернационализма.

Изучение экономического сотрудничества между СССР и НРБ имеет большое научное и практическое значение. Его восходящая линия является образцом нового типа межгосударственных отношений великой Страны Советов к маленьким социалистическим странам. Следовательно, вполне закономерен интерес, который проявляют к этим проблемам историки, экономисты, социологи и другие ученые.

XXIII съезд КПСС намечил перспективы и поставил конкретные задачи экономического развития Советского Союза на период с 1966 по 1970 год. Прежде всего надо сказать, что план восьмой пятилетки является новым важным этапом борьбы советского народа за создание материально-технической базы коммунизма. Отсюда вытекает главная задача пятилетнего плана — «на основе всемерного использования достижений науки и техники, индустриального развития всего общественного производства, повышения его эффективности и производительности труда обеспечить дальнейший, значительный рост промышленности, высокие, устойчивые темпы развития сельского хозяйства и благодаря этому добиться существенного подъема уровня жизни народа, более полного удовлетворения материальных и культурных потребностей всех советских людей»¹.

ЦК БКП, анализируя уровень развития производительных сил и производственных отношений, постоянно растущие потребности общества, реальные возможности для расширения общественного производства, сформулировал основную задачу пятого пятилетнего плана Болгарии: «Продолжить строительство социалистического общества в НРБ посредством дальнейшего построения его материально-технической базы, совершенствования социалистических общественных отношений, роста социалистической сознательности трудящихся и на основе этого повысить жизненный уровень народа»².

Из этого можно заключить, что политика обеих стран и партий направлена на постоянное повышение общественного производства, которое ведет к увеличению общественного продукта, а это отвечает основному закону социализма — все более полного удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей народа.

Темпы развития экономики в период 1966—1970 годов, которые утвердили XXIII съезд КПСС и IX съезд БКП не соответствовали бы реальным возможностям стран, если бы они развивались самостоятельно, независимо друг от друга. Поэтому в отчетном докладе ЦК КПСС говорится: «Основные задания новой пятилетки учитывают также необходимость дальнейшего укрепления наших экономических связей с братскими социалистическими странами...»³ Тем более это жизненно необходимо Болгарии—государству со скромным экономическим и сырьевым потенциалом. Ее развитие невозможно без международного сотрудничества с братскими социалистическими странами и в первую очередь с Советским Союзом.

Большую роль в осуществлении динамического экономического сотрудничества между СССР и НРБ сыграли постоянные встречи на самом высоком уровне представителей ЦК КПСС и ЦК БКП. На этих встречах партийные руководители, исходя из ленинских принципов социалистического интернационализма и основных законов социализма, обсуждали и координировали разнообразные проблемы сотрудничества между двумя братскими странами и в первую очередь проблемы экономического сотрудничества. Этим вопросам были посвящены и решения июльского (1968) и ноябрьского (1969) пленумов ЦБ БКП. На пленумах было подчеркнуто, что при решении каждой крупной экономической проблемы социалистическая Болгария всегда получает братскую помощь Советского Союза⁴.

Так, например, только в рассматриваемый период были подписаны соглашения между СССР и НРБ по строительству ряда гидро- и тепловых электростанций и первой на Балканском полуострове атомной электростанции, которые повысили почти в два раза энергетический потенциал Болгарии. Были подписаны также соглашения и началось строительство многих предприятий тяжелой промышленности: металлургических заводов и одного из самых больших заводов в мире по производству кальцинированной соды. С 1968 года началось сотрудничество в области лесной промышленности: тысячи болгарских рабочих были направлены в Коми АССР на заготовку леса для нужд народного хозяйства НРБ.

Закономерным результатом растущего сотрудничества между Советским Союзом и Болгарией является новый советско-болгарский Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанный партийно-правительственными делегациями обеих стран 12 мая 1967 года⁵. В договоре ставится задача о дальнейшем сближении экономик обеих стран. Это означает все более тесную координацию народнохозяйственных планов, планомерное развитие кооперирования и специализации между советской и болгарской промышленностью.

Реализация задач сотрудничества отчасти выражается в постоянном увеличении товарообмена между СССР и НРБ. К 70-м годам Советскому Союзу принадлежало 55 % внешнего товарооборота Болгарии. С другой стороны, НРБ в это время занимала четвертое место в товарообороте СССР⁶. В период с 1950 по 1970 год товарооборот между СССР и НРБ увеличился в 15,3 раза, в том числе экспорт Советского Союза—в 14,4 раза и импорт из Болгарии—в 16,3 раза⁷.

Наблюдается также изменение структуры товарообмена двух стран. СССР экспортирует 70 % необходимых Болгарии металлов; 90 % нефти и нефтепродуктов; 90 % руды. Большое значение для хозяйства Болгарии имеет импорт из Советского Союза сырья для легкой промышленности: хлопка, льна, шерсти. Быстрое развитие болгарской индустрии привело к постепенному уменьшению поставок некоторых машин и оборудования из СССР.

Быстрый рост болгарской промышленности отразился и на ее экспорте. К 70-м годам 88,4 % экспорта НРБ в СССР составляют промышленные товары, непрерывно растет доля машиностроения: к концу рассматриваемого периода более 60 % производственных мощностей болгарских машиностроительных заводов выпускали машины для СССР⁸.

Из этих данных видно, что уже во второй половине 60-х годов созрели условия для успешного сотрудничества в осуществлении специализации и кооперирования почти всех отраслей промышленности СССР и НРБ. Начался процесс активного сближения экономик обеих стран, происходит все более полное разделение труда между отдельными отраслями промышленности двух стран, которое соответствует хозяйственной структуре и взаимовыгодной политике сотрудничества. Сближение экономик СССР и НРБ содействует ускоренному развитию производительных сил двух со-

циалистических государств: Наглядное представление об этом дают показатели выполнения пятилетних планов двух стран⁹.

Сближение экономик Советского Союза и Болгарии имеет также большое теоретическое и практическое значение для мировой системы социализма. Современный этап сближения хозяйств двух социалистических стран является первым шагом на пути к образованию мирового социалистического хозяйства, которое гениально предвидел В. И. Ленин. Объективный процесс развития мировой системы социализма подтверждает наличие исторической тенденции создания единого, регулируемого трудящимися всех наций мирового хозяйства. Эта тенденция зарождается еще при капитализме, но ее дальнейшее развитие и полное завершение принадлежит социализму. Превращение социализма в мировую экономическую систему является закономерным историческим процессом, развитие которого приведет в конце концов к образованию всеобщего мирового социалистического хозяйства.

¹ XXIII съезд КПСС. Стенографический отчет.— М., 1966, т. 1, с. 56.

² IX съезд БКП.— М., 1967, с. 31.

³ XXIII съезд КПСС, с. 57.

⁴ См.: Живков Ж. Доклад пред Пленума на ЦК на БКП, 26—27 ноември 1969 г.— София, 1969; Юлски (1968) Пленум на ЦК на БКП.— София, 1968.

⁵ См.: Советско-болгарские отношения.— М., 1974, с. 378.

⁶ См.: Георгиев Г. Ст. Икономическо сътрудничество между НРБ и СССР.— София, 1973, с. 38.

⁷ См.: Там же, с. 39.

⁸ См.: Недев И. Икономически отношения и сътрудничество на НРБ съ СССР.— В сб.: Външна търговия на НРБ. София, 1970, с. 164.

⁹ См.: XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет.— М., 1971, т. 1, с. 56; X съезд БКПБ.— М., 1971, с. 27.

В. М. БОРОДИЧ

КВАЗИЭМПИРИЧЕСКАЯ ФОРМА МАТЕМАТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

При исследовании научного творчества постоянно приходится соприкасаться с двумя его аспектами: статическим и динамическим. Первый аспект предполагает характеристику научного творчества в основном со стороны производимого результата, второй — со стороны способа его осуществления. При изучении динамической стороны, которое представляется более сложным и значимым, важно охватить исследовательскую деятельность во всей ее целостности и многогранности. Этому, на наш взгляд, может способствовать введение такого понятия, как «форма творчества». Данное понятие призвано отражать творческую деятельность как **целостный** процесс со стороны способа его осуществления; оно выражает способ организации содержания этой деятельности, связи элементов ее структуры. Поскольку творческий процесс не остается абсолютно однородным на протяжении его реализации, в форме должно получить отражение то главное, основное, что определяет общее направление творчества на конкретном этапе.

Во всяком научном творчестве могут быть выделены две предельно общие формы: эмпирическая и теоретическая. Каждая из них характеризуется собственным предметом исследования, методами и другими особенностями. Термин «форма творчества» в указанном смысле не часто фигурирует в философской литературе. Обычно различают эмпирический и теоретический **уровни знания или познания**¹, что, однако, не мешает переносить получаемые в подобном контексте выводы на соответствующие формы творчества.

Эмпирическое творчество сводится главным образом к накоплению и классификации фактов наблюдения, экспериментирования, измерения и прочих непосредственно практических процедур. Теоретическое творчество направлено на создание научной теории как логически организованного знания, посредством абстрагирования, идеализации, дедуктивного метода и т. п. Однако данные формы творчества не разделены какой-то абсолютной гранью. По крайней мере, можно говорить о наличии некоторого сходства между творчеством эмпирическим и определенным уровнем теоретического творчества. В дальнейшем мы попытаемся выявить, в каком смысле применим термин «эмпирическое творчество» к творчеству в области такой, казалось бы, чисто теоретической науки, как математика.

Уместность употребления термина «эмпирический» в связи с познавательным процессом в математике не очевидна. В то же время известно, что как теоретическая наука математика сформировалась примерно на рубеже VI—V веков до н. э. в Древней Греции. В более ранний период математика представляла собой практически-эмпирическое знание и существовала в виде рецептов для решения определенных задач. Да и превратившись в дедуктивную науку, она не утратила связи с практикой. В период бурного развития математической науки в XVII—XVIII веках большинство ее задач возникали как конкретные физические и технические задачи, т. е. проблематика математических исследований генерировалась насущными практическими потребностями. Не исчез элемент «эмпирии» из математического познания и сегодня.

Факты такого рода убедительно подтверждают присутствие эмпирического в процессе развития математической теории в генетическом плане. Однако нас интересует и вопрос об эмпирических основаниях самого процесса математического творчества. Процесс развития математической теории движется противоречивым путем. Здесь мы сталкиваемся прежде всего с определенным противоречием между историческим и логическим, присущим всему человеческому познанию. К. Маркс писал по этому поводу, что в отличие от архитекторов наука возводит отдельные этажи здания, прежде чем заложить его фундамент².

В отношении математической теории можно сказать, что закладке ее фундамента (системы аксиом) предшествует длительный подготовительный период «доаксиоматического» творчества. В истории развития всякой теории существует собственная точка отсчета — свой **первичный** базис, своеобразный каркас всех дальнейших построений. В ходе исследований этот базис совершенствуется, приобретает более строгую, организованную форму. Соответственно смещается и граница между двумя уровнями математического творчества в конкретной области. Первый из этих уровней (процесс создания теоретического базиса) по принципам и методам своего функционирования, на наш взгляд, в определенном смысле соответствует эмпирической форме научного творчества. Оговорка об относительности такого соответствия необходима, ибо в данном случае мы все-таки имеем дело с творчеством теоретическим, причем в наиболее абстрактной области. Попробуем зафиксировать и обосновать это утверждение.

Как уже отмечалось, одной из характеристик эмпирического творчества является накопление и первичная обработка (систематизация, классификация и т. п.) фактического материала. Присуща ли нечто подобное математическому творчеству? Прежде чем дать утвердительный ответ на данный вопрос, необходимо выяснить, что же следует понимать под фактом в математике.

В нашей литературе, когда речь идет о научном факте, чаще всего имеют в виду факт эмпирический. Однако и введение понятия «теоретический факт» не лишено оснований. Как считает Л. С. Мерзон, понятие «теоретический факт» можно условно применить к достоверным высказываниям менее высокого уровня общности по отношению к более высокому. Таким образом, данное понятие вводится для того, чтобы подчеркнуть отличие материала, на котором основывается данная система выводного знания, от последующих его положений, представляющих более высокий уровень обобщения и абстрагирования³.

Согласно этому, под математическим фактом следует понимать любое математическое предложение, служащее основанием для новых теоретических обобщений. Поскольку математические факты отличаются от фактов содержательных наук, которые являются утверждениями о событиях в пространстве и времени, их можно понимать как некие квазифакты⁴. В соответствии с этим и ту часть математического творчества, которая непосредственно сводится к производству и первичному обобщению таких квазифактов, правомерно назвать **квазиэмпирическим творчеством** (КЭТ).

Надо сказать, что термин «квазиэмпирическое» в применении к математическому познанию был введен И. Лакатосом, по мнению которого, математика в целом может быть отнесена к квазиэмпирическому знанию, так как она в своем историческом развитии подчинена эмпирической схеме.

Как же КЭТ проявляется в процессе построения новой математической теории? Представим типичную ситуацию. Математик занимается вполне определенной проблематикой в области уже сложившейся теории. Он вынужден решать множество частных задач, которые являются лишь промежуточным пунктом в процессе достижения основных результатов. Не исключено, что среди этих задач встречаются такие, которые обладают собственной объективной новизной и значимостью и, следовательно, могут дать начало развитию совершенно новой теории. Однако отдельная задача — это только единичное явление. И как всякое единичное оно не отражает полностью той сущности, к которой имеет отношение. Требуется достаточно большое число таких единичных фактов, отражающих самые различные стороны скрытой в их совокупности сущности, чтобы не только пробудить субъективный интерес к их теоретическому обобщению, но и создать объективные предпосылки для такого обобщения.

Когда накоплен большой фактический материал, возникает не только возможность, но и необходимость его более детального исследования, что обусловлено запросами самой математической практики. Всякая новая за-

дача решается на первых порах средствами старой теории (поскольку новый аппарат еще не создан), которые, естественно, далеко не соответствуют специфике данной задачи. На рассматриваемом этапе творчества методов существует подчас не меньше, чем отдельных задач. Мириться с этим еще как-то можно, пока общее число задач не слишком велико. Однако с расширением их класса с необходимостью возникает потребность отыскания единого общего метода, который бы отражал специфическую сущность всей теоретической проблемы.

Как писал Л. Эйлер, имеется два пути познания явлений природы: один — через производящие причины (прямой метод), другой — через конечные причины (непрямой метод); когда производящие причины скрыты слишком глубоко, вопрос обыкновенно решается непрямым методом⁵. Квазиэмпирическое творчество в математике, особенно на первом этапе, как раз и характеризуется использованием «непрямых» (частных) методов, отражающих лишь внешнюю сторону проблемы, ее «явление». Здесь имеют место своеобразное «эмпирическое прощупывание», «наблюдение»⁶. Гаусс, когда его спросили, как он пришел к некоторым своим общим идеям, ответил: «путем планомерного экспериментирования «на пальцах»⁷.

В самых общих чертах КЭТ представляет собой обработку фактического материала. Характерным здесь является поиск новых фактов, заполняющих недостающие звенья в складывающейся гипотетической «предтеории», анализ всей совокупности фактов, их классификация с целью отыскания общих закономерностей и установления специфики задачи. В ходе такой работы выдвигается гипотеза, объясняющая некоторым образом всю совокупность наличных фактов. Далее осуществляется процесс ассимиляции гипотезы («вживание» новых фактов в гипотетическую схему), происходит ее проверка и намечается переход к дальнейшему дедуктивному развертыванию.

КЭТ переходит в творчество «собственно теоретическое» с того момента, когда оказывается сформированным «базис» разрабатываемой теории. «Базис» состоит из предметной стороны (системы аксиом) и оперативной — основных методов исследования («решения») объектов данной теории; он является не исходным пунктом, а лишь промежуточным продуктом целостного теоретического творчества (результатом КЭТ). Но из этого вовсе не следует, что КЭТ происходит вне связи с аксиоматикой вообще; оно развивается на основе уже сложившейся системы математического знания, причем обыкновенно вытекает из какой-либо «старой» теории.

Математическому творчеству в определенной мере присуще циклическое движение: за процессом накопления фактов следуют их систематизация и классификация, завершающиеся теоретическим обобщением, которое в свою очередь становится новым фактом, подсказывающим новые обобщения и т. д. — до тех пор, пока в результате всеобщего синтеза знания, полученного на всех этапах, не раскроется глубинная сущность данной теории (субтеории). От явления — к сущности, от сущности менее глубокой — к сущности более глубокой — таков путь математического творчества. Более полному и адекватному познанию этого пути может способствовать, на наш взгляд, понимание определенного уровня развития математической теории как квазиэмпирического творчества.

¹ См.: Штофф В. А. Проблемы методологии научного познания. — М., 1978; Вактомин Н. К. Генезис научного знания. — М., 1973 и др.

² См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13.

³ См.: Мерзон Л. С. О некоторых спорных вопросах в освещении проблемы факта науки. — Философские науки, 1971, № 2.

⁴ См.: Перминов В. Я. Математика и концепция научно-исследовательских программ И. Лакатоса. — Вопросы философии, 1981, № 7.

⁵ См.: Эйлер Л. Метод нахождения кривых линий, обладающих свойствами максимума либо минимума, или решение изопериметрической задачи, взятой в самом широком смысле. — М. — Л., 1934, с. 447.

⁶ См.: Дьедонне Ж. О прогрессе математики. — ИМИ, вып. XXI, М., 1976, с. 11.

⁷ Цит. по кн.: Кац М., Улам С. Математика и логика. Ретроспектива и перспективы. — М., 1971, с. 195.

О ФАКТОРАХ ДЕТЕРМИНАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА

Важнейшим элементом комплексного, системного изучения человека является анализ тех факторов, которые в истории науки и философии детерминировали понимание его природы. Однако следует заметить, что в литературе еще недостаточно раскрыта значимость таких факторов, в особенности связь исследования природы человека с генезисом и сменой общенаучных картин мира (ОКМ).

Общенаучная картина мира характеризует собой определенное состояние науки на конкретном этапе ее развития, совокупность важнейших теоретико-познавательных принципов, задающих своеобразное видение объектов и пути (методы) их изучения. Она выражает интегральное, обобщенное представление о мире и человеке с точки зрения науки на конкретной стадии развития общественно-исторической практики и выступает в тесном взаимодействии со всеми сторонами духовно-практической жизни общества. Иначе говоря, ОКМ не возникает на пустом месте, а развивается в рамках сложившегося конкретно-исторического типа культуры с соответствующими ей философско-мировоззренческими принципами, которые с необходимостью включаются в продуцирование научного знания. Воспроизведение любого объекта исследования и получение определенного знания всегда происходят в рамках конкретной ОКМ с учетом философско-мировоззренческих, социокультурных факторов, обусловленных социально-экономическим развитием общества. Именно диалектическая взаимосвязь ОКМ с философско-мировоззренческими принципами и социально-экономическими факторами представляет собой основную детерминанту, определяющую своеобразие понимания природы человека в каждую историческую эпоху в конкретных коллективах и обществах.

Как известно, научное знание возникло на основе общественно-исторической практики и в конечном итоге строится адекватно потребностям последней. Социально-экономическая история знает три формы производственной деятельности людей (личная, вещная, коллективная), смена которых детерминирует смену всеобщих «объективных мыслительных форм»¹, выражающих собой соответствующие этапы истории познания: этап натур-философского постижения мира, этап господства механической картины мира и, наконец, этап диалектико-материалистического осмысления мира.

Донаучные формы мыслительной деятельности реализовывались посредством характерного единства религиозно-мифологических интенций, но уже у древних греков знание, первоначально обремененное в религиозно-мифологическую оболочку, характеризуется стремлением к отысканию естественных начал всего сущего, что выразилось в создании ими картины мира как единого, целого «космоса». Отправным пунктом познания и главным организующим принципом античной картины мира выступает человек, в котором сосредоточен весь мир в миниатюре (микрокосм). Мир развивается, в конечном итоге, по естественным законам бытия самого человека (макрокосм). Все определения и понятия подвижны, текучи, материальное слито с идеальным, микрокосм с макрокосмом. Поэтому наивное, нерасчлененное видение мира с необходимостью предстает характерной чертой космологизма и антропосоциоморфизма античной картины, в которой человек рассматривается как гармоничное, целостное существо, а его природа еще не знает дуализма души и тела. Но такой наивно-созерцательный период продолжался недолго, и уже софисты, унаследовавшие наивно-целостный взгляд на природу человека, начинают рассматривать его в специфических социально-культурных условиях, предъявивших новые требования к научной и риторической подготовке политического деятеля для греческого полиса. Софистами, а затем Сократом осуществляется рефлексия, переключившая внимание античного мыслителя с проблем «физики» на проблемы теории познания, с природы на человека. Переориентация греческой мысли от наивно-объективного постижения мира в его синкретичной целостности к рассмотрению сущности духовной деятельности человека детерминирует позднее исследовательский интерес Платона, что приводит его к расщеплению природы человека на телесную и духовную субстанции (душу и тело)². Дуализм души и тела во взглядах на природу человека обуславливается, следовательно, не столько эмпирическими факторами, сколько теоретико-познавательной и социокультурной ситуацией, сложившейся на дан-

ном этапе развития античной картины мира. Впоследствии сам факт дуалистически понятой природы человека, интегрируясь в ткань научного познания, меняет представление о мире, который делится на ряды материальных и идеальных сущностей. Такое раздвоение мира позволило выработать новые средства и методы его познания и, как отмечает Гайденко П. П., «сделало возможной математику как науку, оперирующую идеализованными объектами»³. Платоновский дуализм души и тела был воспринят христианством и, претерпев некоторые изменения, сохранился от средневековья до эпохи Возрождения, с которой, по словам Ф. Энгельса, начинается «летоисчисление» всей новой истории. Значение средневековья и эпохи Возрождения для развития науки Нового времени заключалось в том, что они послужили своеобразными фильтрами, очистившими картину мира древних греков от антропосоциоморфных элементов.

В Новое время становление и развитие буржуазных производственных отношений окончательно уничтожило античную и христианскую связь человека с природой. Последнюю «перестают признавать самодавлеющей силой, а теоретическое познание ее собственных законов само выступает лишь как хитрость, имеющая целью подчинить природу человеческим потребностям, будь то в качестве предмета потребления или в качестве средства производства»⁴. Вещные отношения начинают выступать в качестве абсолютного начала научного познания, так как исследовательский интерес ученого сосредоточивается в первую очередь на природных явлениях с целью производства вещей. Человек уже не может выступать «мерой всех вещей», сама вещь становится «мерой» человека. Мировоззрение изменяется в сторону признания примата вещественных, онтологических характеристик, а следовательно, «...место человека в мире определяется перенесенными из познания законами внешнего мира. Соответственно, в качестве лидера наук выступает физика (механика), изучающая «мир сам по себе». Картина мира и стиль мышления представляют новый подход к познанию природы, окончательно исключая человеческие факторы из процесса исследования...»⁵. Развитие научного знания вступает в принципиально новый этап, характеризующийся господством механической картины мира. «...Механическая картина мира сформулировала видение природы как своеобразной простой машины, взаимодействие частей которой подчинено жесткой детерминации (лапласовского типа). Эта картина переносила на всю природу схему строения и функционирования простой динамической системы»⁶. Происходит «деперсонификация» мышления с присущим ему «деперсонифицированным» методом созерцания окружающего мира, когда исследовательский интерес осуществляется с точки зрения абстрактного, всеобщего субъекта, а «предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта, или в форме созерцания»⁷.

Однако вскоре обнаруживается, что учение о природе, исключаящее знания о человеке и формах его бытия, оказывается столь же неполным, как и учение о человеке вне естественнонаучной картины природы. В первом аспекте это учение абстрагируется от культурно-исторической деятельности, во втором — оно ограничено лишь природно-антропологическим бытием человека. Данное противоречие в рамках механической картины мира обусловило существование двух теоретико-познавательных подходов к исследованию природы человека. Метафизический материализм подходит к ее истолкованию с механических позиций, рассматривая в основном субстанциональную сторону человеческой природы (натурализм). Как реакция на «плоский» механицизм развиваются идеалистические системы различного толка, которые абсолютизируют и гипостазируют духовно-деятельную сторону природы человека (антинатурализм). Подобный теоретико-познавательный дуализм вполне закономерен, так как господство классической физики в рамках механической картины мира выступало призмой рассмотрения всех явлений, в том числе и природы человека, что вело к ее натурализации (классический образец — работа Ламетри «Человек-машина») и поэтому открывало путь идеализму (витализму и пр.). Максимальная же механико-натуралистической традиции, ставящей целью устранить дуальность мира и природы человека только собственными методами, лишь усиливала тенденцию антинатурализма и тем самым обостряла данное противоречие. В этой связи К. Маркс отмечал: «Восемнадцатый век... не разрешил великой противоположности субстанции и субъекта, природы и духа... но он противопоставил друг другу обе стороны противоположности во всей их остроте и полноте развития и тем самым сделал необходимым уничтожение этой противоположности»⁸. Именно К. Маркс и Ф. Энгельс преодолели

ли подобный теоретико-познавательный дуализм, обосновав генетическую и общественно-практическую связь человеческой истории с историей природы. Иначе говоря, гносеология метафизического материализма претендовала на чистый объективизм (исследование мира самого по себе в абсолютной оторванности от человеческой деятельности), идеализм же рассматривал человеческую деятельность лишь как «чистую» мыслительную активность субъекта. Обоснование марксизмом принципа практики как материально преобразующей общественной деятельности преодолело односторонность, созерцательность домарксовской гносеологии и послужило основой разработки диалектико-материалистической концепции субъект-объектных отношений. Произошла кардинальная философско-мировоззренческая, а затем и логико-методологическая переориентация сути генезиса истории познания, ознаменовавшая переход от механической картины мира к созданию новой ОКМ, для которой характерно «точное представление о Вселенной, о ее развитии и о развитии человечества, равно как и об отражении этого развития в головах людей»⁹. Новые философские основания определили тенденцию к общеметодологическому и общетеоретическому синтезу знания на основе его дифференциации и интеграции, тенденцию целостного рассмотрения объектов реальности в их диалектической взаимосвязи, что позволило перейти к изучению сложноорганизованных объектов и так называемых больших систем.

Однако, несмотря на все усиливающийся синтез научного познания, в современной теоретико-познавательной ситуации еще существует ряд трудностей, связанных с превращением общефилософских представлений о единстве мира в органически целостную ОКМ. Это обусловлено, с одной стороны, тем, что сегодня еще не все науки можно характеризовать как теоретически «зрелые», а с другой стороны, «сложность построения современной научной картины мира состоит, в частности, в том, что она не может не быть одновременно и научной теорией человека»¹⁰. Исследование человека и вопросов, связанных с формами его бытия, представляет собой интегральную проблему, которая задает ряд специфических мировоззренческо-методологических установок и нормативов для сочетания средств естественных и общественных наук на базе достижений НТР и аккумулирует научное знание в органически целостную ОКМ. «Путь к органическому единству естественных и общественных наук лежит через противоречия между ними в НКМ. Она преодолевает противоречия между необходимостью адекватного отражения действительности такой, какой она существует независимо от человека, т. е. объективно, и необходимостью отразить в отношении человека к действительности его потребности, устремления и цели»¹¹. Но деление общества на классы тормозит этот процесс, так как детерминирует поляризацию методологических принципов познания, что ведет к возникновению диаметрально противоположных концепций. Поэтому создание органически целостной ОКМ является задачей отдаленной исторической перспективы. Поскольку современная теоретико-познавательная ситуация характеризуется сложностью и противоречивостью исследовательских поисков, обусловленных наличием социально неоднородных обществ с их различными, порой прямо противоположными философско-мировоззренческими установками, постольку и представления о природе человека характеризуются как плюрализмом методологических подходов, так и вариабельностью классово-содержательных аспектов ее интерпретации. Однако, если подходить к пониманию природы человека с точки зрения смены и генезиса ОКМ, то представляется очевидным, что именно диалектико-материалистическая концепция биосоциальной природы человека наиболее соответствует потребностям и задачам современной теоретико-познавательной ситуации, так как устраняет крайности пройденного этапа истории познания (натурализм и антинатурализм) и ориентирует на общеметодологический и общетеоретический синтез науки естественного и социального циклов. Именно «с решением вопроса о соотношении биологического и социального научная картина мира отразит мир в виде целостной системы знаний о неживой природе, живой природе и мире социальных явлений»¹².

Итак, представления о природе человека формируются как теоретические репрезентации исторически сменяющихся ОКМ, которые совместно с философско-мировоззренческими, социокультурными факторами, обусловленными социально-экономическими преобразованиями общества, детерминируют ее определенное понимание (видение). В этой связи в истории познания можно проследить следующую закономерность: от нерасчлененной «модели мира» у древних, обусловившей наивно-целостное видение приро-

ды человека, к механической картине мира, в рамках которой получает развитие теоретико-познавательный дуализм в подходе к исследованию природы человека, и, наконец, переход к новому диалектико-материалистическому пониманию природы человека как диалектического единства биологического и социального.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 100.

² См.: Григорьян Б. Т. Философская антропология.— М., 1982, с. 64.

³ Гайденок П. П. Эволюция понятия науки (Становление и развитие первых научных программ).— М., 1980, с. 401.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 387.

⁵ Смирнова Р. А. Эвристические возможности мировоззрения в становлении научного знания.— В кн.: Диалектика естественнонаучного и социального познания. Тезисы докладов III Всесоюзной школы молодого философа. М., 1979, с. 8.

⁶ Степин В. С. Структура и эволюция теоретических знаний.— В кн.: Природа научного познания. Минск, 1979, с. 199.

⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 261.

⁸ Там же, т. 1, с. 600.

⁹ Там же, т. 20, с. 22.

¹⁰ Сафронов И. А. Естественнонаучная картина мира и проблема человека.— В кн.: Философия и развитие естественнонаучной картины мира. Л., 1981, с. 220.

¹¹ Рындин В. А. Мировоззренческий характер научной картины мира и ее роль в построении теории.— В кн.: Человек как философская проблема и мировоззрение. Владимир, 1982, с. 52.

¹² Чаговец Р. В., Депенчук Н. П. Биология в научной картине мира.— В кн.: Биология и современное научное познание. М., 1980, с. 160.

Л. А. ГАЩЕНКО

СПЕЦИФИКА ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ОТРАЖЕНИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ

Изучение роли социалистической идеологии в формировании нового человека не может быть достаточно плодотворным, если не выявить ее значение в возвышении потребностей личности. Общественные отношения существуют и проявляются не сами по себе, не рядом с человеком, а только в его деятельности. Как условие формирования личности эти отношения воздействуют на нее лишь через потребности — основные побудители социальной активности¹. Они лежат в основе поведения людей, составляют внутренний «механизм», исходный пункт принятия и осуществления решения.

Суть потребности на уровне социологического анализа можно определить как «объективное состояние субъекта, выражающее противоречие между имеющимся и необходимым (или представляющимся субъекту необходимым) и побуждающее его к деятельности по устранению данного противоречия»². Важно отметить, что потребность характеризует такое состояние напряженности, неуравновешенности человеческого организма, причиной которого может быть не только нуждаемость в чем-либо, но и, наоборот, необходимость устранения некоторых ненужных факторов, препятствующих проявлению сущностных сил человека. Так, например, рабочие Англии в период промышленного переворота ломали орудия производства, которые, как они думали, были главным злом ухудшения их социального положения.

Проходя через сознание субъекта, потребности отражают (глубоко или поверхностно, правильно или искаженно) объективные условия жизнедеятельности людей в форме идеального образа и выражают стремление к устранению зависимости личности от внешнего мира путем его преобразования.

Неразрывная взаимосвязь идеологии и человеческих потребностей проявляется в том, что идеология есть наиболее актуальное, активное отражение действительности. Оно в этом случае осуществляется через призму особо значимых для всего класса и его членов потребностей и интересов людей, выражающих существенные, крайне важные, необходимые условия их существования, самоутверждения и самовыражения. Будучи продуктом деятельности общества, идеология содержит такие духовные образования, которые «включают в свое содержание взгляды и представления, ценности, оценки, выражающие отношение к ценностям, а также социальные нормы (нравственные, эстетические и т. п.), соответствующие потреб-

ностям и интересам класса и другие духовные образования»³. Этот уровень социального отражения представляет собой самосознание класса, которое в теоретической форме указывает пути улучшения социального положения и изменения существующей действительности в соответствии с его коренными потребностями. «При этом идеологическое отражение находится в следующем отношении к потребностям и интересам: оно вытекает из них, имеет их своим содержанием и обратно воздействует на них»⁴.

Вместе с тем идеологическое познание сущности потребностей индивидов имеет свою специфику. Идеология возникла как отражение производственных отношений и поэтому в классовом обществе она подчиняется закономерностям взаимоотношений между базисом и надстройкой. Предмет идеологического отражения накладывает определенный отпечаток на получение адекватного исследования общественных закономерностей.

Если в повседневной жизнедеятельности человека на уровне общественной психологии «отражается лишь внешняя видимость производственных отношений»⁵, то идеология вырабатывает такие типы связей и содержательных отношений, которые не имеют непосредственного чувственного коррелята. Идеологическое отражение всегда выходит за рамки непосредственных явлений в сферу скрытых закономерностей, составляющих как бы внутренний механизм побудительных мотивов индивидов. Но здесь идеология еще мало чем отличается от сугубо теоретического освоения социальной реальности.

Своеобразие же идеологического осмысления, выраженного в потребностях реальности, состоит в том, что оно осуществляется через призму классовых интересов. Ведь в интересе потребность получает свое развитие, завершение, конкретизируется в качестве источника активности личности. В нем выражается также актуальность потребности, ее предпочтительность, условия, способы и последствия ее удовлетворения⁶. Таким образом, идеология изучает потребности не сами по себе, а со стороны их значимости для реализации классовых интересов. Следовательно, адекватное отображение объективной действительности в большей степени зависит от того, интересы какого класса, социальной группы представляет познающий субъект.

Так, господствующие классы и их идеологи используют все средства (в том числе и ложные воззрения) для упрочения своего господства, для борьбы с прогрессивными идеями. И только идеология рабочего класса обладает подлинной научностью, обусловленной прежде всего его местом и ролью в истории, как ее наиболее революционной силы. Поэтому рабочему классу нет надобности искажать суть общественного развития, поскольку его интересы и цели «полностью совпадают с объективным ходом развития истории и насущными потребностями подавляющей массы всего человечества»⁷. Конечно, «исторически условна всякая идеология, — подчеркивает В. И. Ленин, — но безусловно то, что всякой научной идеологии (в отличие, например, от религиозной) соответствует объективная истина, абсолютная природа»⁸. Постигание истины общественно-исторического процесса внутренне присуще пролетарской идеологии, которая обосновывает цели и задачи революционного класса, вырабатывает способы и средства преобразования общества на социалистических началах и показывает перспективу его развития в коммунистическое.

Раскрывая специфику идеологического отражения потребностей личности, следует также отметить, что на этом уровне они осознаются опосредованно, через ряд промежуточных звеньев (общественные потребности, классовые интересы и т. д.). Потребности индивида — это сложная совокупность его повседневных отношений к объективным возможностям, тенденциям общественного развития. Человек имеет множество различных потребностей. И каждая отдельная потребность личности обладает чертами, присущими только ему, выступает как единичное. Но развитие и многообразие индивидуальных потребностей — лишь одна сторона. Другая — состоит в их общности, когда в мотивах отдельной личности сочетаются признаки и свойства, характерные для потребностей людей данного класса (общества). Это объясняется тем, что одни и те же условия жизни, одинаковость экономического положения людей данной социальной группы неизбежно порождают общность их потребностей. Следовательно, потребности класса, общества обусловлены общественной необходимостью и связаны с функционированием и поступательным развитием определенных производительных сил и производственных отношений как основы жизнедеятельности людей. Вместе с тем общественные потребности — это новое ка-

чество, не сводимое к сумме даже существенных черт индивидуальных потребностей. Но в то же время, они не существуют отдельно от индивидов как некая самостоятельная, себя воспроизводящая сущность. общественные потребности являются ведущей стороной индивидуальных потребностей, которые представляют собой единство единичного и общего.

Общее, что имеется в стихийно сложившихся потребностях индивидов, отражаясь на уровне общественной психологии, может привести к освоению лишь ближайших (повседневных) потребностей личности и группы. Глубокое же понимание экономического положения и перспектив развития рассматриваемой группы в целом, выяснение основных возможностей реализации ее важнейших потребностей происходит только на уровне научной социальной теории, которой является идеология рабочего класса.

В общественной потребности, теоретически обоснованной в идеологии, выражается то, что определяет содержание не одной, а всех наиболее важных потребностей индивида, связывающих его со своим классом. Если речь заходит об исследовании общественных потребностей, «то надо иметь в виду не столько побуждения отдельных лиц, хотя бы и самых выдающихся, сколько те побуждения, которые приводят в движение большие массы людей, целые народы, а в каждом народе в свою очередь целые классы»⁹. Иначе говоря, потребности индивида не охватываются полностью в общественной потребности. Последняя фиксирует ту степень общности, которая позволяет выявить устойчивые, необходимые побуждения в действиях множества «отдельных лиц». А это, в конечном счете, дает возможность обнаружить содержание и направленность действий больших масс людей, определить конечную цель пролетариата как предвидение результата борьбы за удовлетворение потребностей общественного прогресса. Следовательно, идеология отражает коренные потребности и отдельного человека, и всего класса, а в социалистическом обществе — всего советского народа.

Но сущность, функциональное назначение научной идеологии не ограничивается только ее познавательным аспектом. Она позволяет на основе правильно познанных человеческих, классовых потребностей и интересов формировать у советских людей марксистско-ленинское мировоззрение, последовательное классовое сознание, вовлекать широкие трудящиеся массы в активное строительство нового общества, управление всеми его делами, процессами. Созидание коммунистического общества, в котором наиболее полно будут удовлетворяться растущие материальные и духовные потребности советского народа, является высшей целью нашей партии.

Социальная политика партии и советского правительства сегодня — это «конкретная забота о конкретном человеке, его нуждах и потребностях»¹⁰, формирование целостной, разумно сбалансированной системы потребностей, в структуре которой закрепляются качественно новые духовные запросы, и прежде всего потребности в труде, как первой жизненной необходимости, социальном, художественном и техническом творчестве, в самовыражении и самоутверждении.

Таким образом, выведение идеологического познания из общественных потребностей дает верный критерий оценки необходимости и возможности, характера и глубины отражения общественных отношений, позволяет объяснить сущные потребности и интересы личности, класса, общества как продукта определенной системы производственных отношений, позволяет раскрыть их содержание и условия развития.

¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 245.

² Михайлов Н. Н. Потребности личности и проблемы формирования. — Челябинск, 1981, с. 39.

³ Уледов А. К. Духовная жизнь общества. — М., 1980, с. 120.

⁴ Ленинское гносеологическое наследие и его значение для науки. — Минск, 1979, с. 295.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 560.

⁶ См.: Классовый подход к формированию и удовлетворению социальных потребностей. — Минск, 1981, с. 48.

⁷ Там же, с. 50.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 138.

⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 307—308.

¹⁰ Материалы XXVI съезда КПСС. — М., 1981, с. 49.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Исследование эффективности влияния того или иного социального института на сознание и поведение различных групп населения является достаточно сложной проблемой. Сложность эта заключается, во-первых, в выявлении и анализе самой проблемной ситуации, во-вторых, в поиске критериев, операциональном определении показателей эффективности такого влияния. В условиях развитого социализма все более активную роль в духовной жизни общества играют средства массовой информации (СМИ): печать, радио, телевидение. О все возрастающей роли СМИ свидетельствует их бурный рост, распространенность и доступность массовой информации. У населения республики имеется свыше 5 млн. экземпляров газет, около 2,5 млн. телевизоров, около 6,5 млн. радиоприемников и трансляционных точек¹. Очевидно, что эти показатели характеризуют эффективность так называемой докоммуникативной фазы массовой коммуникации (информационно-пропагандистского процесса), т. е. этап, предшествующий непосредственному контакту аудитории с сообщениями СМИ. Однако в практике сложился и нередко продолжает действовать определенный стереотип оценки эффективности и собственно коммуникативного (и даже послекоммуникативного) этапа, который описывается «по аналогии»: в терминах деятельности СМИ, а не в терминах деятельности аудитории или личности. Понятно, однако, что возможны случаи, когда какие-либо сообщения, адекватно реализующие целевые установки издателя, подготовленные на высоком журналистском и техническом уровнях, не воспринимаются теми или иными группами аудитории, или же интерпретируются не адекватно намерениям издателя и коммуникатора. При совмещении этих принципиально различных ситуаций — когда ситуация потребления и восприятия сообщений, описываемая «в системе координат» аудитории, на самом деле описывается по аналогии с ситуацией производства и распространения сообщений «в системе координат» коммуникатора — возникает своего рода «оптический обман», иллюзия: как само собой разумеющееся предполагается влияние СМИ там, где его нет, или имеется влияние, противоположное намерениям издателя и коммуникатора.

Таким образом, возникает проблема определения (теоретического и эмпирического анализа) эффективности той части процесса массовой коммуникации, которая начинается с момента восприятия читателем, слушателем, зрителем конкретного сообщения СМИ. Каким же образом можно определить эффективность этой фазы, какими показателями измерить эффективность влияния СМИ на аудиторию? Направление исследовательского поиска достаточно определенно указал в своем выступлении на июньском (1983) Пленуме ЦК КПСС тов. Ю. А. Андропов. Он подчеркнул, что критерий оценки деятельности идеологических кадров «должен быть один: уровень политического сознания и трудовой активности масс»².

В комплексном исследовании «Эффективность функционирования республиканских средств массовой информации и пропаганды», которое проводят социологи университета, в качестве одного из важнейших критериев оценки эффективности СМИ рассматривается включенность личности (той или иной группы аудитории) в сферу их влияния. Причем включенность не сводится к набору тех или иных элементов потребления массовой информации, но рассматривается как система социальной деятельности личности, особым, специфическим условием функционирования и развития которой является массово-коммуникативная деятельность, а в качестве ее подсистем выступают основные виды социальной деятельности: познавательная, общественно-политическая и материально-практическая. Каждый из этих видов рассматривался нами на уровне высших диспозиций личности (как внутренний аспект деятельности) и результатов их реализации (как внешнее выражение деятельности). Корреляционный анализ, проведенный на основе построения индексов, показал, что между массово-коммуникативной активностью личности (уровнем потребления и производства массовой информации) и ее общей социальной активностью существует тесная положительная взаимосвязь. Это дало возможность построить обобщенный (скалярный) индекс включенности, характеризующий влияние СМИ на сознание и поведение личности (группы аудитории) в целом. Уста-

новлено, в частности, что индекс включенности занятого населения БССР (опрошено 3600 работников народного хозяйства) в сферу влияния республиканских СМИ равен 0,54, т. е. немногим выше средней отметки ранговой шкалы, изменяющейся от 0 (отсутствие данного признака) до 1 (максимальное присутствие данного признака). Показатель этот, на наш взгляд, раскрывает всю ограниченность традиционного определения эффективности СМИ, основывающегося на «охвате» многомиллионных аудиторий, распространенного среди части журналистов, и позволяет противопоставить ему подход, основывающийся на системном анализе включенности личности в сферу влияния СМИ.

Анализ динамики включения личности в сферу влияния СМИ показал, что на определенном этапе этот процесс обнаруживает регрессивный характер: с дальнейшим повышением массово-коммуникативной активности личности наблюдается рассогласование как между компонентами подсистем включенности (диспозициями и результатами их реализации), так и между самими подсистемами (видами социальной деятельности). Иными словами, включенность представляет собой неустойчивую систему: с развитием в ней возрастает действие центробежных сил, становятся более сложными и опосредованными взаимосвязи между ее подсистемами и их компонентами, что в конечном итоге может приводить к ее «разносу». Происходит это тогда, когда поток стандартизированной и деперсонифицированной массовой информации «наталкивается» на возросшую информированность аудитории, на изменившиеся формы удовлетворения социально-информационных потребностей. При этом возникает необходимость в новых формах и методах деятельности СМИ, в новой социально-информационной политике, без которой влияние СМИ на личность (данную группу аудитории) возрастает замедленными темпами, фиксируется на одном уровне или даже снижается, оборачивается антиэффектами, например, «эффектом бумеранга», при котором достигнутые результаты оказываются противоположными целям издателя и коммуникатора.

Те группы аудитории, типы социальных субъектов, которые, продолжая потреблять сообщения СМИ, по сути дела, выходят из сферы их влияния, начинают удовлетворять свои возросшие и более осознанные социально-информационные потребности в иных формах и с помощью иных средств. При этом новый уровень освоения социальной и культурной среды может иметь не только позитивный, желательный для общества характер, но и негативный, нежелательный характер: например, более интенсивное потребление сообщений, распространяемых идеологически враждебными источниками. Таким образом, проблема повышения эффективности контрпропаганды, необходимость решения которой подчеркивалась на июньском (1983) Пленуме ЦК КПСС, оказывается неотделимой от проблемы совершенствования деятельности средств массовой информации и пропаганды.

«...Научные учреждения должны работать более оперативно и гибко. Жизнь не развивается по однажды заданной схеме. Бывают неожиданные повороты событий. Возникают столь же неожиданные вопросы. И надо уметь вовремя сосредоточить на них научные силы»³. В выполнение этой установки июньского (1983) Пленума существенный вклад могут внести оперативные исследования, представляющие собой вид прикладных, осуществляемых с целью получения в короткие сроки надежной и объективной информации о каком-либо социальном процессе, состоянии которого требует усиленного управленческого воздействия. В отличие от других видов социологических исследований оперативные исследования проводятся только в том случае, если проблемная ситуация очевидна, противоречия максимально обострены. Задача этого вида исследования заключается в поиске причин, мешающих нормальному функционированию конкретного социального механизма. Отличительной особенностью оперативных исследований является краткосрочность их проведения. Сокращение сроков научно-исследовательских работ достигается за счет привлечения экспертов — компетентных лиц, хорошо знающих специфику объекта исследования. С помощью экспертов уточняется предмет исследования, выявляются основные причины, породившие данную проблемную ситуацию, строятся гипотезы исследования. Пилотаж инструментария (чаще всего это вопросы, включающие 8—10 открытых или закрытых вопросов) осуществляется на той же экспертной группе. С помощью экспертов разрабатывается идеальная модель изучаемого явления, а в процессе исследования строится его реальная модель.

Оперативное социологическое исследование проблем, связанных с ра-

ботой пассажирского транспорта в Минске, проведенное по заданию городского комитета КПБ, позволило выявить причины недостатков в работе городского транспорта, изучить вопросы организации идейно-воспитательной работы водителей и ремонтных рабочих автопарков, автоколонн, троллейбусных и трамвайных депо. Данные опроса двух тысяч респондентов, анализ документов партийных, профсоюзных, комсомольских организаций, протоколов рабочих собраний, наблюдение за работой диспетчерских служб, проведенные в течение 30 дней, позволили выявить основные негативные моменты в работе транспорта, причины неудовлетворенности организацией труда транспортных рабочих, недостатки воспитательной работы на предприятиях городского пассажирского транспорта.

Методы оперативных социологических исследований могут применяться и при изучении общественного мнения, которое является действенным каналом осуществления обратной связи, каналом, без четкой работы которого невозможно вести идеологическую деятельность. Исследования, проведенные социологами университета, позволили определить эффективность работы идеологического актива ряда трудовых коллективов по пропаганде решений партийных, советских и профсоюзных органов, качество работы идеологического актива Московской районной партийной организации и уровень бытового обслуживания населения Фрунзенского района Минска.

Июньский (1983) Пленум ЦК КПСС поставил перед советскими социологами четкие и ясные задачи, определил конкретные цели. В их решение вносят свой вклад и научные сотрудники Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина.

¹ См.: БССР в цифрах. 1982 год.— Минск, 1983, с. 52, 91.

² Материалы июньского (1983) Пленума ЦК КПСС.— М., 1983, с. 112.

³ Там же, с. 12.

М. И. ИОСЬКО

ИСТОКИ ИНТЕРЕСА К. МАРКСА К БЕЛОРУССИИ

В идейном наследии творцов научного коммунизма исключительно важное место занимают труды, посвященные России. «Маркс и Энгельс, оба знавшие русский язык и читавшие русские книги, — отмечал В. И. Ленин, — живо интересовались Россией, с сочувствием следили за русским революционным движением и поддерживали сношения с русскими революционерами»¹. Естественно, что, всесторонне и глубоко изучая Россию на протяжении почти полувека, они знакомились с историей и достижениями не только русского, но и других народов этой страны. В их поле зрения попала и Белоруссия.

Интересно, что районы, составляющие ныне территорию БССР, не раз привлекали особенно пристальное внимание вождей международного пролетариата. «История и будущая судьба, географическое положение и природные условия, национальный состав и административное деление, язык и религия, условия землепользования и положение крестьянства, реформа 1861 года и восстание 1863 года — все это наряду с другими нашло глубокое отражение в наследии К. Маркса и Ф. Энгельса — в их произведениях, переписке и архиве»². В результате мы имеем не только отдельные, отрывочные высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса о Белоруссии, сами по себе, несомненно, ценные, но и большой обобщенный материал — страницы статистических таблиц, цифровые данные и выводы из них, конкретно-описательные сведения.

Особенно богат «белорусский материал» в экономических рукописях К. Маркса 70-х годов, его выписках из русских источников и заметках, сделанных в ходе изучения России. Примечательно, что, конспектируя русские книги, К. Маркс не только фиксировал содержащиеся в них данные по белорусским губерниям, но даже специально обращал внимание на экономическое положение белорусского крестьянства в других губерниях, например, в Виленской, Ковенской, Черниговской и др.³. В этот период для обозначения территории с преимущественно белорусским населением он чаще употребляет название Белоруссия, чем Северо-Западный край, западные губернии, северо-запад России и другие официальные наименования.

Восстанавливая в сущности подлинное, историко-этнографическое на-

именование нашего края, К. Маркс интересовался социальным, национальным составом и численностью его населения, компактностью расселения белорусов. «**Белорусы:** около 3 млн., — заносит он в свой конспект данные русского «Военно-статистического сборника», — живут в **Могилевской, Минской, Витебской, Гродненской губерниях;** кроме того, частью в губерниях **Виленской, Ковенской, Волынской, Подольской, Черниговской, Смоленской, Орловской** и в весьма небольшом числе — в **Херсонской и Пензенской**»⁴. Ему также известно, что белорусы одна из четырех самых многочисленных славянских национальностей, населяющих Россию, и что они, как и русские, украинцы, происходят из древнерусской народности, которая сложилась в IX—XIII веках.

К. Маркс проявил глубокий интерес к истории Киевского государства, к взаимоотношениям Великого княжества Литовского и Московского государства в XIV—XVI, Речи Посполитой и России в XVII—XVIII веках. Нелегкий путь белорусского народа привлекал внимание К. Маркса исторической и этнической жизнестойкостью, волей к свободе, большим трудолюбием, симпатиями к другим народам, в первую очередь к русским, украинцам, с которыми он связан кровными узами, а также к литовцам и полякам — соучастникам его исторических судеб на протяжении многих лет. Новый период в истории Белоруссии начался после присоединения к России и связан с освободительной борьбой великого русского народа.

Именно в связи с усиливающимся с каждым годом живым политическим интересом к российскому освободительному движению, а также в связи с систематическим изучением аграрных отношений в России, необходимым для завершения работы над вторым и третьим томами «Капитала», К. Маркс обращал внимание на Белоруссию. Уже в его первых, относящихся к концу 50-х — началу 60-х годов, развернутых суждениях о развитии оппозиционного и революционного движения в России заметен пристальный взгляд к Северо-Западному краю, важнейшей составной частью которого являлись белорусские губернии.

К. Маркс и Ф. Энгельс, вскрывая и научно определяя признаки первой революционной ситуации в России, увидели, что здесь, в Белоруссии и Литве, встретились два мощных революционных потока — общероссийское крестьянское движение и польское национально-освободительное, практически решался вопрос о революционно-демократическом союзе и единстве действий прогрессивных сил России и Польши против общего врага — царского самодержавия. В Западном крае, в том числе и в первую очередь на белорусских землях, особенно острые классовые противоречия, явившиеся результатом кризиса крепостничества, переплелись с национальными, религиозными. В созревающей революционной ситуации Северо-Западный край оказался самым взрывоопасным. В статье «Об освобождении крестьян в России» (1858), говоря о том, что в Российской империи уже с 1842 года «восстания крепостных против своих помещиков и управляющих стали эпидемическим явлением», К. Маркс особо выделил западные губернии, где крестьянские восстания «направлялись главным образом против правительства»⁵.

Эти симптомы «войны крепостных крестьян» убеждали К. Маркса, что в России зреет мощная народная революция, которая, с одной стороны, способна покончить с устаревшим социально-экономическим строем и реакционной политической надстройкой — самодержавием, а с другой, стать союзницей пролетарского освободительного движения на Западе. И хорошо зная положение в Северо-Западном крае, он допускал возможность начала здесь аграрной революции.

К. Маркс рассматривал истстрадавшуюся народно-трудовую массу как необходимое условие и двигатель предстоящей революции. В материалах о России, которые после опубликования первого выпуска рукописи «К критике политической экономии» он готовил для дальнейшей работы над «Капиталом», есть ряд замечаний, где особо подчеркивается, что на белорусских землях крестьянину живется хуже, чем в центральных губерниях империи. А накануне реформы 1861 года он занес в свои записи: «...на северо-западных окраинах — полный недостаток хлеба»⁶. Ему хорошо были известны неудавшиеся из-за сопротивления помещиков попытки царского правительства упорядочить в Белоруссии крепостническую регламентацию с целью ослабления классовых противоречий. Введение здесь инвентарных правил, регулирующих взаимоотношения между помещиками и крепостными крестьянами, растянулось на десятилетия и не было завершено до самой реформы. Не приносили желаемого результата и периодически разре-

шаемые правительством переселения из белорусских губерний. Об этом также знал К. Маркс из русских книг, которые в большом количестве изучал.

Его интерес к Белоруссии особенно усилился после реформы 1861 года. В фактах современной ему жизни белорусов, как и других народов, он искал и находил подтверждение своим выводам о том, что усилившийся после крестьянской реформы процесс революционизации России — явление не временное и вовсе не верхушечное, «интеллигентское», а глубинное, уходящее корнями в экономику, национальную жизнь. И Белоруссия убеждала К. Маркса в необратимости коренных перемен во всех областях российской действительности под воздействием «исторической работы» капитализма. На ее примере он видел, как ликвидируется пестрота в экономическом, культурном и социальном развитии различных районов огромной империи, пробуждается и растет народное самосознание, изменяется психология трудового человека. Словом, и Белоруссия убеждала его в неизбежности накопления в недрах российского общества стихийной революционной энергии.

Однако его надежды на развертывание в конце 50-х — начале 60-х годов общедемократической революции в России не оправдались. Царизм упредил взрыв народного возмущения. По словам В. И. Ленина, крестьянская реформа 1861 года «оказалась вовремя открытым клапаном и дала правительству возможность выхода из кризиса»⁷.

Политический интерес К. Маркса к Северо-Западному краю дополнился научным. Начатое ранее автором «Капитала» изучение русских источников с целью вовлечения их в оборот политэкономии переросло в систематическое глубокое исследование всей совокупности социально-экономических отношений и политического положения России. При этом, как и при решении других сложных научных проблем, К. Маркс стремился проследить генезис, выявить закономерности и тенденции реального исторического процесса. Известно, что подготовка и проведение крестьянской реформы в России были начаты с литовско-белорусских губерний. К тому же Белоруссия вместе с Литвой оказалась тем районом, где царизм, напуганный восстанием 1863 года, вынужден был пойти на некоторый пересмотр условий освобождения крестьян от крепостной зависимости. Все это обостряло постоянный интерес К. Маркса к той части России, основным составным элементом которой была Белоруссия. Подтверждений тому много. Это и его работа «Заметки о реформе 1861 г. и пореформенном развитии России» (1881—1882) и, в особенности, конспекты исследований и статистических сборников русских экономистов.

Наибольшую научную ценность для белорусских исследователей, пожалуй, представляют изданные в последние годы десять марксовых конспектов (свыше 40 п. л.) «Трудов податной комиссии». Податная комиссия была создана при министерстве финансов для пересмотра системы податей и других сборов в период непосредственной подготовки реформы 1861 года. Было опубликовано 70 отдельных томов и выпусков ее трудов. В них К. Маркс нашел большой добросовестно собранный статистический и фактический материал о существеннейших сторонах жизни русской деревни 60—70-х годов. В сделанных им выписках, записях, таблицах сосредоточено большое количество данных о положении белорусского крестьянства⁸.

Среди важнейших источников, в которых К. Маркс находил интересные его сведения о территории, национальном составе и природных богатствах, состоянии промышленности, сельского хозяйства, финансов Северо-Западного края, — выпуски «Военно-статистических сборников» под редакцией Н. Н. Обручева. Им были прореферированы также присланные переводчиком всех трех томов «Капитала» на русский язык Н. Ф. Даниельсоном выпуски «Статистики поземельной собственности и населенных мест Европейской России». Больше всего пометок К. Маркса в 5-м выпуске — «Губернии Литовской и Белорусской групп». В феврале 1879 года Н. Ф. Даниельсон отправил К. Марксу письмо с подробными цифровыми выкладками о ходе выкупа крестьянами помещичьей земли в девяти западных губерниях, в том числе Минской, Могилевской, Витебской, Гродненской.

Среди работ известного русского экономиста и статистика Ю. Э. Янсона, высоко ценимого и В. И. Лениным, работ, которые дали К. Марксу много интересного материала о положении крестьянства в России после реформы 1861 года, нужно назвать третий выпуск 1-го тома «Трудов

экспедиции, снаряженной Императорским военным экономическим и Русским географическим обществами для исследования хлебной торговли и производительности в России». Он вышел в 1870 году и был полностью посвящен белорусскому Полесью. Есть немало данных о западных губерниях в книге того же автора «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах» (1877). Это сочинение законспектировано К. Марксом. Между прочим, в этом конспекте он записал такой вывод: «Нет ничего бедственнее положения крестьян в полесской (Пинск) части западных губерний»¹.

«Свод отзывов губернских присутствий по крестьянским делам», «Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России», труды М. М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения», А. И. Кошелева «Наше положение», Ф. П. Еленева (Скалдина) «В захолустье и столице», С. Я. Капустина «Формы землевладения русского народа в зависимости от природы, климата и этнографических особенностей» и другие издания, присланные автору «Капитала» революционерами и учеными России, отражают важные стороны жизни белорусского народа в 60—70-е годы, перемены в деревне, происшедшие в послереформенный период.

Определенное значение для интереса К. Маркса к Белоруссии имели, на наш взгляд, его встречи и беседы с белорусским революционным народником Н. К. Судзиловским, с соратником К. Калиновского Валерием Врублевским, с участницей Парижской коммуны А. В. Корвин-Круковской, с Л. Д. Черновой из Полоцка. В библиотеке К. Маркса было большинство книг о пореформенной России, изданных в Швейцарии членом I Интернационала и секретарем его Русской секции борисовчанином А. Д. Трусковым.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 13.

² Ермолович Н. И. Проникновение в глубины.— Неман, 1983, № 11, с. 146.

³ См.: Архив Маркса и Энгельса, т. XIII.— М., 1955, с. 96.

⁴ Там же, т. XVI, с. 362.

⁵ Там же, т. XII, с. 701.

⁶ Цит. по кн.: Конюшая Р. П. Карл Маркс и революционная Россия.— М., 1975, с. 287.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 177.

⁸ См.: Архив Маркса и Энгельса, т. XIII, XVI.

⁹ Там же, т. XI, с. 143.

Н. А. СМЕРНОВ

КРИТИКА СОЦИАЛЬНЫХ И МОРАЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ ХРИСТИАНСТВА В ТРУДАХ ДИДРО

Мировоззрение Дидро, его критерии оценки социальных и моральных принципов христианства формировались в условиях становления буржуазных отношений во Франции, когда элементы религиозного мировоззрения занимали важное место в структуре надстройки. Французский просветитель искренне верил, что общественный строй, идущий на смену феодализму, приведет в конечном счете к благоденствию. В. И. Ленин так объясняет эти заблуждения: «...в ту пору, когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии. Никакого своекорыстия поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось; напротив, и на Западе и в России они совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его, искренно не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного»¹. Именно с позиций социально-политической доктрины Просвещения, основными принципами которой было обоснование необходимости равенства, свободы, частной собственности, твердого законодательства, народоправства, целесообразных и справедливых форм политического правления, форм и способов общественных преобразований, Дидро подвергал критике социальные и моральные принципы христианской религии. В этой критике выражалось требование равного блага для всех и одновременно обоснование того, что в справедливом общест-

ве не должно быть обездоленных людей и бесполезных социальных институтов.

Основной социальной задачей христианства, по мнению Дидро, была «поддержка и покровительство деспотизму ради своего собственного усиления»². Достигнув своего наивысшего положения, религия начинает соперничать с деспотизмом в порабощении народов. Тираны же, опираясь на религию, внушают идею божественного происхождения гражданской власти.

Другой социальной задачей христианства была поддержка неравенства в обществе, где одни обладают всем, а другие рождены быть угнетенными. Хотя Дидро и не отрицал права частной собственности, признавал «право каждого индивида, входящего в состав свободного общества, владеть благами, законно им приобретенными»³, тем не менее он считал, что борьба за присвоение материальных благ ведет к имущественному неравенству. Вследствие этого, меньшая часть общества живет в роскоши, а другая, более многочисленная — в бедности и нужде.

Еще одним социальным злом, которое оправдывает христианство, Дидро считал существование бесполезных людей, к которым он относил в первую очередь слугителей церкви, духовенство. «Каких колоссальных сумм стоят эти надменные и бесполезные бездельники, — пишет просветитель, — ...сто пятьдесят тысяч человек, получающих от вас и ваших поданных ежедневно почти сто пятьдесят тысяч экю за то, чтобы бормотать чепуху в храмах и оглушать нас своими колоколами». Чтобы заставить их замолчать, Дидро предлагает применять экономические санкции. Он советует держать церковнослужителей на жаловании, «ибо получающий жалование священник — это малодушное существо, боящееся, что его прогонят и погубят таким образом»⁴.

Предлагая меры экономического воздействия на господствующие классы, Дидро исходит из принципа общественного интереса, которому противостоят частные интересы класса имущих, в том числе и церкви. «Общее благо должно быть высшим правилом нашего поведения, и мы никогда не должны искать нашей личной выгоды в ущерб общественной пользе»⁵. Он считает, что основой экономической структуры общества должен быть общий принцип: если человек хочет быть счастливым, то он должен считаться и с другими людьми, которые также хотят счастья, должен находить удовольствие, делая добро другому человеку.

Дидро был одним из тех мыслителей, которые показали реакционную сущность христианской морали. Главным заблуждением христианской морали он считал проповедь морального аскетизма. Исходя из этого принципа, христианство объявляет греховным все, что касается отношений между мужчиной и женщиной. Осуждение христианством естественных, природных склонностей людей является, по убеждению Дидро, попыткой ограничить естественное право человека на внутреннюю свободу. Идея «естественного права» получила у него четко выраженную антиатеологическую направленность. Она противостояла теории «божественного права», провозглашавшей бога творцом тех прав и законов, которые освящали современную Дидро социальную действительность. Нормы «естественного права» являются важным принципом оценки мыслителем существующего строя. Человек рождается свободным. Все люди имеют право пользоваться своей естественной свободой.

Другой вредной заповедью христианской морали, по мнению Дидро, является идеализация страданий. Религия учит терпимо относиться к гонениям и оскорблениям, к страданиям и невзгодам. Терпение в земной жизни ради награды на небесах, утверждает христианство, — величайшее благо для человека. Дидро спрашивает: «К чему может привести система обязанностей, которые поставлены над природными и человеческими обязанностями, основанными на важнейших отношениях существ, одинаково организованных. К чему сводятся естественные законы для человека, который просит прощения у бога за зло, содеянное ближнему; который считает первой своей обязанностью послушание высшему существу; который ставит правила веры выше указаний совести и велений закона; который воображает, что ожидание счастья в будущем требует, чтобы он приносил в жертву реальные блага?»⁶. Религиозная мораль искажает реальные потребности и интересы человека, заставляет его подчинять поведение идеалам и нормам, которые враждебны здравому смыслу. Дидро доказывает, что христианство является ложным ориентиром для людей в их социальной деятельности. Обещание христианством мнимого небесного царства за покорность и терпение в земной жизни по существу антиобщественно и реакционно.

Реакционность христианской морали Дидро видит и в проповеди любви к врагам, в непротивлении злу. «Перелистайте историю всех народов земли, — пишет он, — везде религия превращает ненависть в преступление, а преступление объявляет невинным»¹. Пропаганде насилия мыслитель противопоставляет принципы, которые отвечают естественному праву и здравому смыслу. «Если основывать нравственность на вечных, существующих между людьми отношениях, то религиозный закон становится, может быть, излишним... гражданский закон должен быть лишь выражением законов природы»².

Несостоятельность моральных принципов христианства проявляется прежде всего в том, что они направлены на оправдание несправедливости, на угнетение слабых. «Я вижу только, что право, о котором много говорят, всегда было и будет лишь химерой. Крик слабого и крик, который слабый исторг бы из уст своего соседа, если бы был сильнее его, — вот один из неуязвимых трюизмов философии, пока божеству будет угодно творить свой суд на небесах»³. В основе общественного блага, по мнению Дидро, должна лежать гражданская мораль, а критерий добродетели — общественное благо, не противоречащее справедливым интересам личности.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 520.

² Дидро Д. Собр. соч. в 10 томах. — М. — Л., 1939, т. 7, с. 250.

³ Там же, с. 262.

⁴ Там же, т. 2, с. 87, 88.

⁵ История в энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. — Л., 1978, с. 64.

⁶ Дидро Д. Собр. соч. в 10 томах, т. 10, с. 138.

⁷ Там же.

⁸ Там же, т. 2, с. 74.

⁹ Там же, т. 10, с. 232.

Навуковы камунізм

П. П. ДРОНЬ

ЕДИНСТВО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КПСС НА ЭТАПЕ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

Руководящая роль КПСС в развитии всех сторон нашего общества закреплена в статье шестой Конституции СССР. В ней записано: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную линию развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма». Здесь же сформулирована главная цель партии: «КПСС существует для народа и служит народу». Партия опирается на народ, постоянно укрепляет и углубляет свою связь с ним, строит свою политику так, чтобы, учитывая запросы и потребности всех классов, различных социальных и общественных групп, сплотить общество для решения величественных задач построения коммунизма.

Решающие предпосылки социального прогресса создаются развитием экономики, ибо экономическая сфера была и остается первичной по отношению к сфере социальной. И в то же время для понимания истинной природы взаимосвязи экономической и социальной политики партии учет этого обстоятельства недостаточен. Энгельс писал, что реальное взаимодействие явлений исключает всякое абсолютно первичное и абсолютно вторичное. Это взаимодействие представляет собой «такой двусторонний процесс, который по своей природе может рассматриваться с двух различных точек зрения: чтобы понять его как целое, его даже необходимо исследовать в отдельности, сперва с одной, затем с другой точки зрения, прежде чем можно будет подытожить совокупный результат»¹. Социальная политика оказывает существенное влияние на развитие экономики, и это влияние, безусловно, всегда является предметом специального анализа при выработке партией своей экономической политики.

Единство социальной и экономической политики КПСС — один из коренных принципов ее деятельности. Последовательная реализация этого принципа является важнейшим фактором социального прогресса при социализме. Высшая цель экономической стратегии партии в развитом социалистическом обществе направлена на неуклонный подъем уровня жизни народа, создание наилучших условий для всестороннего гармонического развития личности и коллектива, для полного проявления их сущностных сил в различных формах полезной деятельности. В речи на июньском (1983) Пленуме ЦК КПСС Юрий Владимирович Андропов сказал: «На XXVI съезде мы четко заявили о необходимости обеспечить тесную связь экономической и социальной политики. Это и понятно: ведь конечной целью наших усилий в хозяйственной сфере является улучшение условий жизни людей»².

Опираясь на теорию и практику развитого социализма, КПСС определила реалистический курс действий как на ближайшие годы, так и на более далекую перспективу. «На основе глубокого марксистско-ленинского анализа партия разработала экономическую стратегию, отвечающую по-

требностям развитого социализма, высшей целью которой является неуклонный подъем материального и культурного уровня жизни народа. Она выдвинула положение о необходимости соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства, раскрыла пути создания материально-технической базы коммунизма, перехода к интенсивным методам хозяйствования, повышения эффективности производства и качества работы»³. В приведенных положениях сформулировано ядро долгосрочной концепции, лежащей в основе экономической стратегии партии на этапе развитого социализма.

«Конкретная забота о конкретном человеке, его нуждах и потребностях — начало и конечный пункт экономической политики партии»⁴. Ее суть на современном этапе выражена в главной задаче одиннадцатой пятилетки и состоит в обеспечении дальнейшего благосостояния советских людей на основе устойчивого, поступательного развития народного хозяйства, ускорения научно-технического прогресса и перевода экономики на интенсивный путь развития, более рационального использования производственного потенциала страны, всемерной экономии ресурсов и улучшения качества работы.

Под руководством партии советский народ достиг огромных успехов в экономическом и социальном развитии. В стране сложился единый союзный народнохозяйственный комплекс. Значительно поднялся уровень материального благосостояния, культуры советских людей. Произошли качественные изменения в социальной структуре общества.

Опыт свидетельствует, что социализм обеспечивает неуклонный подъем экономики, устойчивые темпы роста народного хозяйства. Именно постоянный рост экономики позволил осуществить за годы Советской власти грандиозные социальные преобразования. При этом самая широкая за всю историю нашей Советской страны программа подъема уровня жизни народа была претворена в жизнь за годы девятой и десятой пятилеток. В 70-е годы на эти цели было выделено вдвое больше средств, чем за предшествующие десятилетия.

Большое значение партия придает государственным планам как законам, без строгого соблюдения которых невозможно обеспечить слаженную работу во всем народном хозяйстве, повышение эффективности производства, решение социальных проблем, и в первую очередь проблемы дальнейшего народного благосостояния. Выдвинута задача — обеспечить коренное улучшение планирования в условиях развитого социализма, обратив особое внимание на устранение таких явлений, как неоправданное распыление ресурсов, несбалансированность планов, разрыв между товарной массой и доходами населения. На июньском Пленуме ЦК КПСС указывалось, что надо «научиться, вырабатывая наши хозяйственные планы, всесторонне учитывать и отражать в них важнейшие факторы развития общества — социальные, национальные, демографические. Это должна быть единая политика партии, единая стратегия общественного развития»⁵.

Одно из основных направлений социальной политики партии — улучшение организации труда, дальнейшее совершенствование системы его оплаты и стимулирования. Повышение эффективности труда, укрепление трудовой дисциплины неразрывно связано с реализацией крупномасштабных социальных программ. В первую очередь к ним следует отнести совершенствование организации заработной платы, направленное на достижение равенства в оплате труда для работников одинаковой квалификации и занятых на работах с примерно одинаковыми условиями труда. Важное значение имеет организация и качество работы отраслей, обслуживающих население. Сейчас повсеместно принимаются меры к упорядочению режима работы поликлиник, магазинов, аптек, нотариальных контор и др. Вводятся в действие научно обоснованные схемы размещения предприятий службы быта.

Общество развитого социализма вступило в такой этап, когда назрели глубокие качественные изменения в производительных силах и соответствующее этому совершенствование производственных отношений. «В тесной взаимосвязи с этим, — подчеркивается в постановлении июньского (1983) Пленума ЦК КПСС, — должны происходить и изменения в сознании людей, во всей надстройке общества. Усилия партии и народа концентрируются на задачах планомерного и всестороннего совершенствования развитого социализма, реализация которых прямо зависит от уровня сознательности и активности трудящихся. Идеологическая работа все больше выдвигается на первый план, возрастает ее роль и значение»⁶.

Исторический опыт, весь сегодняшний ход развития человечества неопровержимо свидетельствует о том, что будущее за социализмом и коммунизмом. В этом и заключается животворный источник оптимизма советских людей, их трудовой, социальной активности, направленной на решение величественных задач коммунистического созидания.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 483.

² Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 года.— М., 1983, с. 13.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.— М., 1973, т. 13, с. 535.

⁴ Материалы XXVI съезда КПСС.— М., 1981, с. 49.

⁵ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983, с. 13.

⁶ Там же, с. 67.

А. Д. КИШКЕВИЧ

ТВОРЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ

Марксизм-ленинизм исходит из того, что люди, чтобы жить, должны прежде всего удовлетворять свои самые необходимые потребности. Это достигается в процессе человеческой деятельности, в первую очередь материальной, трудовой. «История есть не что иное, как деятельность преследующего свои интересы человека»¹. Человек, являясь существом социальным, взаимодействует как с природой, так и с обществом, удовлетворяя и материальные, и духовные потребности.

Прежде чем рассматривать понятие «творческая активность», необходимо уточнить содержание таких понятий, как «активность», «деятельность», «творчество», поскольку «категории надо вывести (а не произвольно или механически взять)»². Несмотря на то, что проблема активности как в общеполитическом, так и в социологическом плане в последнее время привлекает все большее внимание исследователей, имеющиеся в литературе суждения не выражают единого мнения.

Сторонники одного из них (Я. Ф. Аскин, А. И. Илиади, Н. Н. Белякович, В. Г. Мордкович, В. И. Овчинникова и др.) рассматривают активность как имманентное свойство материи на всех уровнях ее развития. Представители другого (Н. Т. Абрамова, В. А. Смирнов, И. И. Стародубцев, А. А. Хамидов и др.) считают, что активность как атрибутивное свойство материи присуща только живой природе. Например, В. А. Смирнов полагает, что «активность имеет место лишь там, где налицо отражательно-информационные процессы», наличие которых связано «с возникновением движения как деятельности, присущей миру организмов, включая социальные организмы»³.

Мы придерживаемся того мнения, что активность является атрибутивным свойством материи на всех уровнях ее организации. Именно это свойство, внутренне присущее материи, наиболее глубоко характеризует ее как причину самой себя. Деление ядер атомов (движение элементарных частиц) протекает вследствие внутренне присущей этим частицам активности. Иными словами, активность выступает первопричиной не только существования, но и развития материального мира. На биологическом уровне активность материальных объектов проявляется в их взаимодействии с окружающей средой, что приводит к изменению как объектов, так и среды.

Деятельность как специфически социальная форма проявления активности предполагает наличие субъектно-объектных отношений. Любая деятельность включает в себя цель, средство, процесс и результат, т. е. она осознана. В то же время деятельность как проявление активности характеризует лишь внешнюю сторону общества. Если основой деятельности выступает цель, то основание цели лежит вне деятельности, в области человеческих идеалов и ценностей, и выступает как активность особым образом организованной материи — мозга. Другими словами, деятельность выступает как внешнее проявление внутренне присущего человеку свойства активности. Это свойство не всегда проявляется в деятельности. Оно реализуется в зависимости от интересов и потребностей как отдельного человека или социальной группы, так и общества в целом. Иногда активность того или иного субъекта выражается в отказе от деятельности.

Какова же связь активности и деятельности с творчеством? «Творчест-

во — деятельность, порождающая нечто качественно новое и отличающееся неповторимостью, оригинальностью и общественно-исторической уникальностью»¹. Как видно из этого определения, творчество выражается в деятельности по качественному преобразованию окружающей среды и самого человека. Можно утверждать, что творчество возникло одновременно с выделением человека из окружающей его природы. Оно явилось результатом активности, внутренне присущей человеку уже не только как существу биологическому, но в большей степени как социальному. В связи с тем, что творчество определяется через деятельность, необходимо как-то разграничить эти понятия. Видимо, на раннем этапе становления общества творчество и деятельность выступали как единое целое. Впоследствии, с накоплением знаний и опыта, творчество приобретает более высокий качественный уровень по сравнению с деятельностью по поддержанию функционирования общества. Однако нельзя категорически утверждать, что деятельность в этом смысле лишена элементов творчества, как воспроизведение уже существующего в обществе. В связи с этим в порядке постановки вопроса можно выделить два уровня творчества: относительный и абсолютный. Относительный уровень характеризуется освоением социальными группами того, что уже создано на уровне общества в целом. Абсолютный уровень выражается в созидании нового, еще несуществующего в обществе. Последний является ведущим в развитии общества и, охватывая все сферы его жизни, определяет научно-технический и духовный прогресс. Конечно, такое деление носит условный характер, так как на практике оба уровня тесно взаимосвязаны.

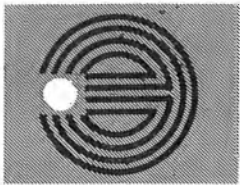
Итак, творчество определяется наличием у человека внутренне присущего ему свойства активности. Это же свойство обуславливает и деятельность, проявляющуюся в любых условиях, в виде поступков и действий. Творческая активность может возникнуть только при благоприятных обстоятельствах: наличие подготовленного субъекта и соответствующих объективных факторов. Представляется, что творческая активность — это социально обусловленная, осознанная, целенаправленная деятельность по качественному преобразованию природы и общества. Творческая активность детерминирована интересами личности, осознаваемыми как потребности и цели, пронизывая все стороны деятельности человека и поднимая ее на качественно новый уровень. Исследование проблемы возрастания творческой активности имеет важное значение для определения направлений совершенствования развитого социализма и путей перехода к коммунистической формации.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 102.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 86.

³ Смирнов В. А. Социальная активность советских рабочих. — М., 1979, с. 20—21.

⁴ Советский Энциклопедический Словарь. — М., 1979, с. 1322.

Г. И. ОЛЕХНОВИЧ

К ТЕОРИИ ВОПРОСА О КВАЛИФИКАЦИИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Современное промышленное производство, отличаясь высоким динамизмом, во много раз усиливает прямую зависимость эффективности производства от качества применяемого живого труда. Рабочий должен обладать способностью не только понимать технологические процессы и принимать самостоятельные решения, но также иметь полное представление о результатах принятых им решений. Следовательно, происходят качественные изменения в самом содержании рабочей силы, которые позволяют сегодня проследить непосредственное ее воздействие на экономичность, целесообразность, результативность функционирования техники, технологии и общественного воспроизводства в целом. Внешней формой, отражающей эти качественные изменения в содержании рабочей силы, выступает, в частности, квалификация. В социалистическом обществе происходит планирование квалифицированной рабочей силы в соответствии с общественными потребностями, т. е. процесс, который в условиях развитого социализма переживает новый этап. Этот этап характеризуется прежде всего научным прогнозированием кадровой политики, непрерывным совершенствованием систем подготовки кадров и оплаты труда, преобладанием в производстве комплексных профессий и др. Поэтому темпы роста количества квалифицированных рабочих стабильно опережают темпы роста общей численности рабочего класса. Сама эта тенденция (опережающий темп роста квалифицированных рабочих по отношению к темпам роста их численности) весьма устойчива. Несомненно, доля квалифицированных рабочих во всех сферах народного хозяйства (не говоря уже о промышленности) будет повышаться и впредь. Отсюда понятно, какую большую практическую значимость в условиях научно-технического прогресса приобретает теоретический анализ проблемы квалификации в целом и ее экономической сущности в частности.

Чем определяется квалификация рабочего или, точнее, какой смысл вкладывается в определение «квалифицированный рабочий»? Вопрос этот имеет принципиальное значение, поскольку в экономической литературе общепринятого определения квалификации пока нет, как нет впрочем и общепринятого определения ее компонентов. Одни авторы определяют квалификацию рабочих, исходя только из тарифного разряда, хотя последний отражает лишь уровень квалификации конкретного лица. Другие определяют квалификацию как способность к труду определенной степени сложности, упуская, однако, что сложность, как известно, основная, но не единственная качественная характеристика труда. Третьи рассматривают квалификацию с точки зрения степени освоения тем или иным лицом профессии (специальности). Но все эти трактовки не дают исчерпывающего определения данной категории. Сегодня определение квалификации требует своей дальнейшей научной конкретизации и в первую очередь выделения ее основных компонентов. Такое выделение совершенно необходимо, оно всегда применялось К. Марксом для исследования важнейших экономических отношений. Так, изучая, например, капиталистическую прибыль, К. Маркс писал: «Норма прибыли является функцией многих переменных и, если мы желаем узнать, как влияют эти переменные на норму

прибыли, мы должны по порядку исследовать обособленное влияние каждой из них, независимо от того, допустимо ли экономически такое изолированное влияние по отношению к одному и тому же капиталу или нет»¹.

Это общее методологическое положение марксизма, на которое надо опираться при исследовании всех форм экономических отношений в обществе. Руководствуясь им, мы и квалификацию рассматриваем как состоящую из ряда компонентов, каждый из которых может стать объектом самостоятельного исследования.

Прежде всего сущность квалификации не может быть проанализирована без трудовой функции, как невозможен анализ формы в отрыве от ее содержания. Искусство рабочего, писал К. Маркс, развивается самой функцией, выполняемой им в производственном процессе², причем производительная сила, сложность, интенсивность и прочие параметры живого труда непрерывно меняются. Следовательно, сложность труда как явление противостоит работнику, существует вне и независимо от него как объективная действительность. И в то же время сложность труда неотделима от работника, поскольку ее реальное бытие проявляется именно через производственную деятельность работника, его трудовые функции и материализуется в создаваемом им продукте. Определенная сложность труда всегда требует определенной степени квалификации работника. Но полного совпадения здесь не происходит. Квалификация и сложность труда лежат в сопредельных, но разных плоскостях. Они неразрывно связаны, взаимозависимы, принадлежат единому процессу труда, но характеризуют разные его стороны, а потому прямо и адекватно друг друга не выражают. Естественно, что чем выше степень сложности труда по сравнению с общественно нормальным уровнем, тем выше требования к уровню квалификации работника. Но проследить конкретно динамику этого процесса очень трудно из-за отсутствия точных критериев его. Можно говорить лишь о его тенденции, характере, направлении. Тем не менее, поскольку рабочая сила проявляется прежде всего в трудовых функциях, следовательно, именно трудовые функции (и вытекающая из них система определенных трудовых навыков) есть один из обязательных компонентов, составляющих сущность квалификации.

Другим таким компонентом выступает, на наш взгляд, наличие у рабочего определенного уровня общеобразовательных, технико-экономических и теоретических знаний, которые постоянно пополняются. Вспомним, что количественная и качественная определенность, отличительные свойства рабочей силы человека, формируются на протяжении всей его сознательной и дееспособной жизни. Значит, квалификация органически увязана с обучением, и связь эта представляет атрибут той рабочей силы, которая уже получила соответствующий уровень образования и достигла известной степени развития своих способностей. Но человек выполняет свою трудовую, производственную функцию не в одиночку, а сообща. Более того, современное комплексно-автоматизированное производство требует уже настолько тесного общения между всеми производственными функционерами, что сегодня производственная бригада отвечает, как правило, за весь комплекс работ, т. е. здесь уже практически не различают «своей» и «чужой» работы. Происходит, по сути, своеобразное «кооперирование» различных квалификаций в процессе освоения новой техники и технологии, современной организации труда и производства. Таким образом, процесс приобретения и совершенствования квалификации носит ярко выраженный общественный характер, а сама квалификация выступает как общественно установленная мера качества рабочей силы. Поэтому каждый индивидуум имеет лишь относительную свободу и самостоятельность в приобретении желаемой квалификации, ибо потребности общественного производства в той или иной квалификации зависят от его материальных условий. Поэтому в каждый период народнохозяйственного развития общество формирует не только определенные условия, необходимые для качественного развития рабочей силы, но и сам уровень этого развития. Таким образом, как трудовые функции рабочего, так и качество, и уровень его общеобразовательных, технико-экономических и теоретических знаний корректируются, с одной стороны, потребностями самого общественного производства, а с другой стороны — характером господствующих производственных отношений.

В реальной экономической жизни оба эти компонента, определяющие содержание категории «квалификация», не только тесно переплетены между собой, субординируются, но также взаимосвязаны с рядом объектив-

ных и субъективных условий, порождающих разнообразие квалификаций. Мы имеем в виду, во-первых, конкретное состояние и уровень развития производства (условие объективное), определяющие сложность трудовых функций рабочего; во-вторых, личные способности рабочего, определяющие его профессиональную пригодность к труду той или иной степени сложности (условие субъективное). И хотя сами эти условия весьма различны по своему качественному содержанию, как различны между собой понятия объективного и субъективного, все же они, на наш взгляд, соизмеримы. Роль таких соизмерителей выполняют два показателя — уровень и степень квалификации. Первый из них связан с условиями объективного характера и фиксируется определенной совокупностью трудовых функций (или самой профессией). Второй — с условиями субъективного характера и фиксируется, как правило, тарифным разрядом.

Воздействие как уровня, так и степени квалификации рабочих на рост производительности труда и эффективность самого производства в условиях научно-технического прогресса признается и теорией³, и практикой. Тем не менее возможность количественно измерить это воздействие, а также выявить реальные потребности, пропорции и, наконец, перспективы развития квалификации в точном соответствии с требованиями научно-технического прогресса — такая возможность, образно выражаясь, пока «повисает» в воздухе. Почему? Да потому что при анализе экономической деятельности коллективов, а также эффективности производства, такие показатели, как уровень и степень квалификации, во внимание, как правило, не принимаются, а в балансах по труду реальные потребности производства в рабочих различной квалификации вообще не учитываются. В определенной степени здесь сказывается инертность мышления наших плановых организаций, а также несовершенство методов количественного учета того, как именно квалификация работников и слагающие ее компоненты влияют на результаты труда.

В теоретическом анализе квалификации как категории, очевидно, надо исходить из признания, во-первых, общего диапазона сложности трудовых функций, причем сложность труда должна измеряться средним временем, затраченным на подготовку рабочего данной профессии. Чем больше требуется общественно необходимого времени для овладения данной профессией, тем она сложнее и, наоборот, — чем шире диапазон сложности работ, тем больше времени требуется для овладения данной профессией. Такой подход более оправдан потому, что он отражает реальные социальные различия на производстве, без которых сегодня нельзя исследовать ни один общественный процесс или явление. Во-вторых, в самом определении квалификации, необходимо учитывать также степень освоения рабочим специальности, а значит и его пригодность к труду определенной профессиональной сложности.

Но подобное толкование квалификации выдвигает ответно необходимость в поиске таких критериев квалифицированных рабочих, которые наиболее полно и объективно (чем бытующие сегодня на практике) отражали бы ее сущность. К числу таких критериев, на наш взгляд, помимо тарифного разряда, необходимо отнести и сам диапазон трудовых функций рабочего, и то общественно необходимое время, которое затрачивается на его профессиональную выучку.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 1, с. 330.

² Там же, с. 67.

³ См.: Рабочая сила и ее особенности в период развитого социалистического общества. — М., 1978; Ковригин М. А. Подготовка рабочих кадров в условиях научно-технической революции. — М., 1981; Пилипенко Н. Н. Формирование квалифицированных рабочих кадров. — М., 1982; Замфир К. Удовлетворенность трудом: Мнение социолога. — М., 1983 и др.

Т. В. РЕВИЦКАЯ

ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРОДУКТА ТРУДА ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

Проблема экономической формы социалистического продукта относится к числу наиболее сложных и дискуссионных проблем политэкономии социализма. Ее исследование имеет не только теоретический, но и практический интерес: от правильного определения содержания и формы про-

дукта труда при социализме в значительной степени зависит решение вопросов, связанных с оценкой и совершенствованием существующих, поиском новых методов хозяйствования.

Ленин писал, что «условие познания всех процессов мира в их **«самодвижении»**, в их спонтаннейшем развитии, в их живой жизни, есть познание их как единства противоположностей»¹. Указанное положение является важнейшей методологической основой исследования всех экономических явлений и процессов. Однако, как показывает анализ работ, посвященных проблеме продукта при социализме, общественная форма последнего большинством авторов рассматривается не как объективно существующая противоречивая определенность. Противоречия продукта, как правило, сводятся к негативным явлениям хозяйственной жизни².

При исследовании общественной формы социалистического продукта прежде всего следует руководствоваться положениями классиков марксизма-ленинизма о необходимости разграничения натурально-вещественной и социально-экономической формы труда и его продукта. Исходя из факта исторической и генетической первичности труда по отношению к продукту, по нашему мнению, вполне логичным следует считать предположение о том, что общественная форма продукта при любом способе производства определяется общественной формой труда и производства. Наиболее последовательна, на наш взгляд, концепция, согласно которой труд при социализме в основном является непосредственно-общественным, но еще не вполне развитым, поскольку процесс обобществления на первой стадии коммунистической формации не завершен. В связи с этим при социализме «...оказываются в наличии в той или иной специфически исторической форме элементы той же самой основы, на которой базируется классическое товарное производство»³, а значит, сохраняются элементы содержательного товарного производства. Причина их сохранения — существование относительной экономической обособленности первичных производственных звеньев.

Что же касается положений о диаметральной противоположности непосредственно-общественного и товарного производства, то они относятся к характеристике вполне сформировавшихся систем общественного производства, коренных черт той или иной формации. Когда же речь идет об отдельном производственном отношении и товарно-денежные отношения рассматриваются как подсистема, т. е. система несамостоятельная, частная, относительно низшего порядка, тогда одновременное сосуществование взаимоисключающих друг друга моментов не только возможно, но и необходимо, поскольку «сосуществование двух взаимно-противоречащих сторон, их борьба и их слияние в новую категорию составляют сущность диалектического движения»⁴. Двойственность, противоречивость общественной формы труда и производства в условиях нижней фазы коммунизма накладывает соответствующий отпечаток на содержание и форму продукта.

Содержание продукта при социализме «...дано как различие **двух качеств**, из которых одно снимает другое, но которые, как удерживаемые в одном единстве и составляющие его, неотделимы друг от друга»⁵, это противоречивое диалектическое единство непосредственно- и опосредованно-общественных отношений. Определяющим структурообразующим элементом социально-экономического содержания продукта при социализме является непосредственно-общественный продукт, элементы же товарной природы продукта преодолеваются, снимаются в процессе развития непосредственно-общественного характера труда, достижения им наивысшей степени зрелости.

С точки зрения сущности товарная форма продукта не адекватна его природе и является по сути дела внешней, превращенной формой. Однако с точки зрения содержания подобные рассуждения не верны, поскольку товарной форме соответствуют вполне реальные элементы классического товарного содержания, обусловленные различиями в уровне индивидуальных затрат труда относительно экономически обособленных хозяйственных единиц и общественно необходимых затрат. По этой причине товарная форма продукта является содержательной и в определенной степени внутренней формой.

Таким образом, продукт труда при социализме нельзя определить как вполне зрелый непосредственно-общественный продукт, поскольку, во-первых, его содержание включает элементы непосредственно-общественной

определенности, во-вторых, эти элементы проявляются не только в адекватной им форме.

В силу двойственности содержания и формы продукта труда при социализме возникает целый ряд противоречий: между элементами содержания (товарной и непосредственно-общественной определенностью продукта; в рамках непосредственно-общественного продукта как структурообразующего элемента содержания (противоречие между непосредственно-общественной потребительной стоимостью как системой плановых нормативов и стандартов и конкретной общественной потребительной стоимостью как средством удовлетворения производственных либо личных потребностей); в рамках товара как подчиненного, но реального элемента содержания (противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью); между элементами непосредственно-общественной определенности продукта и товарной формой их проявления; между элементами товарной определенности и непосредственно-общественной формой их проявления. Разумеется, в реальной экономической жизни указанные моменты тесно переплетаются, взаимно проникают, борются друг с другом. Как справедливо отмечает Е. И. Лавров, «в чистом виде в общественном социалистическом производстве так же трудно найти «товар», как и «нетовар», то есть непосредственно-общественный продукт»⁶.

В условиях социализма противоречия продукта на поверхности явлений проявляются как противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью. Со стороны стоимости продукты качественно одинаковы, различаются лишь количественно, делимы на составные части, соизмеримы, сопоставимы. Со стороны потребительной стоимости продукты «неодинаковы и соответствуют различным системам потребностей»⁷, неделимы и несоизмеримы. Как стоимость — продукт труда всеобщ, как потребительная стоимость — он нечто особенное. Если в товаре роль действительной крайности принадлежит стоимости, то для социалистического продукта значение истинной действительности приобретает потребительная стоимость. Именно она становится определяющим моментом характеристики сущности и развития общественной формы продукта при социализме. «Переворачивание» противоположных сторон, ведущая роль потребительной стоимости обусловлена непосредственно-общественным характером труда и производства и свидетельствует о становлении нового по сравнению с товаром качества — непосредственно-общественного продукта. Сохранение стоимости не противоречит данному положению, поскольку налицо реальный факт смены доминирующей стороны сущностного противоречия.

Изменение природы потребительной стоимости и стоимости как свойств продукта труда при социализме отмечают многие авторы. Тем не менее во многих работах, в том числе и в учебной литературе, свойства продукта по-прежнему определяются как свойства товара. Подобные определения факторов социалистического продукта являются и логически, и методологически неверными. В самом деле, если свойства продукта — потребительная стоимость и стоимость, следовательно, он товар. Но если это так, то общественная форма производства в условиях первой фазы коммунистической формации не является непосредственно-общественной даже в первом приближении.

Некоторые авторы, подчеркивая особенности продукта и его свойств в условиях социализма по сравнению с товаром, используют новые термины. Например, Н. Г. Наровлянский пишет о плановом продукте⁸, В. А. Бадер — о социалистическом продукте, эффективной потребительной стоимости и эффективной стоимости⁹. Наиболее удачно, на наш взгляд, специфику свойств продукта при социализме отражают понятия «непосредственно-общественная потребительная стоимость» и «стоимость с новым социальным содержанием». Что же касается определения общественной формы продукта, то для ее характеристики наиболее приемлем термин «социалистический непосредственно-общественный продукт». В нем находят отражение как сущностные, общекommунистические моменты, так и элементы противоречивого, двойственного содержания и формы продукта на первой фазе коммунистической формации.

Противоречие между непосредственно-общественной потребительной стоимостью и стоимостью в реальной экономической жизни проявляется как противоречие между интересами потребителей и производителей, олицетворяющих стороны социалистического продукта: производитель создает продукт как определенную потребительную стоимость, но она его интересует прежде всего как носитель стоимости, что же касается потреби-

ля продукции, то его интересуют в первую очередь ее потребительские качества. Поскольку потребитель представляет общенародные интересы, а производитель — коллективные, постольку противоречие между свойствами продукта выступает как противоречие между коллективными и общенародными интересами. С одной стороны, предприятие, будучи ячейкой, организационной частью единого общественного производства, производит потребительные стоимости строго в соответствии с заданиями общества. С другой стороны, социалистическое предприятие, будучи относительно экономически обособлено, выступает как товаропроизводитель. И хотя этот момент не является конституирующим признаком в определении положения предприятия в системе общественного производства, тем не менее порождает определенное безразличие к общественным потребностям в данном виде продукта.

Противоречия социалистического непосредственно-общественного продукта могут носить как «скрытый», так и «острый» характер. В первом случае процессы производства и реализации продукции осуществляются своевременно, ритмично, качество изделий соответствует предъявляемым со стороны потребителей требованиям. Во втором случае наблюдается нарушение указанных процессов: продукция не реализуется и затраты труда на ее производство, следовательно, не признаются общественно необходимыми; продукция реализуется, однако возникают следующие негативные моменты: выполнение плана по стоимости сопровождается его невыполнением по натурально-вещественному составу, выпуском устаревших изделий; увеличение прибыли и повышение рентабельности происходит за счет факторов, удорожающих изделия и при этом зачастую отрицательно влияющих на их потребительские свойства за счет нарушения плана производства по номенклатуре, ассортименту и др. В результате накапливаются сверхнормативные запасы одних и возникает дефицит других видов продукции, нарушается пропорциональность развития экономики, понижается эффективность общественного производства.

Противоречие между непосредственно-общественной потребительной стоимостью и стоимостью не тождественно отрицательным моментам, связанным с его проявлением. Оно объективно и существует независимо от того, в какой форме проявляется, его стороны нельзя рассматривать как плохие либо хорошие, «противоречие не следует считать просто какой-то ненормальностью, встречающейся лишь кое-где: оно есть... принцип всякого самодвижения, состоящего не более как в изображении противоречия»¹⁰. «Острый» характер проявления противоречий в условиях социализма свидетельствует о том, что действующие методы хозяйствования устарели и не соответствуют конкретным условиям развития.

Разрешение противоречий продукта труда в условиях развитого социализма должно происходить не на основе более широкого использования товарно-денежных отношений, а на основе развития непосредственно-общественных сторон производства, обеспечения преимущества общественных интересов по сравнению с коллективными, преодоления обособленности предприятий, ориентации производства на удовлетворение потребностей конечного потребителя. Поскольку не стоимость, а потребительная стоимость является средством осуществления цели социалистического производства, постольку стоимостные показатели объективно не могут и не должны быть базой планирования и экономического стимулирования деятельности предприятий. Определяющим планово-оценочным показателем, характеризующим результат производства на уровне первичного звена, должны стать объем и качество конкретных видов изделий.

Мы считаем, что практическое решение данного вопроса заключается в развитии прямых длительных хозяйственных связей между предприятиями-потребителями и предприятиями-поставщиками на основе договоров о поставках конкретного объема изделий определенной номенклатуры и ассортимента.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 317.

² См.: Метод политической экономии социализма.— М., 1980, с. 100.

³ Тронеv К. П. Об историческом месте товарного производства при социализме.— Вестн. Московского ун-та. Экономика, 1975, № 3, с. 42.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 136.

⁵ Гегель Г. Наука логики. В 3-х томах.— М., 1970, т. 1, с. 472.

⁶ Лавров Е. И. Метод и логика «Капитала» К. Маркса и некоторые вопросы политической экономии социализма.— Омск, 1975, с. 88.

⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 83.

⁸ См.: Наровлянский Н. Г. Плановый продукт как выражение общественных потребностей.— Экономические науки, 1977, № 12.

⁹ См.: Бадер В. А. Социалистический продукт.— М., 1967.

¹⁰ Гегель Г. Указ. соч., с. 66.

А. В. ДАНИЛЬЧЕНКО

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОНЯТИЙ «МАТЕРИАЛЬНО-ВЕЩЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО» И «ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ИНФРАСТРУКТУРА»

К. Маркс наиболее существенным признаком всякого производства считал «обмен веществ между человеком и природой»¹. Причем в качестве исходного момента этого обмена выступает вещество природы, на которое направлен труд. Конечным итогом вновь выступает вещество природы, только уже «приспособленное к человеческим потребностям посредством изменения формы. Труд соединился с предметом труда. Труд овеществлен в предмете, а предмет обработан» (с. 191—192). Следовательно, другим важным признаком производства К. Маркс считал овеществление труда в продукте, вещьность продукта труда, который может постоянно воспроизводиться, а также накапливаться, складироваться и т. п. В целом процесс производства предполагает такую целесообразную деятельность, которая «опосредует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой» (с. 188) с целью создания продукта труда в вещной или неведущей форме, но содержащего в себе как обязательное условие частицу, элемент природы и призванного удовлетворять ту или иную общественную потребность. Например, процесс труда в сельском хозяйстве направляет, регулирует естественный процесс образования вещественной формы продукта, в добывающей промышленности—вырывает вещество, предмет природы «из их непосредственной связи с землей» (с. 189) в основном в их природной форме, а в обрабатывающей—перерабатывает исходный материал и создает собственно новую форму продукта.

Три названные сферы человеческой деятельности образуют материально-вещественное производство. В состав материально-вещественного производства необходимо также включать такие «невещные» (но материальные) блага, как энергия, давление, тепло... которые принимают специфические формы проявления продукта труда. С учетом указанных признаков и особенностей труда в формировании новых продуктов в сферу материально-вещественного производства входят следующие отрасли: промышленность (включая энергетику), строительство, сельское и лесное хозяйство.

Общественное разделение труда закрепляет за материально-вещественным производством главную функцию—создание потребительных стоимостей, новых материально-вещественных продуктов, являющихся «вечным естественным условием человеческой жизни» (с. 195). Материально-вещественное производство представляет собой лишь определенную часть сферы материального производства, другой ее частью будет производственная инфраструктура, которую образуют транспорт, связь, материально-техническое снабжение, заготовки и оптовая торговля. Для разграничения этих понятий необходимо выяснить основные черты и особенности производственной инфраструктуры и материально-вещественного производства, показать, в чем состоят их единство и различия. Для этого рассмотрим в наиболее абстрактном виде простые моменты процесса труда в инфраструктуре и производстве.

В производстве основным предметом труда выступает вещество природы, или, другими словами, материальной субстанцией предмета труда является природа. В инфраструктуре предмет выступает обязательно в форме продукта труда. Здесь не природное начало является главным, а общественное, где природное—это уже в определенной мере преобразованное, измененное, приспособленное к потребностям человека. Если главным признаком содержания понятия «производство» является, с одной стороны, отношение между природой и человеком, с другой—отношения между людьми по поводу производства, то для инфраструктуры отношение между человеком и природой опосредованно производством, так как предмет труда инфраструктуры—это потребительная стоимость, продукт труда, созданный в процессе производства, следовательно, отношение «чело-

век — природа» выступает в измененной форме, как отношение человека к потребительной стоимости, к овеществленному труду. Это, во-первых. Во-вторых, в инфраструктуре складываются отношения между людьми собственно не по поводу производства материально-вещественного продукта, а, как правило, по поводу его распределения, обмена и потребления.

Таким образом, в инфраструктуре предметом труда является созданная в процессе производства потребительная стоимость, «новый» продукт, вырванный производством из его натуральной связи с природой. Средства труда в производстве используются, главным образом, для воздействия человека на вещество природы с целью создания потребительной стоимости продукта труда. Средства труда в инфраструктуре предназначены не для производства потребительных стоимостей, а либо для их сохранения и восстановления, либо для их перемещения и являются необходимыми «вообще для того, чтобы процесс мог совершаться» (с. 191). Инфраструктурные средства непосредственно не принимают участия в процессе производства новых потребительных стоимостей, но, как отмечал К. Маркс, «без них он или совсем невозможен, или может происходить лишь в несовершенном виде» (с. 191).

Труд в процессе производства «потребляет свои вещественные элементы, свой предмет и свои средства, пожирает их» (с. 194) целесообразно как элементы для создания новых продуктов. В процессе труда в инфраструктуре ни предметы, ни средства труда не выступают как элементы образования новых потребительных стоимостей. Ведь предмет труда инфраструктуры не принимает формы сырья или полуфабриката собственного процесса труда, или, другими словами, инфраструктура не имеет своего собственного сырья. С другой стороны, в некоторых случаях предмет труда инфраструктуры не принадлежит ей самой (например, грузы, которые перевозит транспорт, информация, которую передает связь и т. д.), т. е. предмет ее труда иногда может находиться в собственности основного производителя.

Производство имеет своим результатом материально-вещественный продукт, инфраструктура в наиболее общем виде — полезный эффект, который выражается в перемещении, хранении, снабжении, заготовках и других функциях. Причем ее полезный эффект не содержит в себе ни грамма вещества, так как не имеет вещной (природной) субстанции. Поэтому полезный эффект инфраструктурного труда выступает в форме услуги, так как «особая потребительная стоимость этого труда получила здесь специфическое название «услуги», потому что труд оказывает услуги не в качестве вещи, а в качестве деятельности...»² Следовательно, услуги, в отличие от материально-вещественных продуктов, нельзя хранить, складировать, накапливать, ведь очевидно, что услуга как деятельность, как производственный процесс не накапливается; могут накапливаться лишь средства труда для ее создания. Они отличаются друг от друга как материальное и идеальное, однако такое идеальное, которое имеет под собой материальную субстанцию — производительный человеческий труд, расходуемый в производственной сфере. Следовательно инфраструктурный труд непосредственно влияет на совокупный общественный продукт. Но если труд в производстве не только материализуется, но, как правило, овеществляется в продукте, т. е. создает общественный продукт в натуральном выражении и по стоимости, то труд в инфраструктуре способствует созданию потребительных стоимостей, однако он не овеществляется, а лишь материализуется. Поэтому инфраструктурный труд не создает общественный продукт в натуральном выражении, а лишь увеличивает стоимость национального дохода и совокупного общественного продукта на величину общественно-необходимых затрат в инфраструктуре.

Из проведенного анализа простых моментов процессов труда можно сформулировать основные отличия производственной инфраструктуры от материально-вещественного производства. С точки зрения процесса труда они сводятся к следующим моментам: в инфраструктуре предмет труда не выступает в форме сырья, полуфабриката собственного процесса труда, а является продуктом материально-вещественного производства; средства труда инфраструктуры не выступают «как элементы для создания новых потребительных стоимостей, новых продуктов» (с. 194), но являются необходимой предпосылкой и условием процесса производства; целесообразная деятельность инфраструктуры выступает в форме производственной услуги; применительно к инфраструктуре, на наш взгляд, следует

говорить о процессе труда, а не о процессе производства материально-вещественного продукта. С точки зрения результата: инфраструктура не создает материально-вещественный продукт; услуги как деятельность инфраструктуры не могут накапливаться, складироваться и т. п.; процесс труда, как правило, совпадает с процессом его потребления; инфраструктурный труд материализуется, но не овеществляется; инфраструктура увеличивает стоимость общественного продукта на величину общественно-необходимых затрат в этой сфере, но не изменяет его натуральную форму.

Указанные отличия, на наш взгляд, позволяют оперировать понятиями «материально-вещественное производство» и «производственная инфраструктура» как вполне сформировавшимися самостоятельными экономическими категориями, а общность указывает на их принадлежность к сфере материального производства. Таким образом, сфера материального производства состоит из двух относительно самостоятельных частей: материально-вещественного производства и производственной инфраструктуры. Наиболее последовательно такую точку зрения проводит Б. Н. Хомелянский³, однако в целом в экономической литературе такое разграничение не нашло еще должного отражения. Так, в «Методических рекомендациях к разработке государственных планов развития народного хозяйства СССР» указывается, что «к сфере материального производства относятся все виды деятельности, создающие материальные блага в форме продуктов, энергии и в форме перемещения грузов, хранения продуктов, сортировки, упаковки и других функций, являющихся продолжением производства в сфере обращения»⁴. Хотя здесь и перечисляются некоторые инфраструктурные виды деятельности, но сам термин «инфраструктура» отсутствует. В условиях ускорения научно-технического прогресса, когда эффективность материально-вещественного производства все в большей степени становится зависимой от производственной инфраструктуры, данное разграничение, на наш взгляд, просто необходимо. Следует заметить, что такое разграничение понятий является не только сугубо теоретическим, но и острым практическим вопросом. Например, майский (1982) Пленум ЦК КПСС указал на сложившиеся диспропорции между инфраструктурой и другими отраслями агропромышленного комплекса. В частности, имеющие место «недостатки в области заготовок и хранения, транспортировки, переработки и торговли сельскохозяйственной продукцией»⁵ существенно сдерживают рост эффективности общественного производства и являются препятствием для реализации Продовольственной программы. Поэтому для преодоления указанных диспропорций необходим комплексный подход к рассмотрению производственной инфраструктуры как целостной подсистемы материального производства.

Теперь необходимо определить назначение производственной инфраструктуры в процессе воспроизводства, а также показать взаимосвязь материально-вещественного производства и производственной инфраструктуры. Для этого важное методологическое значение имеет положение К. Маркса о том, что «...именно революция в способе производства промышленности и земледелия сделала необходимой революцию в общих условиях общественного процесса производства, т. е. в средствах связи и транспорте... Связь и транспорт были постепенно приспособлены к способу производства крупной промышленности посредством системы речных пароходов, железных дорог, океанских пароходов и телеграфов» (с. 395—396).

Положение об общих условиях представляет особый интерес, так как ряд экономистов видит назначение инфраструктуры в обеспечении с помощью комплекса инженерно-технических сооружений и объектов необходимых материально-технических условий для эффективного функционирования производства⁶. Причем за исходное берется указание К. Маркса о материальных условиях как необходимых предпосылках процесса производства. Однако понятия «материальные условия» и «общие условия» не одного порядка. К. Маркс в состав материальных условий включил такие природные условия, как земля, вода, воздух, а также средства труда, предварительно подвергшиеся процессу труда, как рабочие здания, каналы, дороги (с. 191), являющиеся пассивными элементами производительных сил. Таким образом, материальные условия представляют собой природно-техническую базу (основание), необходимую для функционирования как материально-вещественного производства, так и инфраструктуры. В этом значении они выступают как «всеобщие средства труда», а поэтому не рас-

крывают полностью специфического назначения инфраструктуры. Понятие «общие условия» более широкое, так как помимо материально-технической базы, пассивных элементов производительных сил включает и активную ее часть в виде средств транспорта и связи. Но самое главное: понятие «общие условия» подразумевает взаимодействие производительных сил, или, другими словами, функционирующее состояние определенной части производительных сил, а поэтому отражает производственные отношения.

Если инфраструктура со стороны производительных сил — это комплекс инженерно-технических сооружений, объектов и т. п. средств и орудий труда (но только не предприятий, организаций и не отраслей, так как последние функционируют как совокупность производственных отношений, или как трудовая деятельность, создающая эти отношения), то со стороны производственных отношений — это деятельность по созданию общих условий общественного процесса производства. Общественный процесс производства материальных благ, взятый в постоянном возобновлении, есть процесс воспроизводства, который протекает в сфере производства и обращения. В сфере производства создается материально-вещественный продукт, в сфере обращения происходит его распределение, обмен и потребление. Инфраструктура функционирует как в сфере материально-вещественного производства, так и в сфере обращения. Поэтому инфраструктуру следует рассматривать как момент процесса производства, так и процесса обращения, или, другими словами, как «дополнение к процессу производства, как один из процессов производства, который происходит в течение времени обращения»⁷. Следовательно, инфраструктура, обслуживая процесс воспроизводства, соединяет все фазы в единое целое, создает необходимые условия как для производства материально-вещественного продукта, так и для его потребления. В этом состоит ее главное функциональное назначение в процессе воспроизводства. В целом общие условия общественного процесса производства — это прежде всего необходимые предпосылки процесса воспроизводства. Таким образом, производственную инфраструктуру можно определить как совокупность отраслей и видов деятельности, непосредственно не производящих материально-вещественного продукта, а создающих общие условия эффективного функционирования материально-вещественного производства путем предоставления услуг производственного характера.

Вернемся к вопросу о взаимосвязи материально-вещественного производства и производственной инфраструктуры. К. Маркс придавал первостепенное значение революции в производстве, которая потребовала революции в общих условиях общественного процесса производства (с. 395—396). Если в середине XIX столетия в странах Западной Европы происходила так называемая промышленная революция, то в середине XX столетия развернулась научно-техническая революция, когда наука становится непосредственной производительной силой, что еще в большей степени потребовало качественно иного уровня инфраструктурного обеспечения. Например, в сельском хозяйстве усилилось значение таких направлений НТР, как мелиорация и химизация. Это привело к созданию в колхозах и совхозах специализированных служб. Затем, в связи с размахом работ по химизации и мелиорации и относительной нехваткой материальных ресурсов, сельскохозяйственные предприятия объединили свои усилия путем межхозяйственной кооперации, что явилось основой возникновения государственных хозрасчетных объединений по агрохимическому обслуживанию и эксплуатации мелиоративных систем. В данном случае увеличение объема производства химической промышленности и мелиоративного строительства для сельского хозяйства вызвало расширение деятельности аграрной инфраструктуры.

Отсюда можно сформулировать некоторые теоретические положения. Во-первых, материально-вещественное производство формирует общественные потребности на обслуживающие виды деятельности. Общественные потребности удовлетворяются через развитие инфраструктуры. Первичным здесь выступает производство, вторичным — инфраструктура, т. е. производство обуславливает закономерности развития инфраструктуры⁸. Во-вторых, производство, формируя общественные потребности на инфраструктурные виды деятельности, само создает необходимые предпосылки для их реализации путем создания материально-технической базы инфраструктуры. Например, эффективность сельскохозяйственного производст-

ва сдерживается порой недостаточным уровнем развития автомобильных дорог с твердым покрытием. Возникает общественная потребность в развитии дорог. Строительство выступает основной предпосылкой реализации этой потребности. Здесь материально-вещественное производство, предъявляя требования к качеству и количеству дорог, в то же время является основным условием их реализации. В-третьих, в условиях развернувшейся научно-технической революции материально-вещественное производство требует адекватного уровня развития инфраструктуры, отвечающего требованиям научно-технического прогресса. В-четвертых, повышение производительности труда в материально-вещественном производстве создает предпосылки для обеспечения инфраструктуры рабочей силы.

Таким образом, состояние развития производственной инфраструктуры в условиях развитого социализма есть результат и в то же время показатель высокого уровня развития материально-вещественного производства. Сущность же взаимосвязи материально-вещественного производства и производственной инфраструктуры состоит в разделении их функций и труда в сфере материального производства.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 195. Дальнейшие ссылки на эту работу даны в тексте статьи (в скобках).

² Там же, т. 26, ч. I, с. 413.

³ См.: Хомелянский Б. Н. Экономический эффект социального планирования. — М., 1980, с. 28.

⁴ Методические указания к разработке государственных планов развития народного хозяйства СССР. — М., 1974, с. 702.

⁵ Продовольственная программа СССР на период до 1990 года и меры по ее реализации. — М., 1982, с. 9.

⁶ См.: Семенова Т. Инфраструктура и сфера услуг. — Мировая экономика и международные отношения, 1971, № 3, с. 116.

⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 49, с. 329.

⁸ Там же, т. 12, с. 725.

Е. П. ИСАЕВА

ПЛАНОМЕРНОСТЬ КАК СВОЙСТВО ОБЩЕСТВЕННОГО ТРУДА

К. Маркс указывал, что уже простая кооперация труда создает необходимость в планомерном характере деятельности отдельных лиц, работающих рядом, и во взаимодействии друг с другом в одном и том же процессе производства или в разных, но связанных между собой процессах производства¹. Сущность простой кооперации он видел в одновременности действий, в одновременности, результаты которой не могут быть достигнуты путем последовательных затрат труда во времени, разобщенными в своих действиях работниками, и которая возникает при единстве, согласованности совместных операций отдельных работников². В этом случае «планомерно» означает не что иное как «согласованно». Следовательно, планомерность здесь выступает как такая характеристика связи между работниками, которая предполагает сознательное регулирование трудовых процессов. Необходимость согласования трудовой деятельности в условиях простой кооперации труда возникает и при совместном потреблении средств производства, которое можно наблюдать уже здесь, вследствие чего часть средств труда приобретает «общественный характер даже раньше, чем его приобретает сам процесс труда»³. Исходя из этого, в наиболее общем виде планомерность можно определить как объективную необходимость координации труда, необходимость так или иначе осознаваемую и реализуемую через управление как особую производственную функцию.

Но простая кооперация труда не была господствующей формой ни при каком способе производства, поэтому определение планомерности как свойства простой кооперации не достаточно для ее конкретизации, которая предполагает необходимость анализа более развитых и более специализированных форм. Каждый способ производства придает кооперации труда специфические конкретно-исторические черты. В то же самое время кооперации труда свойственны и некоторые черты, общие для всех способов производства, что дает основание рассматривать ее как общеэкономическую категорию.

Более развитые способы производства базируются на такой системе разделения труда, которая приводит к возникновению сложной кооперации, когда качественно различные конкретные виды труда отпочковываются друг от друга и объединяются в едином процессе производства. Разделение и кооперация — это диалектически взаимосвязанные и взаимодополняющие моменты одного и того же процесса развития общественного разделения труда. Более того, по определению К. Маркса, «разделение труда представляет собой особую, специфическую, развитую далее кооперацию...»⁴. Поэтому, очевидно, и следует рассматривать планомерность как объективную необходимость координации труда в условиях сложной кооперации. Здесь имеется в виду кооперация в масштабах предприятия, так как К. Маркс рассматривал кооперацию и ее свойства в 4-ом разделе I-го тома «Капитала» лишь как формы объединения труда в этих пределах.

Кроме кооперации труда в масштабе предприятия, всегда имела место кооперация в масштабе общества. Разделение труда обособляет частичные функции конкретного труда и закрепляет их за отдельными работниками, превращая последних в частных, специализированных производителей. Каждый из них не способен уже сам по себе, вне связи с другими специализированными производителями участвовать в том или ином виде общественного производства. Это приводит к созданию теснейшей связи и взаимозависимости процесса производства не только на предприятиях, но и в отраслях. «Капитализм, — писал В. И. Ленин, — тем отличается от старых, докапиталистических систем народного хозяйства, что он создал теснейшую связь и взаимозависимость различных отраслей его»⁵. Но такая система хозяйственной взаимозависимости внутренне противоречива. С одной стороны, вследствие общественного разделения труда и частной собственности на средства производства капиталистические предприятия обособлены как частные производители. С другой, в силу общественного характера производства все они втянуты в единый процесс воспроизводства. Поэтому при капитализме единственной формой экономической связи между различными предприятиями и отраслями выступает товарный обмен, опосредуемый денежным обращением. Именно система капиталистических товарно-денежных отношений придает кооперированному труду специфические общественные черты.

Слияние раздробленных процессов в единый общественный процесс В. И. Ленин характеризует как обобществление труда, являющееся определяющим элементом обобществления производства. В процессе накопления капитала происходит повышение уровня обобществления производства прежде всего путем увеличения размеров индивидуальных капиталов, их концентрации и централизации, что в свою очередь обуславливает рост размеров предприятия, расширяя границы общественно-кооперированного труда. Рост обобществления производства при капитализме выражается и в образовании акционерных обществ, где капитал приобретает определенную форму общественного капитала. С таким развитием производительных сил и производственных отношений и связывали классики марксизма-ленинизма более глубокое раскрытие содержания планомерности, так как капитализм крупной машинной индустрии отличается от капитализма мануфактурной стадии не появлением новых, а развитием и сохранением уже наличных производственных отношений.

Планомерность в условиях монополистического капитализма достигает определенной ступени развития. Здесь она также выступает как объективная необходимость координации труда, порожденная совершенствованием общественных связей в пределах системы частных предприятий. Существует здесь и совместное потребление средств производства, превратившееся в результате обобществления в материальный фактор совместного труда многих лиц. Расширение границ непосредственной кооперации создало объективные предпосылки для организации труда в масштабах, далеко выходящих за пределы отдельных систем капиталистических предприятий, т. е. создало материальные предпосылки планомерной организации общественного производства. Планомерность при капитализме — этот учет «наперед» размеров производства, это ведение производства уже не в интересах одного товаропроизводителя, а многих, объединенных в акционерное общество, но и здесь планомерность ограничена рамками монополистического объединения.

Социализм преобразует и развивает общественную природу труда и средств производства. Несомненно, при социализме продолжают существ-

зовать такие черты, которые принадлежат планомерности как свойству кооперированного труда. Но теперь кооперация труда расширяет границы, приобретает новую социальную форму, основывающуюся на социалистической собственности на средства производства. Поэтому проблема планомерности при социализме не может быть сведена к управлению кооперированным трудом только на предприятии.

На базе развитого разделения труда и установления общественной собственности на средства производства социализм утверждает единство, целостность социалистической экономики. В этом заключается важнейший результат социалистического обобществления производства, на основе которого формируется общенародная кооперация труда, единая цель общественного производства, порождающие возможность планомерного регулирования в масштабах общества. В условиях социализма внутренняя связь между составными звеньями производственного организма, определяемая состоянием производительных сил, неизбежно меняет свой характер и становится согласованной, планомерной связью.

Рассмотрев планомерность с точки зрения масштабов обобществления, можно определить ее специфику при социализме. В экономической литературе давно утвердилось положение о планомерности как категории, выражающей объективную необходимость сознательной согласованной координации социалистического кооперированного труда, реализуемой из единого экономического центра, что приводит к слиянию в единое производство составных звеньев производственного организма. В последние годы все настойчивее утверждается идея о том, что планомерность есть также и особенное, самостоятельное производственное отношение, содержание которого не поглощает всей системы производственных отношений. Некоторые экономисты, не давая определения планомерности как специфического отношения, характеризуют ее как особую, объективно обусловленную связь в процессе общественного производства. Но констатация факта необходимой взаимосвязи — это, по сути, признание планомерности в качестве отдельного производственного отношения.

Рассматривая планомерность как производственное отношение, необходимо выяснить и субъектов этой связи. Общество, беря в свое распоряжение средства производства, выступает одновременно и как единый потребитель, и как единый субъект хозяйствования. Производство продуктов осуществляется совокупностью относительно самостоятельно действующих звеньев. Между последними и единым субъектом хозяйствования в лице экономического центра и осуществляются различные связи. Определение планомерности как определенного отношения не противоречит ее определению как формы ведения общественного хозяйства. Эта деятельность предполагает соизмерение и увязку потребностей общества и возможностей социалистических предприятий еще до начала процесса производства, что гарантирует общественную значимость каждому виду труда и обуславливает непосредственно общественную форму труда и его продукта.

Исходя из того, что всякая форма органически связана с содержанием, определяет его структуру, при анализе планомерности как формы ведения хозяйства можно установить, что в ней реализуются моменты, свойственные планомерности, взятой в качестве производственного отношения. И в этом нет противоречия, так как форма выступает моментом содержания. Действительно, содержание планомерности, взятое как согласованное, сознательное, заранее предусмотренное взаимодействие всех сфер общественного производства, предполагает устойчивые связи и соотношения между субъектами производства, т. е. форму, которая неотделима от содержания, сливается с ним, существует через него.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 337.

² Там же, т. 47, с. 294.

³ Там же, т. 1, с. 336.

⁴ Там же, т. 4, с. 295.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 168.

НЕОКОЛОНИАЛИСТСКАЯ ЭКСПАНСИЯ ТНК: ПРОЯВЛЕНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Влияние транснациональных корпораций (ТНК) на экономическое развитие освободившихся государств неоднозначно. Концентрируя в своих руках основную часть финансов, технологии, управленческого опыта, сбытовой сети, ТНК содействуют в развивающихся странах освоению многих месторождений природных ресурсов, возникновению отдельных отраслей обрабатывающей промышленности, расширению экспорта, увеличению занятости, концентрации рабочего класса, разложению патриархальных укладов и кристаллизации классовой структуры общества. Они способствуют реализации объективной тенденции к хозяйственному сближению наций.

Такова одна сторона деятельности ТНК. Но есть и другая, а именно частнобизнесная оболочка, в которой происходит развитие производственной базы силами ТНК. Рассматриваемый с этой стороны вклад ТНК в экономическое развитие молодых государств нельзя расценивать иначе, как капитал, авансированный под последующую эксплуатацию природных ресурсов этих стран и их дешевой рабочей силы. Ведь в условиях краха колониальной системы периферия мирового капитализма уже не может быть объектом эксплуатации «традиционными» колониальными методами. Империализм теперь вынужден действовать хитрее, грабить более замаскированно, чтобы удерживать освободившиеся страны в орбите капитализма. Такова стратегическая задача нового колониализма. В ее осуществлении ТНК обладают наибольшими возможностями, представляя более высокую ступень частнокапиталистической монополизации технологического применения науки, производства и всех видов международного обмена. Так, на ТНК в рамках мирового капиталистического хозяйства к началу 80-х годов приходилось 80 % всей разработанной технологии, примерно 40 % промышленного производства, 60 % внешней торговли, 90 % зарубежных капиталовложений¹. Это, в свою очередь, не могло не иметь непосредственных и возрастающих по своему значению последствий для развивающихся стран. «Империалистов не устраивает, — отмечается в материалах XXVI съезда КПСС, — укрепление независимости освободившихся стран. Тысячами путей и способов они пытаются привязать к себе эти страны, чтобы свободнее распоряжаться их природными богатствами, использовать их территорию в своих стратегических замыслах»².

Анализ деятельности ТНК позволяет выделить несколько тенденций в их «вкладе» в социально-экономическое развитие молодых государств.

Первая тенденция. Деятельность ТНК в масштабе всего мирового капиталистического хозяйства не только не способствует выравниванию уровней развития центра и периферии, но, напротив, увеличивает существующий разрыв. Прежде всего проявляется устойчивая тенденция преимущественного выбора в качестве сферы деятельности ТНК развитых капиталистических стран. Так, в середине 70-х годов более 70 % всех зарубежных инвестиций приходилось на развитые капиталистические страны³. Такая направленность капиталовложений ТНК базируется на том, что в развивающихся странах относительно ограничен внутренний рынок, не хватает квалифицированной рабочей силы, недостаточно развита экономическая инфраструктура, «менее стабилен» социально-политический климат.

Развитие освободившихся стран тормозится и тем, что ТНК, получая здесь огромные прибыли на свои прямые капиталовложения, лишь незначительную часть их реинвестируют на месте. Так, соотношение вывозимых и реинвестированных на месте прибылей ТНК США за 1961—1980 годы для развитых стран составляло 57 : 43, а для развивающихся — 73 : 27. Причем потери развивающихся стран, вызванные переводом прибылей в империалистические центры, не компенсируются новым притоком иностранного частного капитала. За рассматриваемый период превышение суммы переведенных в США прибылей ТНК из развивающихся стран над новым экспортом капитала в эти страны составляло 70,9 млрд. долл.⁴ Эта сумма — чистый вычет из средств, необходимых для развития освободившихся стран.

Наконец, насаждая в развивающихся странах западный образ жизни, западные стандарты, осуществляя социально-психологическую обработку

населения, вмешиваясь в проведение государственной политики технической «помощи», ТНК способствуют «утечке умов» из этих стран. В начале 70-х годов страны Азии, Африки и Латинской Америки поставляли в развитые капиталистические страны в среднем в год свыше 30 тыс. квалифицированных специалистов. Только прямые финансовые затраты молодых государств на подготовку выбывших специалистов составляли от 100 до 150 млн. долл. в год⁵. Еще более ощутимы не прямые экономические потери: замедление темпов экономического роста, усиление технологического разрыва и т. д.

Вторая тенденция. Деятельность ТНК углубляет неравномерное развитие освободившихся стран. Они выбирают для своей экспансии страны, представляющие для них особый интерес: обладающие «потенциальной силой», такие, как Бразилия, Мексика; новые финансовые центры (Саудовская Аравия); «налоговые оазисы»; богатые природными ресурсами, имеющие выгодное географическое положение; нынешние или будущие обладатели ядерной энергии; имеющие значительный военный потенциал в регионе. Поэтому 50 % иностранного капитала вложено в 14 из 123 развивающихся стран.

По отдельным странам картина еще более контрастна. Так, на начало 1983 года из общей суммы американских прямых инвестиций 80 % было сосредоточено лишь в 10 из 123 развивающихся государств (в том числе на Бермудах с населением в 60 тыс. чел. — 19 %, в Индии с населением 600 млн. чел. — 7 %⁶).

Третья тенденция. ТНК совершенствуют механизм экспансии в развивающиеся страны, применяя наряду с прямым контролем над промышленными предприятиями и другими объектами и скрытые его формы. Одной из таких форм является создание смешанных компаний, в которых значительная или основная часть капитала принадлежит местной буржуазии. Эта форма контроля характерна для многих ТНК, но особенно для тех, которые сравнительно недавно приступили к захвату экономических позиций в освободившихся странах, в частности для японских. Так, у 180 филиалов американских концернов, функционирующих в обрабатывающей промышленности развивающихся стран, доля филиалов с преобладающим правом собственности (100—95 %) снизилась в период с 1970 по 1975 год с 46,2 до 43,7 %. Напротив, доля филиалов с правом собственности от 5 до 50 % увеличилась с 21,5 до 28,1 %. Еще отчетливее эта тенденция выражена у 136 западноевропейских и 76 прочих (преимущественно японских) дочерних обществ. У последней группы, например, доля обществ с преобладающим контролем снизилась с 1965 по 1970 год с 10,7 до 6,1 %, в то время как доля обществ с наименьшей долей участия выросла с 66,7 до 74,2 %⁷.

ТНК применяют и другие формы скрытого контроля, в частности сочетание совместного владения капиталом с лицензионными и прочими соглашениями, так называемое «предпринимательство без капитала», осуществляемое путем заключения управленческих контрактов ТНК с местными компаниями, в которых они не имеют права собственности. Что дает монополиям сочетание разных форм контроля? Первое: монополистический капитал укрепляет связи с буржуазией развивающихся стран, делая ее своей социальной опорой. Второе, используя то или иное национальное прикрытие, монополии облегчают себе доступ в молодые государства. При этом нужно иметь в виду еще два обстоятельства: смешанные компании в ряде случаев объединяют монополистический капитал нескольких государств, представляя собой форму коллективного неокOLONIALИЗМА; от третирования государственного сектора в развивающихся странах как хозяйственной аномалии ТНК перешли к разным формам сотрудничества с ним. Так, американские монополии участвуют в деятельности государственных нефтедобывающих компаний в Венесуэле, Индонезии, Кувейте. «...Государство для них в этих случаях гораздо более сильный и устойчивый контрагент, заказчик, чем слабый неэффективный частный сектор... При помощи государства они пытаются насаждать капитализм»⁸.

Четвертая тенденция. Возрастают масштабы эксплуататорской деятельности ТНК. К общему потоку экспансии в форме прямых и портфельных инвестиций подключается во все возрастающих размерах и ссудный частномонополистический капитал, как следствие возрастания роли транснациональных банков. К 1978 году общая сумма займов, предоставленных этими банками развивающимся странам, возросла до 44 млрд. долл. При

этом доля еврокредитов увеличилась с 8,5 млрд. долл. в 1973 до 33,4 млрд. долл. в 1978 году⁹. В связи с этим в развивающихся странах возникает ряд негативных явлений.

1. В общем притоке частного капитала в развивающиеся страны снизился удельный вес производительного капитала, так как все более значительная доля средств, поступающая извне, используется не на расширение производства, а на оплату долгов, что становится серьезным тормозом экономического развития.

2. Увеличение доли непроизводительного ссудного капитала в структуре ввозимого капитала снижает возможность получения развивающимися странами полезной научно-технической информации, совершенствования управленческого и организационного опыта.

3. Экономика развивающихся стран обескровливается постоянным ростом средств, которые выкачивают из нее капиталистические страны. Так, в 1979 году из этих стран было переведено в развитые капиталистические страны около 16 млрд. долл. в форме прибыли на производственные вложения, а оплата долгов и процентов только по банковским займам составила 33,7 млрд. долл.¹⁰. Сумма же всех платежей развивающихся стран, составлявшая в 1971 году 6,1 млрд. долл., возросла в 1982 году до 111,7 млрд. долл. При этом доля процентных платежей выросла с 30 в 1971 году до 40 % в 1981¹¹.

4. Имеет место подключение к общему потоку экспансии и капитала самих развивающихся стран, поскольку банковские концерны используют в качестве ссудного капитала валютные ресурсы нефтедобывающих стран.

Пятая тенденция касается «вклада» ТНК в научно-техническое развитие периферии мирового капитализма. Приобщение к современному научно-техническому прогрессу является одним из главных путей преодоления экономической отсталости развивающихся стран. Собственные их возможности в этом отношении весьма ограничены.

Главным носителем современной технологии для развивающихся стран выступают ТНК, которые, пользуясь своей монополией, внедряют ее на дискриминационной основе (монопольно высокие цены, требования «связанных» закупок, ограничение экспорта и т. п.). Если учесть все виды затрат на приобретение новой технологии, то технологическая зависимость обходится развивающимся странам ежегодно в 30—50 млрд. долл.¹² И все же наибольшая опасность для них заключается в самих принципах создания и развития технологической структуры мирового капиталистического хозяйства.

В современных условиях империализм уже не в силах строить систему неокOLONиалистской эксплуатации на основе сохранения узкой аграрно-сырьевой специализации молодых государств. Он идет на перемещение не-которой части мирового промышленного производства в развивающиеся страны. Однако перемещению, как правило, подлежат энерго- и металло-емкие, грязные и высокотрудоемкие производства, ориентированные на экспорт; разрозненные, не с полным технологическим циклом производства, по сути дела цеха, для которых важны не масштабы местного рынка, ибо они ориентированы на экспорт в развитые страны, а дешевая местная рабочая сила.

Ориентированные на внешние нужды высокоспециализированные предприятия ТНК выделены из национальной экономики и потому представляют собой весьма трудный объект для национализации. То есть технологические связи, на которых основана специализация промышленного производства, разорвать труднее, чем отношения, устанавливаемые при простом обмене товаров или импорте капитала. Эксплуатация, экономическая зависимость и отсталость воспроизводятся теперь на современной технической основе.

Шестая тенденция. Деятельность ТНК приводит к тому, что развивающиеся страны не полностью реализуют свой суверенитет над национальным богатством. Корпорации установили монополию внешней торговли товарами, производство которых имеет жизненное значение для многих развивающихся стран: бананами, рисом, каучуком, сырой нефтью, железной рудой, бокситами и т. д. В результате, по самым скромным подсчетам, только на экспорте сырья по заниженным ценам развивающиеся страны теряют ежегодно 50—100 млрд. долл.¹³ ТНК контролируют и так называемую «невидимую торговлю» (транспортную сеть, страхование, коммерческое финансирование), диктуя и здесь свои условия молодым государствам.

Значительная часть торговли капиталистического мира идет по трансфертным ценам по каналам ТНК, превращаясь в межцеховые потоки (у американских ТНК, например, внутрикорпорационные поставки в 1979 году составили 38,5 % в общем внешнеторговом обороте)¹⁴. Это позволяет ТНК маскировать прибыли и тем самым искусственно уменьшать налоги местным правительствам, обходить таможенные преграды, сохранять контроль над передачей технологии.

Итак, ТНК активизировали неоколониалистскую практику, обеспечивая «взаимозависимые», хозяйственно-рыночные связи капиталистических стран с развивающимися государствами.

¹ См.: Проблемы мира и социализма, 1982, № 4, с. 57.

² См.: Материалы XXVI съезда КПСС.— М., 1981, с. 14.

³ Рассчитано по: Transnational Corporations in World Development.— UN, New York, 1978, p. 236.

⁴ Рассчитано по: IPW Forschungshefte, 1982, Hf. 1, S. 79.

⁵ См.: Зименков Р. И. Партнерство или эксплуатация? — М., 1980, с. 94; Экономические науки, 1981, № 6, с. 65.

⁶ См.: Зименков Р. И., Медведков С. Ю. «Социальная ответственность» корпораций: концепции и реальность.— М., 1982, с. 36; Экономическая газета, 1983, № 10, с. 22.

⁷ См.: Transnational Corporations in World Development, p. 229.

⁸ См.: Мирский Г. Меняющийся облик «третьего мира» — Коммунист, 1976, № 2, с. 112—113.

⁹ См.: МЭ и МО, 1982, № 12, с. 25; IPW Forschungshefte, 1981, Hf. 4, S. 87.

¹⁰ См.: МЭ и МО, 1982, № 12, с. 25; IPW Forschungshefte, 1981, Hf. 4, S. 75.

¹¹ См.: IPW Berichte, 1982, Hf. 12, S. 39; БИКИ 10.04.1982.

¹² См.: Капица Л. М. Воздействие двух мировых систем на освободившиеся страны.— М., 1982, с. 24.

¹³ См.: Проблемы мира и социализма, 1982, № 4, с. 60.

¹⁴ Рассчитано по: Multinational Business, 1981, № 4, p. 18.

И. В. ДРАЖИНА

О СТРУКТУРЕ ПРЕДМЕТА ЮРИДИЧЕСКОЙ ЭТИКИ

Сегодня в юридической литературе используется значительное число терминов для наименования дисциплин, возникших на стыке этики и правоведения. Это — судебная этика, адвокатская этика, следственная этика. Термин «юридическая этика» нередко употребляется как эквивалент профессиональной этики советского юриста. Однако, во-первых, проблема правовой деонтологии не исчерпывает всего содержания предмета юридической этики. Во-вторых, не менее важным является исследование взаимодействия морали и права. Актуально также изучение «морали» преступных групп. Соотношение упомянутых и им подобных терминов может быть понято только на основании определения границ каждой дисциплины. Многие авторы традиционно считают материнской в этой системе судебную этику. Первым попытку определить предмет и систему судебной этики предпринял Л. Е. Ароцкер¹. Он считал, что судебная этика есть учение о нравственных основах профессиональной деятельности работников юстиции и экспертов и предложил следующую систему этой науки: общее учение об этике и профессиональной этике, этика судьи, прокурора, следователя, адвоката и судебного эксперта, этические нормы деятельности по расследованию и судебному разбирательству дел, осуществления обвинения и защиты, производства судебных экспертиз. Такой подход вызвал обоснованную критику. Указывалось, что ограничение судебной этики рамками профессиональной деятельности значительно сужает ее предмет. Было предложено включить в систему науки этику внеслужебного поведения представителей правоприменительных и правоохранительных профессий. Отличительной особенностью такой деятельности является функционирование от имени государственной власти. Это накладывает дополнительные требования на прокуроров, следователей, судей не только при отправлении ими профессиональных функций, но и в быту. «Ничто не приносит большего вреда, чем декларация конкретным лицом моральных принципов в силу служебных обязанностей и аморальное личное поведение»².

В дальнейшем исследователи пришли к выводу, что назрела необходимость изучения нравственных аспектов деятельности работников исправительно-трудовых учреждений. Углубление судебно-этических исследований показало, что, несмотря на значительную общность, нравственные характеристики следственной, судебной, прокурорской деятельности имеют существенные различия. Социальная практика потребовала разработки вопросов этики юрисконсульта, нотариуса, арбитра. Объединение всех названных направлений в предмете судебной этики явно необоснованно.

Судебная этика в собственном смысле этого слова включает в себя лишь характеристики нравственного сознания судьи, нравственные принципы и нормы судебной деятельности и внеслужебного поведения, а также моральные отношения, возникающие в процессе отправления правосудия. Этику адвоката, следователя должны изучать самостоятельные дисциплины. Все они в комплексе могут быть объединены под одним названием — профессиональная этика советского юриста. Система профессиональной этики может быть представлена следующим образом. В общую часть науки войдут проблемы методологической и теоретической базы, общие

нравственные принципы правоприменительной и правоохранительной деятельности, основы воспитательного воздействия в процессе правоприменения. Особенная часть должна отразить нравственную специфику конкретных видов юридической деятельности. Сегодня как самостоятельные разделы могут быть выделены судебная, адвокатская и следственная этика.

Спор о предмете профессиональной этики советского юриста имеет и другую сторону. Высказаны различные точки зрения о содержании изучаемых данной наукой норм морали. Практически разногласия сводятся к следующему. Некоторые ученые считают, что профессиональная этика советского юриста изучает лишь «применение общих норм морали, нравственности в специфических условиях деятельности судей, прокуроров, следователей, адвокатов, осуществление нравственных принципов и требований в расследовании и разрешении уголовных дел»³. Они исходят из того, что в социалистическом обществе существует единая общесоциальная мораль и «специфика проявления моральных норм в уголовном судопроизводстве не изменяет их качества, не превращает их в особые нравственные нормы следователя, судьи, лица, производящего дознание, адвоката»⁴. Сторонники противоположной точки зрения считают, что в процессе осуществления правосудия нравственная практика создает свои специфические принципы и нормы деятельности, которые и составляют основу предмета науки.

Норма является одним из основных компонентов морали независимо от того, идет речь о морали общесоциальной, классовой или профессиональной. Следовательно, это один из компонентов предмета этики, как науки о морали. Никто из ученых юристов не оспаривает, что адвокатская, следственная, судебная этика являются видами профессиональной этики, однако некоторые видят их настолько специфичными, что приходят к отрицанию существования профессиональных нравственных норм и собственно лишают созданную ими же науку ее предмета. Провозглашается возможность существования профессиональной этики одновременно с отрицанием профессиональной морали. Что же будет изучать построенная на подобных основах наука?

Одним из источников таких ошибок является неверное определение морали, которое принимается за основу. М. С. Строгович представляет ее как «определенную систему социальных норм, регулирующих поведение людей»⁵. Автор по аналогии с правом строит свое определение на нормативистской основе. Это приводит к значительному ограничению содержания морали и фактически отражает вчерашний день этической теории⁶. «Суть дела состоит в том, что мораль — более богатое явление, оно включает в себя... помимо нормативного и ряд других элементов. Сюда входят: нравственные чувства, сложившиеся в практике общественной жизни и получившие массовое распространение; нормы и правила поведения, выработанные в обиходе в данной общности; наконец, нравственные качества личности, ставшие типичными для данной общности»⁷.

Нравственная норма — сложное социальное явление. Большинство исследователей склонно считать, что ее источником является ситуация, которая повторяется достаточно часто и требует регулирования на уровне нравственности. Бесспорно, что общесоциальная мораль не может скрупулезно регулировать ситуации типа: следователь — обвиняемый, судья — подсудимый, так как они являются скорее исключением, чем правилом. Все подобные ситуации и пути их разрешения должны изучаться следственной, судебной, адвокатской этикой. Это не значит, что профессиональная этика сама создает нормы морали, они существуют объективно, независимо от воли и сознания людей и проявляются через их деятельность. Профессиональная этика призвана изучать их в развитии и прогнозировать возможные направления нравственного прогресса, а также определить оптимальные пути формирования необходимых нравственных качеств у представителей определенных профессий. Таким образом, деятельность работников юридических профессий, наряду с общесоциальными, регулируется и нормами профессиональной морали, которые отражают специфику этого вида общественно полезного труда.

Вторым важным направлением в юридической этике является исследование взаимодействия морали и права. Анализируя литературу по указанной проблеме, можно сделать вывод, что исследования сегодняшнего дня отражают качественно новый этап ее разработки. Традиционно считалось, что указанная проблема — составная часть предмета теории права. Отличительная черта нового этапа исследований заключается в отпочковании

проблем взаимодействия морали и права от теории права. Эти исследования становятся составной частью предмета юридической этики. Одна из основных целей разработки проблем влияния морали на конкретную отрасль права, правовых институтов, на развитие нравственного сознания, взглядов, моральных норм — ликвидация расхождений между требованиями морали и права. В этой связи актуальными становятся этический анализ правовых норм и институтов, а также изучение характеристик «морали» лиц, совершивших преступление.

Итак, юридическая этика — это наука о взаимосвязях и взаимообусловленности функционирования морали и права. Профессиональная этика советского юриста является ее органической частью, наиболее разработанной в настоящее время. Методологическую основу юридической этики составляет материалистическая диалектика.

¹ См.: Ароцкер Л. Е. О судебной этике. — В кн.: Проблемы социалистической законности на современном этапе развития советского государства. Харьков, 1966, с. 52; Егоров Е. Г. Тактика и этика допроса. М., 1969, с. 13.

² Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Судебная этика. — Воронеж, 1973, с. 16.

³ Проблемы судебной этики / Под ред. М. С. Строговича. — М., 1974, с. 13.

⁴ Любичев С. Г. Этические основы следственной тактики. — М., 1980, с. 11.

⁵ Проблемы судебной этики, с. 7.

⁶ См.: Фриганд М. Марксизм, гуманизм, мораль. — М., 1976, с. 99.

⁷ Предмет и система этики. — М. — София, 1973, с. 45—46.

В. С. БОГДАНОВ

ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ И ДИСЦИПЛИНА

Коммунистическая партия и советское государство придают важнейшее значение дальнейшему совершенствованию трудового коллектива — этой основной ячейки не только нашего хозяйственного, но и политического организма. Именно здесь повсеместно и последовательно осуществляется ленинское положение о том, что каждый труженик должен чувствовать себя хозяином своей бригады, цеха, завода, полномочным представителем своей страны¹.

Особенно возрастает значение этой работы в период совершенствования развитого социализма, когда укрепление социалистической дисциплины труда, как отметил июньский (1983) Пленум ЦК КПСС, стало потребностью сегодняшнего дня и программной задачей на будущее, составной частью «общего процесса совершенствования нашего общественного строя»².

Выполняя постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «Об усилении работы по укреплению социалистической дисциплины труда», абсолютное большинство партийных организаций Белоруссии осуществляет комплекс мер по укреплению дисциплины и внедрению порядка на производстве. Важнейшие среди них следующие: повышение уровня организаторской работы партийных организаций по активизации борьбы трудящихся за упрочение дисциплины; осуществление комплексного подхода к воспитанию трудовой дисциплины с учетом различных категорий работающих; активное участие трудящихся во внедрении научной организации труда и передового опыта укрепления дисциплины, совершенствовании материального и морального стимулирования лучших результатов труда; повышение роли партийных организаций в создании условий для укрепления организованности и сплоченности трудовых коллективов, развития социальной и воспитательной функций социалистического соревнования.

Развернувшееся в Минске по почину москвичей соревнование под девизом «Честь и слава — по труду» достигло наибольшего эффекта в тех коллективах, где организаторская и идейно-политическая работа по изысканию резервов производства слились с борьбой за укрепление дисциплины труда. В итоге — потери рабочего времени в промышленности города в 1983 году по сравнению с 1982 годом сократились почти на 20 %.

К. Маркс писал, что человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека, а затем начинает относиться к самому себе, как к челове-

ку³. Это положение подтверждается социалистическими трудовыми коллективами, в которых его члены, словно в зеркало, «смотрятся в своих товарищей». Одобрять или порицая поведение того или иного человека, коллектив дает оценку его поступкам, воспитывает в нем качество моральной ответственности, формирует его дисциплину, нравственные качества. Общественное мнение определяет ценность человека.

Важнейшим средством укрепления дисциплины является развитие бригадной формы организации труда. Переход на работу по единому порядку с оплатой по конечным результатам играет все возрастающую роль в дальнейшей интенсификации общественного производства. Большое внимание бригадным формам организации и стимулирования труда уделяют партийные, профсоюзные и комсомольские организации минского производственного объединения «Горизонт».

Воспитание социалистической трудовой дисциплины — процесс долгий и кропотливый. Каким-то разовым мероприятием, даже самым идейно-насыщенным, многого достичь невозможно. Требуются комплексные плановые действия, направленные, во-первых, на улучшение организации производства, ритмичной работы, внедрение научной организации труда, улучшение условий труда работающих, совершенствование службы быта, медицинского обслуживания, улучшение работы транспорта; во-вторых, на материальное и моральное стимулирование труда и дисциплинированности; в-третьих, важное значение имеет состояние идейно-воспитательной работы, политической, экономической и профессиональной учебы, вовлечение трудящихся в управление делами производства, развитие социалистического соревнования, воспитательная работа в общежитиях, по месту жительства и т. п.

Укрепление дисциплины труда достигается прежде всего работой позитивного характера, но нужна и система мер борьбы с нарушителями. Применяемые ныне меры воздействия на нарушителей трудовой дисциплины можно разделить на три вида. Первый — административные взыскания, не затрагивающие материальных интересов нарушителей (предупреждение, выговор, строгий выговор и т. д.). Второй вид — это меры материально-финансового воздействия (лишение премий, перевод на нижеоплачиваемую работу, задержка в присвоении очередного разряда, отсрочка в предоставлении квартиры, лишение путевки в санаторий или дом отдыха). К третьему виду относятся меры коллективного воздействия — обсуждение на собрании, товарищеском суде, критика в печати и т. д.

Используя Закон о трудовых коллективах, вступивший в силу с 1 августа 1983 года, трудовые коллективы ставят вопросы о привлечении нарушителей трудовой дисциплины к ответственности, включая временный перевод на нижеоплачиваемую работу и увольнение.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1983 года усилены меры воздействия на злостных нарушителей трудовой дисциплины, в частности прогульщиков и пьяниц. Если до недавнего времени прогулом считалось отсутствие на работе в течение всего рабочего дня, то сейчас к прогулам, со всеми вытекающими последствиями, приравнивается отсутствие на работе более трех часов без уважительных причин. Предусмотрено уменьшение очередного отпуска на число дней прогула, оговорено также, что появление на работе в нетрезвом состоянии является основанием для увольнения. Правильное применение этих норм трудовыми коллективами способствует укреплению дисциплины.

Данные социологических исследований, проведенные на 12 промышленных предприятиях Минска, опровергают убеждения некоторых руководителей в том, что самым действенным средством в борьбе против нарушителей дисциплины являются административные наказания. 90 % опрошенных признали главным фактором укрепления порядка на предприятиях общественное мнение, в частности обсуждение провинившихся на рабочих собраниях и в товарищеских судах. За этим фактором, как показал опрос, по силе воздействия следуют лишение премий, перевод на нижеоплачиваемую работу, отсрочка в предоставлении жилой площади и затем уже — дисциплинарные взыскания, накладываемые администрацией.

Опыт партийных организаций показывает, что комплексный подход к постановке коммунистического воспитания, неразрывное единство и тесное взаимодействие идейно-политической работы с ускорением научно-технического прогресса, внедрением научной организации труда, широким развитием социалистического соревнования, вовлечением всех членов трудового коллектива в управление производством обеспечивают успех и в укреплении трудовой дисциплины. В промышленности республики с 1981

по 1983 год почти на 30 % уменьшились потери рабочего времени. Выросло число трудовых коллективов, где на протяжении ряда лет нет нарушений дисциплины. Расчеты показывают, что полная ликвидация прогулов и простоев позволила бы в одиннадцатой пятилетке повысить темпы роста производительности труда в промышленности БССР на 3 %, а устранение текучести кадров — еще на 6 %.

За три года пятилетки трудящиеся республики добились высоких темпов социально-экономического развития. Объем промышленного производства увеличился на 15 % вместо 13, предусмотренных планом. Выполнены задания по росту производительности труда и другим экономическим показателям, в том числе по снижению себестоимости продукции и увеличению прибылей⁴.

Однако на ряде предприятий и объединений низка еще трудовая дисциплина, велики текучесть кадров и потери рабочего времени, нередки случаи сбоев в материально-техническом снабжении. В промышленности Минской области, например, в бригады с новой формой организации и стимулирования труда объединено 60 % рабочих. Однако на многих предприятиях к созданию бригад подошли формально, потому в начале 1984 года лишь каждая седьмая бригада работала по методу хозрасчета с применением коэффициента трудового участия при распределении заработной платы⁵.

В то же время на таких предприятиях, как производственное объединение «Интеграл», Минский мотовелозавод, Брестский электромеханический завод уже накоплен интересный опыт разработки и утверждения совместных приказов-постановлений администрации, партийной, профсоюзной и комсомольской организаций, которые включают планы по совершенствованию бригадных форм организации труда и укреплению трудовой дисциплины. Все это способствует распространению передовых методов труда, совершенствованию социалистического соревнования.

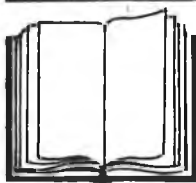
¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 466.

² Правда, 1983, 16 мая.

³ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 62.

⁴ См.: Коммунист, 1984, № 2, с. 48.

⁵ См.: Вечерний Минск, 1984, 23 января.

Рэцэнзіі

Э. А. Забродскі. **Развіццё сацыялістычнага соравновання в прамышленнасці** (На матэрыялах Кампартыі Беларусіі 1971—1982 гг.).— Мінск: Беларусь, 1983.— 270 с.

Изучение общего направления развития, эволюции закономерностей и выяснение перспектив соревнования является важной стороной дальнейшего совершенствования общественных отношений развитого социализма. Подтверждением этого является монография Э. А. Забродского. Основываясь на трудах В. И. Ленина, материалах КПСС и КПБ, автор сделал аргументированный вывод, что процесс социалистического соревнования является внутренним двигателем производства и имеет большую экономическую, социальную и воспитательную силу. В современном производстве функции соревнования ярко проявляются и эффективно действуют там, где осуществляется научное руководство этим процессом, где сильны коллективные принципы организации труда, созданы условия для инициативы, творчества, постоянного наращивания производительности труда и повышения качества продукции.

Для подтверждения теоретических выводов исследования автор широко использует фактический материал, свидетельствующий о напряжении и результативности соревнования в промышленности республики, быстром распространении передового опыта и постоянного наращивания значимых результатов. Широта взглядов, научная компетентность автора помогли ему глубоко исследовать цели и задачи соревнования в современных условиях, показать дальнейшее развитие ленинских принципов организации соревнования, проблемы стимулирования производства, повышения качества продукции, экономии и бережливости, интеграции науки и производства, т. е. выделить те проблемы, которые остро стоят перед коллективами предприятий сегодня и будут оставаться наиболее важными на ближайшее будущее.

В республике сложилась эффектив-

но действующая система управления производственным творчеством масс.

Отмечая тенденцию равномерного развития всех компонентов социалистического соревнования, автор выделяет его нравственный аспект. Типичными недостатками, сдерживающими развитие соревнования в республике, являются формализм, отсутствие гласности, занижение или завышение обязательств. В ликвидации этих недостатков велика роль партийных и общественных организаций.

Буржуазная пропаганда искажает основы и сущность социалистического соревнования в нашей стране. Разоблачая несостоятельность всякого рода «советологов» дискредитировать природу и сущность творчества масс, автор призывает организаторов соревнования не забывать, что оно не только чисто экономическая категория, но и сфера идеологической борьбы.

Монография Э. А. Забродского вносит существенный вклад в обобщение и использование опыта республиканской партийной организации по руководству социалистическим соревнованием в промышленности.

О. Г. Саука

Г. М. Трухнов. **Рапалло в действии**. Из истории советско-германских отношений (1926—1929 гг.).— Мінск: Изд-во БГУ, 1982.— 114 с.

Новая книга Г. М. Трухнова является логическим продолжением его предыдущего труда «Поучительные уроки истории. Три советско-германских договора (1922-1926 гг.)». Рапальский договор в действии — это практическое осуществление ленинской политики мирного сосуществования государств с различным социально-экономическим строем. Книга Г. М. Трухнова написана на основе тщательного исследования документов советско-германских отношений, в том числе их новых публикаций.

Советско-германские отношения в период 1922—1929 годов в основном раз-

вивались на базе Рапалло. Рапалльский договор был важнейшей предпосылкой для подписания в 1925 году в Москве советско-германского торгового договора и берлинского договора между СССР и Германией о нейтралитете (1926 год). Трудно переоценить значение этих договоров. «Берлинский договор пользовался среди немцев значительно большей симпатией, чем локаرنские соглашения», — отмечается в монографии (с. 11). Этот договор был большим вкладом в европейскую безопасность. Он сдерживал втягивание Германии в империалистический антисоветский фронт. Московский и берлинский договоры были существенным вкладом в развитие советско-германских отношений на основе мирного сосуществования.

В книге прослеживается успешное развитие советско-германского экономического сотрудничества, укрепление культурных и научных связей между СССР и Германией. В 1928/1929 хозяйственном году Германия занимала первое место во внешней торговле Советского Союза.

Автор убедительно показал, что политика Рапалло, его дух живут и в наши дни.

Э. М. Поздняк

Л. И. Гинцберг. *Друзья новой России. Движение в защиту Советской страны в Веймарской Германии.* — М.: Наука, 1983. — 231 с.

Новая книга историка-германиста Л. И. Гинцберга посвящена истории германо-советских отношений 1919—1932 годов. Впервые в советской историографии освещаются некоторые аспекты сложной политической борьбы в Германии вокруг рапалльского курса во внешней политике страны и роль рабочего класса, немецкой интеллигенции и ряда видных политических деятелей в становлении и укреплении дружбы между германским и советским народами. Ценность исследования Л. И. Гинцберга заключается еще и в том, что оно намечает подход к решению ряда еще неразработанных советскими учеными проблем.

В первой главе показан особый размах и массовость движения в защиту Советской страны в Германии летом 1920 года. Автор отмечает, что руководство СДПГ вынуждено было «издать вместе с КПГ и НСДПГ обращение с призывом к борьбе против антисоветских замыслов Антанты. Это имело большое значение, ибо подключало к движению новые контингенты трудящихся...» (с. 18—19). В 1921 году Комитет рабочей помощи Советской России во главе с К. Цеткин и В. Мюнденбергом оказал значительную материальную поддержку голодающим Поволжья. К движению пролетарской солидарности примкнули передовые круги немецкой интеллигенции. Автор раскрывает роль А. Эйштейна, Э. Пискатора, Э. Толлера, К. Кольвица, О. Нагеля, А. Голлчера, М. Гардена, Б. Келлермана, Т. Либкнехта и других выдающихся деятелей германской науки

и культуры в оказании помощи Стране Советов.

Вторая глава раскрывает генезис рапалльской политики и роль в ее формировании лидера левого крыла партии Центра, рейхсканцлера Вирта, который выступил против блокирования с правыми политическими силами и призывал опираться на рабочий класс (с. 45). Вирт открыто осудил террор реакционных сил в Германии в 1921—1922 годах, совершивших убийство М. Эрцбергера и В. Ратенау. Он же, возглавляя правительство, пошел на сближение с Советской Россией. Л. И. Гинцберг отмечает, что «до Вирта на правительственном уровне о полном урегулировании отношений между обеими странами всерьез не думали» (с. 63). И. Вирт, А. фон Мальцан, изолировав В. Ратенау, вынудили его подписать 16 апреля 1922 года Рапалльский мирный договор.

Далее автор освещает оценку договора различными общественными кругами и политическими деятелями. Особенно интересны аргументы в пользу договора, которые выдвигали видные деятели различных политических партий — О. Нушке, Г. Раумер, Г. Мюллер, Л. Хаас, О. Хётч. Они были горячими сторонниками «духа Рапалло». Раскрыта также позитивная роль германского посла в Москве У. Брокдорфа-Ранцау в укреплении германо-советских отношений. Делается аргументированный вывод о том, что внутренняя и внешняя политика Вирта «олицетворяла собой альтернативный путь буржуазно-демократического развития страны и в случае последовательного продолжения могла избавить немецкий народ от того, что принес ему фашизм» (с. 92).

В третьей главе автор освещает историю возникновения и деятельности Общества друзей новой России, которым руководили А. Эйштейн, Э. Барон, Т. Манн, Е. Штекер и другие, а также роли председателя Общества по изучению Восточной Европы Ф. Шмидта-Отта и его видных членов О. Хётча и Г. Йонаса в налаживании научных контактов между двумя странами.

В четвертой главе удачно сочетаются анализ сложного хода развития рапалльской политики в связи с заключением локаرنских соглашений и вступлением Германии в Лигу наций и показ позиций основных политических партий и немецкой общественности по вопросу германо-советских отношений в 1924—1928 годах. Л. И. Гинцберг привел убедительные свидетельства всенародного одобрения московского (1925) и берлинского (1926) договоров между двумя государствами. Они закрепили рапалльский курс и стали импульсом для взаимовыгодного научно-технического и культурного сотрудничества между СССР и Германией.

Последняя глава посвящена движению немецкого пролетариата за оказание помощи Советской стране и непосредственное участие в социалистическом строительстве. Немецкие рабочие и техническая интеллигенция передавали свой

опыт советскому рабочему классу. Значительную роль сыграли в этом общество «Культура и техника» и «Сообщество по изучению советского планового хозяйства».

Актуальность монографии Л. И. Гинцберга заключается в акцентировании автором жизненной важности и необходимости упрочения «традиций Рапалло» в отношениях между ФРГ и СССР. Наиболее полно «традиции Рапалло» проявляются в отношениях братского сотрудничества и нерушимой дружбы, которые сложились между СССР и ГДР.

В монографии использован интересный материал из сборников документов, дневников и мемуаров, научных работ на немецком и английском языках. Исследование Л. И. Гинцберга будет полезно преподавателям, студентам, пропагандистам, широкому кругу читателей.

Г. М. Трухнов,
Г. А. Космач

В. Ф. Берков. **Структура и генезис научной проблемы.**— Минск: Изд-во БГУ, 1983.— 240 с.

Книга В. Ф. Беркова посвящена анализу одной из важнейших категорий логики и методологии науки — научной проблемы. Несмотря на древность вопроса, подлинное научное его решение стало возможным, видимо, только в наше время. Как справедливо пишет автор, «на стыке логики, методологии, психологии, кибернетики, педагогики рождается новая область знания... — проблемология» (с. 9). То, что здесь уже сделано — это только начало в ее исследовании. Дискуссионным пока еще, например, является вопрос о сущности проблемы и ее роли в познании, о ее строгом определении, а следовательно, и ограничении от родственной ей категорий. Само ее исследование ни у нас, ни за рубежом не стало еще системным. С тем большим интересом ознакомится читатель с рецензируемой монографией, где впервые ставится задача «дать целостный анализ научной проблемы как логико-методологической категории» (с. 11).

Рассмотрение вопроса о природе научной проблемы автор начинает с анализа ее формально-логических аспектов, в частности, с достижений эротетической логики (в развитие которой, кстати, он сам внес существенный вклад работой «Вопрос как форма мысли».— Минск, изд-во БГУ, 1972). Далее научная проблема подвергается анализу как форма развивающегося знания. Интересно и аргументированно В. Ф. Берков показывает логико-гносеологический путь возникновения, становления и разрешения научной проблемы. Опираясь на многочисленные данные различных областей науки, автор показывает, что проблемы детерминированы не только гносеологически, но и социально. Ценностный аспект может стимулировать возникновение проблемы и даже «конструировать» ее, поскольку в нее вводятся такие концептуальные слагаемые, которые являются

наиболее приемлемыми в тот или иной период развития науки. Но он может, разумеется, и затормозить становление проблемы. В этом плане важна мысль автора о том, что ценностный аспект выступает в роли и определенного критерия актуальности проблемы, ибо совпадение интересов исследователя с объективно прогрессивными интересами общества, как правило, ведет к формулированию таких проблем, через которые пролегает магистральный путь развития человеческого познания. И наоборот, несовпадение этих интересов заводит науку в тупик (что, к примеру, хорошо видно на результатах творчества таких крупных мыслителей древности, как Плотин или Прокл).

Интересно, по-новому в монографии освещается взаимосвязь проблемы и противоречия. В литературе проблема часто отождествляется не только с вопросом и задачей, но и с противоречием. В. Ф. Берков убедительно доказывает, что хотя проблема и невозможна без противоречий в науке (поскольку они отражают противоречия самой объективной реальности), она не только не сводится к ним, а даже не является для них однозначно соотносимым понятием. Ведь, действительно, противоречие может свидетельствовать не о наличии проблемы, а о тупике в познании. Не всякие (по типу) противоречия могут входить в структуру научной проблемы. В нее входят, главным образом, внутренние, антимические противоречия. Проблемы, включающие их, как правило, имеют ключевой, фундаментальный характер для развития научного знания. Но не только структура и генезис проблем важны для понимания динамики и сущности научного поиска. Не менее актуален вопрос и о методологических критериях постановки проблем.

Внимательный читатель обнаружит, что не все рассмотренные в работе вопросы освещены с достаточной полнотой. Многие из них, как указывает сам автор, «затрагивают проблематику, выходящую за рамки настоящего исследования» (с. 227). Таковы вопросы о роли неточности языка науки в становлении проблем, о структуре и содержании недвумерных проблем и т. д. Но ценно то, что это первая у нас работа, в которой структура научной проблемы и ее генезис рассмотрены системно, с учетом всех наиболее значительных достижений в этой области.

М. И. Иосько,
С. Д. Шаш

Х. М. Момджян. **Французское Просвещение XVIII века.**— М.: Мысль, 1983.— 447 с.

Французскому Просвещению принадлежит особая роль в развитии прогрессивной философской и общественно-политической мысли Нового времени. Облик века Просвещения ярко и убедительно очерчен в новой работе известного советского исследователя Х. М. Момджяна.

Широкая панорама становления и развития революционно-критической фи-

лософии во Франции позволяет не только отчетливо представить внутреннюю целостность и неизбежную противоречивость буржуазного философско-мировоззренческого сознания предреволюционной эпохи, но и точно определить историческое место выдающихся деятелей Просвещения в духовном развитии человечества. Актуальность этой задачи несомненна, учитывая непрекращающиеся попытки западных ученых фальсифицировать историко-культурный статус материалистической традиции Просвещения, подорвать авторитет атеистического и материалистического мировоззрения как в прошлом, так и в настоящем. В нынешних «условиях защиты прогрессивной роли материалистической и атеистической французской философии XVIII века,— подчеркивает автор,— превращается в органическую часть современной идеологической борьбы против враждебных марксизму-ленинизму течений» (с. 11).

Идейное наследие французских просветителей раскрывается автором в виде очерков, посвященных наиболее ярким и оригинальным из них. Такая форма изложения позволяет сохранить живую динамику развития просветительской философской мысли, приметы интеллектуального своеобразия и духовной неповторимости выдающихся представителей той плеяды, которая замечательна не только идейным единением перед силами реакции, но и «лицом необщим выраженьем». Конечно, охватить все богатство умственной жизни трех-четырех поколений просветителей в рамках одной книги едва ли возможно, так же как и исчерпать очерком все содержание теоретического наследия таких корифеев философии, как Дидро и Руссо. Однако очерки у автора преобразуются в главы внутренние целостного повествования о коллизиях становления и судьбах революционного и одновременно утопического буржуазного философского миропонимания XVIII века. И здесь видится одно из главных достоинств рецензируемой работы, которая, всячески подчеркивая и оттеняя радикализм и интеллектуальную отвагу, прогрессивные устремления французского Просвещения, беспощадно обнажает противоречивость и историческую ограниченность мышления просветителей.

В рецензируемой работе изложены и удачно связаны воззрения мыслителей, зачастую рассматриваемых в изоляции друг от друга, а то и просто теряемых из виду при анализе французского Просвещения. К таким удачам можно отнести раздел, посвященный творчеству блестящего представителя раннепросветительской философии Франции Б. Фонтенеля. Пожалуй, впервые и совершенно обоснованно этот мыслитель отнесен к деятелям Просвещения и поставлен рядом с Монтескье и Вольтером. Содержательными, внутренне связанными и многоаспектными являются очерки, посвященные воззрениям выдающихся материалистов Ламетри, Дидро, Гельвеция, Гольбаха. Завершает книгу раздел, на наш взгляд, принципиальной важности,

в котором французский материализм рассматривается как один из идейных источников утопического социализма и коммунизма XIX века. Автор убедительно показывает первостепенную значимость трактовки судеб просветительского идейного наследия на рубеже XVIII—XIX веков именно в данном контексте в противовес акцентированию позитивистского перерождения французского материализма.

Несмотря на неизбежную неполноту панорамы, книгу Х. М. Момджяна следует признать, несомненно, одним из лучших отечественных исследований французского Просвещения XVIII века.

Г. В. Грушевой

Н. И. Базылев. Обобществление производства и развитие отношений собственности.— Минск: Беларусь, 1983.— 126 с.

Обращение автора монографии к проблеме взаимосвязи обобществления производства и развития социалистической собственности не случайно. Развивая производительные силы, обобществление производства совершенствует технологические, организационные, производственные связи. А вся эта система связей и взаимозависимостей способствует развитию отношений социалистической собственности (с. 5). Автор выявляет двустороннюю связь между обобществлением производства и развитием отношений собственности на средства производства. Кроме воздействия обобществления производства на отношения собственности через развитие системы экономических отношений, следует учитывать то, что «общественная собственность изменяет характер отношений по поводу производства, ускоряя его развитие с тем, чтобы выразиться новой сущностью в отношениях собственности» (с. 93).

Рассмотрение воздействия обобществления производства на отношения собственности в сфере производства, распределения, обмена и потребления позволило автору не только выдвинуть свою точку зрения на механизм совершенствования социалистической собственности, но и определить социально-экономическую сущность обобществления производства при социализме. Исходя из положения, что при капитализме реализуется только обобществление производительных сил, а при социализме обобществление распространяется и на отношения собственности (с. 17), автор делает вывод, что обобществление производства при социализме является господствующей формой общественного производства.

Заслуживает внимания подход к вопросу о соотношении кооперации, разделения, обобществления труда и обобществления производства. На этой основе выдвигается одно из интересных положений данной монографии о системе экономических отношений, ее связи с производственными отношениями и от-

ношениями собственности. Однако в работе это положение не получило исчерпывающего освещения, в трактовке ряда вопросов имеются отдельные противоречия. Например, на с. 71 автор пишет, что экономические отношения выступают объектом собственности, а на с. 73 говорится, что понятие собственности как экономической категории уже, чем понятие экономических отношений. Из дальнейшего изложения можно предположить, что Н. И. Базылев все же отождествляет или приравнивает совокупность экономических отношений и отношения собственности. Эти и другие отдельные недоработки не снижают общего хорошего впечатления о работе, где выдвигается ряд интересных положений, обсуждение которых позволит углубить существующие точки зрения на обобществление производства и развитие отношений социалистической собственности, даст возможность выработать практические рекомендации по дальнейшему совершенствованию двух форм социалистической собственности в соответствии с требованиями июньского (1983) Пленума ЦК КПСС.

**И. И. Терешков,
В. В. Пузиков**

Л. Н. Давыденко. Сельскохозяйственный труд в агропромышленном комплексе: экономический и социальный аспекты.— Минск: Изд-во БГУ, 1983.— 183 с.

Центральной проблемой исследования является рассмотрение особенностей преобразования сельскохозяйственного труда в условиях агропромышленной интеграции. В книге хорошо показан рост обобществления сельскохозяйственного производства и труда под воздействием развития агропромышленной интеграции, а также необходимость и содержание перемены труда. Следует согласиться с автором, что «основным критерием перемены труда в условиях интеграции сельскохозяйственного и промышленного производства должно быть изменение содержания и характера сельскохозяйственного труда, повышение интеллектуального уровня работников села, приобретение ими методов и приемов рациональной организации аграрно-промышленного производства» (с. 45).

Ценным, по нашему мнению, является определение автором аграрно-промышленной интеграции труда при социализме как устойчивого, постоянно повторяющегося отношения «между участниками индустриального аграрно-промышленного производства по поводу развития целесообразной трудовой деятельности или самого процесса труда путем комбинации, взаимопроникновения, соединения приемов и методов сельскохозяйственного и промышленного труда по изготовлению исходного сельскохозяйственного продукта» (с. 79—80).

В книге справедливо отмечается, что отсутствие согласованного развития средств производства и рабочей силы

приводит к снижению эффективности сельскохозяйственного производства, сдерживает развитие сельскохозяйственного труда как индустриального, тормозит соединение приемов и методов сельскохозяйственного и промышленного труда у работников. Рассматривая современные тенденции изменения профессионально-квалификационной структуры сельскохозяйственных работников с учетом требований закона соответствия совокупной рабочей силы уровню и характеру средств производства, автор приходит к обоснованному выводу, что процесс аграрно-промышленной интеграции ведет к формированию на селе профессионально-квалификационных групп нового типа, характеризующихся сближением умственного и физического, исполнительного и управленческого, сельскохозяйственного и промышленного труда.

В книге рассмотрены также вопросы сближения условий воспроизводства рабочей силы, повышения эффективности подготовки и использования квалифицированных сельскохозяйственных кадров и роста благосостояния сельских тружеников. Приведенные автором факты наглядно характеризуют ускорение процесса сближения условий воспроизводства рабочей силы в аграрном секторе экономики по сравнению с промышленностью.

Рецензируемая работа написана на высоком идейно-теоретическом уровне, с широким использованием трудов классиков марксизма-ленинизма, документов Коммунистической партии и Советского правительства, новейшей монографической литературы, обширного фактического материала. Несомненно значительная научная новизна ряда положений, выводов и рекомендаций автора, умело использующего комплексный подход к исследованию закономерностей развития сельскохозяйственного труда в процессе агропромышленной интеграции.

Однако книга Л. Н. Давыденко не лишена и ряда недостатков. Автору следовало бы в большей мере учитывать различия сельскохозяйственного труда в колхозах и совхозах, уделять больше внимания проблемам стимулирования сельскохозяйственного труда, внедрения бригадного подряда. Отмеченные недостатки во многом вызваны сравнительно небольшим объемом монографии и не снижают в целом высокого уровня исследования.

В. Ф. Бондарев

Н. А. Моисеенко, М. В. Попов. Математика в политической экономии.— Л.: ЛГУ, 1982.— 127 с.

Рецензируемая книга продолжает серию немногочисленных работ, посвященных проблеме использования математики в политической экономии. Она отражает не только необходимость синтеза обеих наук, что так важно на современном этапе развития общественного производства, но и необходимость подготовки специалистов-политэкономов, призванных на деле осуществить это.

Заслуживает положительной оценки прежде всего постановка проблем, которые возникают, с одной стороны, при использовании математического аппарата в экономических исследованиях, а с другой — при проникновении математики в сферу политической экономии. Эти проблемы авторы справедливо предлагают преодолеть посредством постановки политической экономии на твердую математическую основу, т. е. путем выработки политэкономией своего собственного математического аппарата. В этой связи исследуется взаимосвязь диалектического и математического методов, в результате чего делается вывод, что «экономист, использующий математику и полагающийся, что уже одно это избавляет его от необходимости исполнять свои философские, экономические и исторические знания, полагающий, что он обойдется без них при анализе изучаемых явлений, оказывается на деле в плену у философии худшего толка, в плену негодных или даже реакционных экономических теорий» (с. 27). Рассматривая условия применения математики в политэкономии и ее математический аппарат, авторы указывают, что «математический аппарат нельзя рассматривать изолированно, вне связи с той или иной экономической теорией» (с. 32).

Достоинством работы является и установление общей закономерности развития математического аппарата, в которой выделяются три направления: во-первых, модели, выработанные буржуазными теориями; во-вторых, расширение сферы математических средств для решения конкретных экономических задач; в-третьих, аппарат, создаваемый специально для выражения идей марксистской политической экономии.

Авторы рецензируемой книги убедительно и аргументированно отмечают, что применение математики придает политэкономии такие черты, как последовательность и строгость теоретических положений. Создание собственного математического аппарата политэкономии социализма и его применение позволяет более успешно осуществлять критику различных буржуазных теорий и школ.

Вторая часть книги включает задачи, модели и упражнения по большинству тем курса. Реализация в учебном процессе этих математических построений позволяет, на наш взгляд, значительно глубже осознать суть политэкономических проблем, с одной стороны, а с другой — поможет студентам успешно овладеть математическим аппаратом науки.

С. Е. Янченко,
П. С. Лемешенко

В. Г. Тихиня. *Теоретические проблемы применения данных криминалистики в гражданском судопроизводстве.* — Минск: Вышэйшая школа, 1983. — 159 с.

Закономерно внимание, которое уделяется в юридической науке проблеме доказывания и доказательств в граждан-

ском процессе. Однако далеко не все вопросы в этой важной области изучены с необходимой глубиной. Тем больший интерес вызывает рецензируемая монография В. Г. Тихини, в которой впервые анализируются теоретические проблемы применения данных криминалистики в гражданском судопроизводстве, обобщается действующее процессуальное законодательство и практика его применения в деятельности судов. Основываясь на достижениях криминалистической, уголовно-процессуальной и гражданской процессуальной наук, автор раскрывает связь криминалистики и гражданского судопроизводства, показывает ее значительную роль в решении задач правосудия по гражданским делам. Особое внимание уделено пределам и условиям применения криминалистической техники и тактики в гражданском процессе. Всестороннее и глубокое исследование получили тактические приемы судебного допроса, судебного осмотра, эксперимента и предъявления для опознания, а также назначения и производства судебной экспертизы по гражданским делам.

Рассматриваемые в монографии проблемы не только дают теоретическую основу применения данных криминалистики в гражданском процессе, но и обнаруживают недостатки правового характера и судебной практики, на необходимость преодоления которых справедливо обращается внимание. Нельзя не согласиться с утверждением автора, что гражданское процессуальное законодательство не запрещает применять технико-криминалистические средства, а развитие последних дополняет и обогащает процессуальные нормы (с. 16—17). Вместе с тем криминалистические методы, приемы и средства, используемые в судебном разбирательстве гражданских дел, должны соответствовать нравственным принципам и не могут оскорблять или унижать человеческое достоинство, нарушать права и интересы участвующих в деле лиц.

Несомненным достоинством монографии является то, что автор не уходит от дискуссионных вопросов, вполне определенно формулирует свою позицию. Так, он решительно выступает против предложения о возможности применения для целей правосудия аппаратов, регистрирующих состояние и изменение физиологических параметров человеческого организма под влиянием волнения, страха или других эмоций (приборы типа «полиграф»), а также использования гипноза, «сыворотки правды» и т. п. (с. 19—20).

В книге впервые рассматривается вопрос о содержании и значении планирования судебного разбирательства и отдельных процессуальных действий по гражданским делам с учетом их особенностей. Автор вносит ряд ценных предложений по совершенствованию гражданского процессуального законодательства. Например, о дополнении ст. 185 ГПК БССР (ст. 227 ГПК РСФСР), излагающей содержание протокола судебного

заседания, в котором должен быть отражен весь процесс применения технико-криминалистических средств; о дополнении ГПК нормами, регламентирующими процессуальное положение специалиста в гражданском судопроизводстве, о получении и подготовке судом сравнительного материала для экспертного исследования и др.

Исследование теоретических проблем применения данных криминалистики в гражданском процессе основывается и на широком использовании материалов судебной практики, что делает выводы автора достаточно убедительными, а саму работу интересной и полезной не только для научных, но и практических работников суда и прокуратуры.

**Н. Т. Арапов,
М. К. Треушников**

Б. С. Волков. Мотивы преступлений (уголовно-правовое и социально-психологическое исследование).— Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1982.— 152 с.

В монографии показано, что мотивы являются признаками конкретного поведения и не входят в структуру личности как устойчивые свойства психики субъекта. Раскрыт также механизм воздействия мотива на сознание и волю субъекта, на принятие им решения и его исполнение. Б. С. Волков доказывает, что на формирование мотива влияют три элемента, образующие, по его мнению, структуру личности: личностная установка (жизненная программа поведения), система влечений, потребностей и интересов; характер и особенности воли. Он предлагает критерии классификации мотивов преступлений в уголовном праве.

По мнению автора, критерии класси-

фикации должны базироваться на признаках, выражающих сущность явления. В монографии раскрывается содержание и процесс социальной детерминации наиболее распространенных мотивов преступлений: корысти, хулиганских побуждений, мести, ревности... Обстоятельно рассматриваются мотив и основания уголовной ответственности; отмечается особая роль мотива среди признаков субъективной стороны преступления: он составляет социальную основу вины, оттеняет нравственную сторону поведения. Б. С. Волков справедливо оспаривает позицию криминалистов, полагающих, что мотив является признаком только умышленной вины и теряет свое значение при неосторожности. В работе убедительно показано, что установление и анализ мотива помогают определить содержание неосторожных преступлений и дать им правильную юридическую оценку.

Отмечая несомненные достоинства монографии, необходимо указать на некоторые недостатки. Б. С. Волков справедливо утверждает, что мотивы не входят в структуру личности (с. 7, 32), но, выделив устойчивые и ситуационные мотивы, он делает предположение, что устойчивые мотивы (ревность, корысть, зависть...) входят в структуру личности (с. 39). Возникло противоречие. Спорной является позиция автора по вопросу о соотношении социального и биологического в личности.

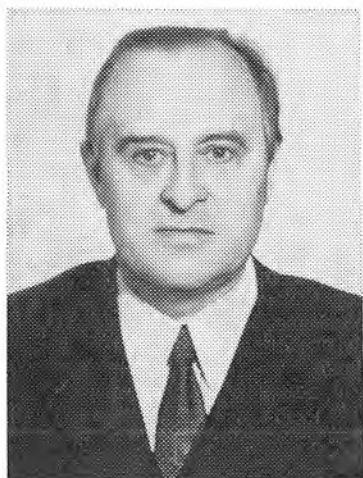
В целом же монография Б. С. Волкова является существенным вкладом в разработку проблем субъективной стороны преступления и механизма преступного поведения.

**А. В. Барков,
В. М. Хомич**

Нашы юбіляры

ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВИЧ ЧИГИР (К 60-летию со дня рождения)

8 сентября исполняется 60 лет со дня рождения доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Белорусской ССР Василия Федоровича Чигира.

В. Ф. Чигир родился в д. Лешня Копыльского района Минской области в семье крестьянина. В годы Великой Отечественной войны выпускник средней школы В. Ф. Чигир сражался с немецко-фашистскими захватчиками сначала в партизанском отряде, а затем в рядах Советской Армии. После тяжелого ранения по инвалидности увольняется из Советской Армии. В октябре 1945 года поступает в Минский юридический институт, по окончании которого был оставлен в аспирантуре. Успешно защитив кандидатскую диссертацию, В. Ф. Чигир работает в том же институте преподавателем, а с 1956 года — доцентом кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина; в 1970 году защищает докторскую диссертацию. В мае 1971 года назначается

заведующим кафедрой гражданского права и процесса, которой руководит и в настоящее время (ныне кафедра гражданского и семейного права). В течение десяти лет (с октября 1973 года) он был деканом юридического факультета.

За 35 лет педагогической и научно-исследовательской деятельности В. Ф. Чигир внес значительный вклад в подготовку юридических и научных кадров республики. Им опубликовано около 110 научных трудов, среди которых 8 монографий, книги и брошюры. По инициативе В. Ф. Чигира и под его руководством были подготовлены трехтомное учебное пособие «Гражданское право БССР», «Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Белорусской ССР», другие книги и учебные пособия. Круг научных интересов Василия Федоровича исключительно широк, но основное внимание он уделяет советскому жилищному праву, являясь одним из крупнейших специалистов страны в этой области. Под его руководством выполнен и защищен ряд кандидатских диссертаций по советскому гражданскому, а также колхозному праву.

Педагогическую и научную деятельность В. Ф. Чигир успешно сочетает с большой общественной работой. Много лет подряд он избирался председателем местного комитета университета, активно сотрудничает в редколлегии нашего журнала. Его ратный труд, плодотворная научная и общественная деятельность, успехи в подготовке высококвалифицированных специалистов отмечены высокими правительственными наградами, в том числе орденами Отечественной войны II степени, Трудового Красного Знамени, многими медалями.

Свое 60-летие Василий Федорович Чигир встречает в расцвете творческих сил. Пожелаем же ему крепкого здоровья, новых успехов в педагогической, научной и общественной деятельности.

ЗМЕСТ

ДА 40-ГОДДЗЯ ВЫЗВАЛЕННЯ БЕЛАРУСІ АД НЯМЕЦКА-ФАШЫСЦКІХ ЗАХОПНІКАУ

<i>Марченко И. В.</i> Операция «Багратнион»	3
<i>Кожушков А. И., Чудаев М. Ф.</i> За честь и независимость Родины. (Участие преподавателей и студентов БГУ в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны)	5

ГІСТОРЫЯ

<i>Третьякова А. И.</i> Рост и улучшение социального состава КП(б)Б в начальный период социалистической реконструкции народного хозяйства (1926—1929)	8
<i>Тимоховцев Н. М.</i> Вовлечение батрачества Белоруссии в ряды Коммунистической партии и Ленинского комсомола	11
<i>Цобкало А. А.</i> Участие сельской интеллигенции в агитационно-массовой работе (1938—1941)	13
<i>Заварин В. И.</i> Некоторые вопросы совершенствования стиля работы сельских райкомов Компартии Белоруссии (1965—1970)	16
<i>Левская Л. А.</i> Идеологическая работа КПБ по обеспечению рационального использования материальных и трудовых ресурсов (1966—1975)	19
<i>Жарко С. Б.</i> Деятельность ДОСААФ СССР по военно-патриотическому воспитанию рабочей молодежи в 1971—1975 годах	21
<i>Сикорский В. М.</i> Русско-белорусские революционные связи в первой половине XIX века	23
<i>Хотенчик М. А.</i> Роль книгопечатания в развитии белорусско-болгарских культурных связей в XVI веке	24
<i>Румен Сечков.</i> Роль КПСС и БКП в осуществлении советско-болгарского экономического сотрудничества (1966—1970)	26

ФІЛАСОФІЯ

<i>Бородин В. М.</i> Квазиэмпирическая форма математического творчества	29
<i>Левкович А. И.</i> О факторах детерминации исследования природы человека	32
<i>Гащенко Л. А.</i> Специфика идеологического отражения потребностей личности	35
<i>Давидюк Г. П., Манаев О. Т., Ротман Д. Г.</i> Социологические исследования эффективности идеологической работы: проблемы и перспективы	38
<i>Иосько М. И.</i> Истоки интереса К. Маркса к Белоруссии	40
<i>Смирнов Н. А.</i> Критика социальных и моральных принципов христианства в трудах Дидро	43

НАВУКОВЫ КАМУНІЗМ

<i>Дронь П. П.</i> Единство экономической и социальной политики КПСС на этапе развитого социализма	46
<i>Кишкевич А. Д.</i> Творческая активность: понятие и сущность	48

ЭКАНОМІКА

<i>Олехнович Г. И.</i> К теории вопроса о квалификации рабочей силы	50
<i>Ревущая Т. В.</i> Противоречия продукта труда при социализме	52
<i>Данильченко А. В.</i> Взаимосвязь понятий «материально-вещественное производство» и «производственная инфраструктура»	56
<i>Исаева Е. П.</i> Планомерность как свойство общественного труда	60
<i>Мигас В. В.</i> Неоколониалистская экспансия ТНК: проявления и последствия	63

ПРАВА

<i>Дражина И. В.</i> О структуре предмета юридической этики	67
<i>Богданов В. С.</i> Трудовой коллектив и дисциплина	69

РЭЦЭНЗП

<i>Слука О. Г., Э. А.</i> Забродский. Развитие социалистического соревнования в промышленности (На материалах Компартии Белоруссии 1971—1982 гг.).	70
<i>Поздняк Э. М., Г. М.</i> Трухнов. Рапалло в действии. Из истории советско-германских отношений (1926—1929 гг.)	71
<i>Трухнов Г. М., Космач Г. А., Л. И.</i> Гинцберг. Дружья новой России. Движение в защиту Советской страны в Веймарской Германии	72
<i>Иосько М. И., Шаш С. Д., В. Ф.</i> Берков. Структура и генезис научной проблемы	72
<i>Грушевой Г. В., Х. М.</i> Момджян. Французское Просвещение XVIII века	73
<i>Терешков И. И., Пузилов В. В., Н. И.</i> Базылев. Обобществление производ-	

ства и развитие отношений собственности	74
Бондарев В. Ф., Л. Н. Давыденко. Сельскохозяйственный труд в агропро- мышленном комплексе: экономический и социальный аспекты	74
Янченко С. Е., Лемещенко П. С. Н. А. Монсеенко, М. В. Попов. Математика в политической экономии	75
Арапов Н. Т., Треушников М. К. В. Г. Тихиня. Теоретические проблемы при- менения данных криминалистики в гражданском судопроизводстве	76
Барков А. В., Хомич В. М. Б. С. Волков. Мотивы преступлений (уголовно- правовое и социально-психологическое исследование)	76

НАШЫ ЮБИЛЯРЫ

Василий Федорович Чигир (К 60-летию со дня рождения)	77
--	----

80 кап.

Індэкс 74853

Весн. Беларускага ун-та.
Сер. 3, гіст., філас., навук. кам., экан., права, 1984, № 2, 1—80.